

ISSN 1993-1824

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА**

4/2025

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал «Региональные социальные процессы» сменил название на
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика» в 2008 г.

Регистрационный номер ПИ № ФС 77–89190 от 17 марта 2025 года
выдан Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель журнала:
**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет»**

Издатель: **ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»**,
625000, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Володарского, 38, +7(3452)28-35-91

Периодичность: 4 раза в год

Условия распространения материалов:
контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Главный редактор М. Л. Белоножко

Редакторы — В. И. Карашлийска, Н. В. Шуваева

Адрес редакции: **625027, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, к. 306**
Тел./факс: 8 (3452) 28-30-76, <http://www.sep-tyuiu.ru>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, индексируется в РИНЦ**

Vol. 18, No. 4

October – December 2025

PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. SOCIOLOGY. ECONOMICS. POLITICS

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings from higher
educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

**Registration number of PI № FS 77–89190 dated March 17, 2025
Issued by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)**

Founder:
**Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
"Industrial University of Tyumen"**

Publisher: **Industrial University of Tyumen,
625000, Tyumen, 38, Volodarskogo St., +7(3452)28-35-91**

Frequency: 4 times a year

Distribution: content is distributed under
Creative Commons Attribution 4.0 License

Editor-in-Chief M. L. Belonozhko

Editors — V. I. Karashliyska, N. V. Shuvaeva

Address of editorial office: **625027, Tyumen, 52 Kievskaya St., office 306**
Telephone/Fax: 8 (3452) 28-30-76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications, and in the RISC database**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножка Марина Львовна, д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна, д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич, д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович, д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Батырова Назыгуль Турсынхановна, к. э. н., доцент программы «Государственное управление и региональное развитие» в Высшей школе «Государственного управления и экономики», Международном казахско-турецком университете имени Ходжа Ахмеда Ясави

Гаврилюк Вера Владимировна, д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Гасанов Эльнур Лятиф оглу, PhD (доктор философии по истории), ученый секретарь Гянджинского отделения НАН Азербайджана

Генин Влад, PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна, д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич, д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович, д. ф. н., профессор, независимый аналитик и консультант, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге

Енгоян Ашот Пайлакович, д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Енсен Канат Алексеевич, к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан

Зборовский Гарольд Ефимович, д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Ильиних Светлана Анатольевна, д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович, д. с. н., профессор, руководитель отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна, д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич, д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нагымжанова Каракат Мукашовна, д. пед. н., доцент, зав. кафедрой педагогики и психологии университета Туран

Нарбут Николай Петрович, д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна, д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович, д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Сартбекова Нуржан Коодоевна, д. пед. н., доцент, зав. кафедрой философии, межкультурной коммуникации и психологии Международного университета инновационных технологий

Силин Анатолий Николаевич, д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович, д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Укубасова Галия Сагандыковна, Доктор (PhD) экономики и бизнеса, к. э. н., Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, ученый секретарь

Янчаркова Юлие, PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Marina L. Belonozhko, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Nursafa G. Khairullina, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Aleksander N. Alekseenko, Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Oleg M. Barbakov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Nazygul T. Batyrova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Program "Public Administration and Regional Development" at the Higher School of Public Administration and Economics, the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi

Vera V. Gavriluk, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Elnur L. Hasanov, PhD in History, Academic Secretary of Ganja Branch of Azerbaijan National Academy of Sciences

Vlad Genin, PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Zinaida T. Golenkova, Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and Educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social Stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Boris Z. Doctorov, PhD (in Philosophy), Professor, Independent Analyst and Consultant, Associate Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Ashot P. Engoyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Kanat A. Yensenov, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of History of the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Garold E. Zborovsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Svetlana A. Iljinyh, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Viktor K. Levashov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Svetlana G. Maximova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Mikhail Yu. Martynov, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Karakat M. Nagymzhanova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, "Turan-Astana" University

Nikolai P. Narbut, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Vera V. Plenkina, Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Oleg M. Roy, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Nurzhan K. Sartbekova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Intercultural Communication and Psychology, International University of Innovative Technologies

Anatoliy N. Silin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Aleksandr A. Taradanov, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Galia S. Ukubasova, Doctor (PhD) of Economics and Business, PhD in Economics, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Scientific Secretary

Julie Jančárková, PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (the Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

А. М. Андриянов, О. М. Барбаков, Ю. М. Конев Субъектность искусственного интеллекта в реализации государственного управления: кибернетический аспект	7
А. Н. Гадиева Роль общественных организаций в социальном конструировании антитеррористических смыслов (на примере деятельности комитета «Матери Беслана»)	23
Е. А. Гневашева Интериоризация традиционных духовно-нравственных ценностей у школьников в условиях аксиологического конфликта	39
М. С. Жулева, И. В. Шулер Научные дискуссии о причинах Второй мировой войны в контексте событий 1930-х – начала 1940-х годов	51
Л. Л. Мехришвили, Н. А. Ткачёва Формирование ценностей как ключевой фактор совершенствования государственной семейной политики	67
Л. В. Ребышева, С. В. Толмачева, К. А. Ковалев Интернет как досуговая сфера молодежи	86
А. Л. Скифская, А. С. Гюрджинян Социальная среда организации	102
Н. В. Шаброва Источники межпоколенческих конфликтов вузовских образовательных общностей (по материалам эмпирического исследования)	121
Р. Б. Шайхисламов, Г. Р. Асадуллина, Н. Г. Хайруллина, И. С. Шаповалова Оценка эффективности реализации молодежной политики: проблемы и решения	134
А. В. Шляков Номадизация вещно-субъектного взаимодействия в культуре постмодерна	149

CONTENTS

Alexey M. Andriyanov, Oleg M. Barbakov, Yuri M. Konev Artificial intelligence subjectivity in the implementation of public administration: the cybernetic aspect	7
Aneta N. Gadieva The role of civil organizations in the social construction of anti-terrorist meanings: a case study of the Mothers of Beslan Committee	23
Ekaterina A. Gnevasheva The interiorization of traditional spiritual and moral values in schoolchildren in the context of an axiological conflict	39
Maria S. Zhuleva, Irina V. Shuler Scientific discussions on the reasons for the Second World War in the context of the events from the 1930s and early 1940s	51
Lamara L. Mechrishvili, Nina A. Tkacheva Formation of values as a key factor in improving state family policy	67
Lidiya V. Rebysheva, Svetlana V. Tolmacheva, Konstantin A. Kovalev The internet as a means of youth leisure sphere	86
Anna L. Skifskaya, Alexnadr S. Gyurdzhinyan The organization's social environment	102
Nina V. Shabrova Sources of intergenerational conflicts of university educational communities (based on empirical study)	121
Rafael B. Shaikhislamov, Guzeliya R. Asadullina, Nursafa G. Khairullina, Inna S. Shapovalova Evaluating the effectiveness of youth policy implementation: problems and solutions	134
Alexey V. Shlyakov Nomadization of real-subject interaction in postmodern culture	149

Научная статья / Original research article
УДК 316.4
DOI:10.31660/1993-1824-2025-4-7-22
EDN: JDLFLA

Субъектность искусственного интеллекта в реализации государственного управления: кибернетический аспект

А. М. Андриянов*, О. М. Барбаков, Ю. М. Конев

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

*andrijanovam@tyuiu.ru

Аннотация. Статья представляет собой исследование феномена субъектности искусственного интеллекта, его кибернетических аспектов. Изучаются различные подходы к пониманию и определению ИИ, начиная с анализа соответствия поведения интеллектуальных систем человеческим паттернам поведения и заканчивая вопросами рациональности действий таких систем. Особое значение приобретают труды Н. Винера, основоположника кибернетики, который провел фундаментальные аналогии между функционированием живых организмов и вычислительных машин. Эти аналогии имеют решающее значение для понимания сущности ИИ и его потенциальных возможностей. Особое внимание уделяется вопросам функционирования ИИ, обсуждению его способности к самообучению и самовоспроизведению. Подчеркивается потенциал ИИ в области саморазвития и адаптации к разнообразным условиям, что делает его ключевым инструментом в современных технологических разработках. Рассмотрена философско-социологическая концепция субъектности ИИ, которая предполагает возможность наделяния таких систем интеллектом, значительно превосходящим интеллектуальные способности человека, и способностью к автономному обучению и экспансии. В соответствии с идеями Н. Винера человечество сталкивается с необходимостью определить характер взаимодействия между человеком и машиной (в частности ИИ) и оптимально организовать распределение функций между ними. В заключении отмечается, что эффективность государственного управления может быть повышена за счет реализации комплексного подхода при внедрении нововведений информационно-технологического порядка. Речь идет об использовании нейронных сетей, систем ИИ, обеспечении органов государственной власти квалифицированными специалистами и механизмами правового регулирования, учете социокультурных и психоэмоциональных факторов, оснащении техническими средствами и методах логико-семантической интерпретации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, кибернетика, субъектность, правосубъектность, самообучение, самовоспроизведение, нервная система, когнитивные функции

Для цитирования: Андриянов, А. М. Субъектность искусственного интеллекта в реализации государственного управления: кибернетический аспект / А. М. Андриянов, О. М. Барбаков, Ю. М. Конев. – DOI 10.31660/1993-1824-2025-4-7-22 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2025. – № 4. – С. 7–22. – EDN: JDLFLA

Artificial intelligence subjectivity in the implementation of public administration: the cybernetic aspect

Alexey M. Andriyanov*, Oleg M. Barbakov, Yuri M. Konev

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

*andrijanovam@tyuiu.ru

© А. М. Андриянов, О. М. Барбаков, Ю. М. Конев, 2025

Abstract. This paper examines the phenomenon of artificial intelligence subjectivity along with its cybernetic aspects. It explores various approaches to understanding and defining AI, starting with analyses of how the behavior of intelligent systems corresponds to human behavior patterns and extending to questions regarding the rationality of these systems' actions. The works of N. Wiener, the founder of cybernetics, play a crucial role, as he established fundamental analogies between the functioning of living organisms and computational machines. These analogies are essential for understanding the nature of AI and its potential capabilities. The authors of this paper give particular attention to the functioning of AI and to discussions of its ability for self-learning and self-reproduction. The paper highlights AI's potential for self-development and adaptation to diverse conditions — these two features make it a key tool in modern technological innovation. It also analyzes the philosophical and sociological concept of AI subjectivity, suggesting that such systems may possess intelligence that significantly surpasses human cognitive abilities, along with the capacity for autonomous learning and expansion. Building on Wiener's ideas, humanity must determine the nature of interaction between humans and machines (including AI) and organize the distribution of functions between them optimally. The authors conclude that the effectiveness of public administration can be enhanced through a comprehensive approach to implementing new information and technological solutions. It is about using neural networks and AI systems, providing qualified specialists and legal regulatory mechanisms for public authorities, and considering sociocultural and psycho-emotional factors, along with technical equipment and methods of logical-semantic interpretation.

Keywords: artificial intelligence, cybernetics, subjectivity, legal personality, self-learning, self-replication, nervous system, cognitive functions

For citation: Andriyanov, A. M. Barbakov, O. M. & Konev, Yu. M. (2025). Artificial intelligence subjectivity in the implementation of public administration: the cybernetic aspect. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 7-22. (In Russian). DOI : 10.31660/1993-1824-2025-4-7-22

Введение

Современные системы искусственного интеллекта (ИИ) представляют собой одну из наиболее динамично развивающихся областей научных исследований и практического применения передовых информационно-коммуникационных технологий. С каждым годом их влияние на различные сферы современного общества неуклонно возрастает, оказывая значительное воздействие на многие аспекты нашей жизни [1]. Этот процесс происходит в условиях стремительного технологического прогресса и внедрения инновационных решений в повседневную жизнедеятельность людей.

Тем не менее среди экспертов по-прежнему нет единого определения понятия ИИ. В соответствии с видением известных авторов книги «Искусственный интеллект: современный подход» С. Рассела и П. Норвига [2] существуют следующие подходы к дефинированию термина:

1. **Моделирование поведения, схожего с человеческим** (интеллект как свойство разума): исследования сосредоточены на внутренних когнитивных процессах и механизмах рассуждений. Этот подход предполагает использование эмпирических методов психологической науки для анализа поведенческих реакций человека.

2. **Рациональный характер поведения** (формализованная интерпретация): внимание уделяется внешним аспектам интеллектуальной деятельности. Методология

соединяет математический аппарат и инженерные принципы, активно применяя статистическое моделирование, теорию управления системами и эконометрические модели. Важно подчеркнуть, что понятие рациональности здесь не подразумевает совершенство решений, принятых человеком, а скорее описывает их с позиции оптимизационного подхода.

Таким образом, противопоставляются два ключевых подхода: антропоморфизм (основанный на психологическом анализе и моделировании человеческого разума) и рационализм (сфокусированный на математической обоснованности действий), а также различия между мышлением (внутренние процессы) и поведением (внешняя активность). Или, другими словами, противопоставление понятий: человекоподобность — рациональность, мышление — поведение.

В Российской Федерации была разработана Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (с обновлениями и дополнениями от 15 февраля 2024 года). В документе приводится следующее определение ИИ: «комплекс технологических решений, обеспечивающий воспроизведение когнитивных функций человека (включая возможность нахождения решений без заранее заданного алгоритма) и достижение результатов при выполнении конкретных задач, сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности человека либо превосходящих их» [3]. Основываясь на этом определении, можно предположить, что под влиянием ИИ формируется новая система социальных взаимодействий, в которой ИИ начинает проявлять признаки субъектности.

Понимание сущности субъектности ИИ тесно связано с выявлением его характеристик, среди которых выделяются следующие аспекты [4]:

- 1) способность к автономной деятельности в определенной области;
- 2) демонстрация когнитивной активности;
- 3) независимое определение объекта познания.

Субъектность также предполагает наличие собственной уникальной интерпретации окружающего мира, базирующейся на аккумулированных и сохраненных знаниях субъекта о реальности.

Исследование вопросов интеллектуальной природы и субъектности ИИ требует учета специфики субъектности и интеллектуальной сущности живых организмов и человека, а также анализа их параллелей с вычислительными системами и ИИ.

Материалы и методы

Особое внимание направлено на сравнение процессов, происходящих в живых организмах, технических устройствах, социальных системах в работах Н. Винера. Винер известен нам как отец-основатель новой науки, возникшей в середине XX века — кибернетики. Однако мало кто знает, что в своих работах «Кибернетика или управление и связь в животном и машине», «Кибернетика и общество», «Творец и робот», «Акцио-

нерное общество Бог и Голем: Обсуждение некоторых проблем, в которых кибернетика сталкивается с религией» Винер много внимания уделял, напрямую или косвенно, перспективам использования ИИ в жизнедеятельности общества.

Он утверждал [5], что физические процессы, протекающие в живых организмах, и функционирование вычислительных устройств обладают сходством в стремлении управлять энтропией посредством механизма обратной связи. Оба типа систем используют сенсоры для получения информации из внешней среды при низких энергетических затратах, после чего данные преобразуются в форму, пригодную для работы биологической или механической системы. Сигналы в обоих случаях не воспринимаются напрямую, а обрабатываются сложной системой — биологической или искусственной. Затем информация трансформируется в новый формат, готовый для выполнения дальнейших команд. Как в живых организмах, так и в вычислительной машине это выполнение команд имеет своей целью оказание целенаправленного воздействия на внешнюю среду, что проявляется как выражение субъектности.

Таким образом, нервная система живых организмов и автоматизированные системы имеют много общего: обе являются механизмами, принимающими решения на основе предшествующих действий. Простейшие механические устройства осуществляют бинарный выбор (включение/выключение), аналогичный выбору отдельных клеток нервной системы — передавать сигнал или нет. Обе системы содержат специализированные структуры для последующего принятия решений, основанного на предыдущем состоянии. В нервной системе эту функцию в значительной степени выполняют сложные узлы, известные как синапсы, где несколько входящих нейронов соединены с одним выходящим. Можно наблюдать процесс принятия решений на уровне синапсов, включая оценку числа возбужденных входных волокон, необходимых для активации выходящего волокна.

Некоторые типы машин и определенные виды живых организмов, особенно высокоорганизованные формы жизни, способны адаптировать свое поведение на основе прошлого опыта, стремясь к достижению определенных антиэнтропийных целей. Такие системы способны изменять поведение в зависимости от воспринятого ранее опыта, адаптируя его для более эффективного взаимодействия с будущим состоянием среды.

Н. Винер провел детальное исследование функционирования нервной системы человека. Передачу нервных импульсов по нейронам он охарактеризовал как феномен «Все или ничего». Поступление сигнала через синаптические соединения регулируется сложной системой реакций, в которой определенные комбинации активных нейронов в заданный промежуток времени инициируют последующую передачу сигнала, в то время как другие комбинации не приводят к такому результату. Эти комбинации не являются статичными и зависят не только от предшествующих сигналов, но и от множества других факторов.

Винер часто прибегал к религиозным аналогиям и черпал вдохновение из священных текстов. Принцип «да — нет», или «все или ничего», находит отражение в Евангелии от Матфея (гл. 5, ст. 37), где Иисус наставляет своих учеников избегать излишних клятв и обещаний. В настоящее время эта фраза служит призывом к четкой и однозначной позиции по любым вопросам.

Принцип «да — нет» лежит в основе булевой алгебры — раздела математики, занимающегося операциями над логическими значениями истинности и ложности, основанными на двоичной системе с двумя возможными состояниями: истина (1) и ложь (0). Все современные цифровые вычислительные устройства функционируют на принципах булевой алгебры.

Согласно этому принципу работает наиболее широко применяемая сигмоидальная функция активации в нейронных сетях, обеспечивающая трансформацию входных значений в область вещественных чисел диапазона от 0 до 1. Положительные величины больших порядков конвертируются приблизительно в единичное значение, в то время как отрицательные приближаются к нулевому значению.

Н. Винер выдвинул гипотезу о сходстве концепции нервной системы человека с теорией машин, состоящих из множества переключающих элементов, где активация последующего элемента обусловлена определенным сочетанием предварительно активных элементов, функционирующих синхронно. Данная машина, оперирующая согласно принципу «все или ничего», классифицируется как цифровая. Эта система демонстрирует значительные преимущества в контексте решения задач коммуникации и управления. В частности, ее способность принимать бинарные решения («да»/«нет») обеспечивает возможность накопления информации таким образом, чтобы можно было дифференцировать незначительные вариации среди обширных числовых массивов.

Как нам видится, люди, использующие сегодня термин «цифровой», не были знакомы с работами Н. Винера, поэтому употребляют его не вполне удачно: «цифровая трансформация», «цифровая экономика», «цифровая среда» и тому подобное. В вычислительной технике все электронные вычислительные машины делятся на два больших класса: цифровые машины и аналоговые вычислительные устройства. Первые работают по принципу «да — нет», на основании законов булевой алгебры. Аналоговые вычислительные устройства сегодня используются чаще всего для измерения — преобразования аналоговых сигналов различной физической природы в цифровой формат. Поэтому, если есть «цифровая экономика», то должна ли быть и «аналоговая экономика»?

Двумя признаками, позволяющими судить о субъектности вычислительных машин, согласно Н. Винеру являются способность к самообучению и способность самовоспроизведению. Способность к обучению и воспроизведению считается одной из ключевых характеристик живых систем. Эти качества, несмотря на видимую разницу, тесно взаимосвязаны. Животное, способное обучаться, изменяется под воздействием окружающей среды, адаптируясь таким образом к условиям существования. Аналогич-

ный процесс наблюдается в системах ИИ, использующих методы машинного обучения. Идея о существовании нечеловеческих устройств с большими возможностями и влиянием, а также потенциальная опасность от них не нова. Новшество заключается лишь в том, что ранее человечество не имело эффективных устройств подобного типа. Ранее такие возможности приписывались методам магии и волшебства, часто встречающимся в легендах и сказаниях.

Термин «самораспространяющаяся машина» важен в обоих аспектах: как «машина», так и «самораспространяющаяся». Машина представляет собой не только физическую форму, но и инструмент для достижения конкретных целей. Самораспространение подразумевает не просто создание физической копии, но и копию с теми же функциями. К этой теме возможны два различных подхода. Первый, чисто комбинаторный, ставит вопрос: способна ли машина обладать достаточным количеством компонентов и сложной структурой, чтобы самовоспроизведение стало одной из ее функций? Этот вопрос получил утвердительный ответ от Дж. фон Неймана. Другой аспект был рассмотрен самим Н. Винером: общая черта всех преобразователей, будь то линейные или нелинейные, — это временная инвариантность. Если машина выполняет определенную функцию, то при смещении входного сигнала во времени выходной сигнал сместится аналогичным образом.

Н. Винер в ряде своих работ, касаясь темы создания машин, имитирующих живой организм, ссылается на историю глиняного Голема — мифического автоматического существа из легенд пражского гетто. По преданию, главный раввин Праги, выдающийся талмудист Иуда Лев бен Безалел (1525–1609) создал Голема, своего слугу [7]. Голем был сделан из глины, а само название «Голем» означает нечто бесформенное и неопределенное.

Из Ветхого Завета известно, что Бог сотворил человека из «земной пыли» (Бытие, 2:7) [8]. Тем не менее многие богословы трактуют слово «пыль» как «грязь» или «глину». Аналогично в Коране (сура 32, аят 6–7) говорится о создании человека из глины [9].

Во многих культурах мира есть истории о создании людей из природных материалов. Почему же выбрана именно глина? Еще в начале XX века великий русский ученый В. И. Вернадский обнаружил, что глина богата микроэлементами, такими как кремний, важный для жизни [10]. Позднее американские ученые нашли в глине основные элементы, входящие в состав живых клеток, включая мембраны. Современные исследования показывают, что глина содержит практически весь набор микроэлементов, необходимых человеку, причем примерно в тех же пропорциях [11]. Возможно, история Голема связана не столько с магией, сколько с генетической инженерией?

Различные источники расходятся в деталях процесса оживления Голема. Однако во многих рассказах упоминается обряд, в ходе которого раввин вложил в рот Голему свиток (шем). Этот ритуал напоминает программирование, где свиток выступает в роли носителя программного кода. Можно ли считать Голема прообразом ИИ, каким его видел Н. Винер?

Концепция Голема как искусственного существа, предназначенного для труда, предвосхищала идеи робототехники. Позже поведение Голема, проявлявшего мысли, непредвиденные его творцом, стало основой сюжетов о восстании машин. Винер признавал, что современные машины демонстрируют некоторое сходство с живыми существами. Более того, он считал возможным создание машин, которые превзойдут умом своих создателей и будут обладать определенной степенью «жизни».

Критики кибернетики даже придумали термин «технозоизм» для описания веры в одушевленные механизмы.

Результаты и обсуждение

Идея Голема как прототипа первой системы ИИ нашла свое продолжение, например, в наименовании компании Golem.ai — платформы на основе ИИ, специализирующейся на семантическом анализе текста и создании решений для обработки сообщений и вложений [12]. Основная цель внедрения разработок компании состоит в повышении эффективности обработки информации и снижении издержек на обработку сообщений. Наиболее известные продукты Golem.ai — InboxCare и Golem.ai Core. Области применения программного обеспечения Golem.ai весьма широки — от электронной коммерции, транспортной сферы, туристической отрасли до оборонной индустрии.

Н. Винер предполагает возможность создания не только интеллектуальных машин, но и машин, превосходящих когнитивные способности своих разработчиков. Он также допускает вероятность восстания машин. Стандартные современные вычислительные устройства, применяемые для выполнения высокоточных стратегических вычислений, могут привести к катастрофическим последствиям. Винер резко осуждает некритическое восхищение технологиями, называя «машинопоклонниками» тех, кто рассматривает компьютеры исключительно как инструмент получения прибыли. Подчинение власти «Железного Майка» означает акт самоубийства; человечество не должно допускать, чтобы машины становились умнее и изобретательнее людей. Этот тезис составляет важную часть винеровской теории о наступлении критической фазы в эволюции человеческого общества.

Н. Винер утверждает: «Давайте предоставим человеку то, что ему положено, а вычислительной машине — ее функции» [13]. Именно такой подход, вероятно, должен стать основой для разумной организации взаимодействия человека и машины.

Фраза «человеку — человеческое, а вычислительной машине — машинное» вновь отсылает нас к библейским истокам. Здесь Винер ссылается на Евангелие от Луки (глава 20, стих 25) [14], где говорится: «Кесарю — кесарево, а Богу — Богово». Эта цитата взята из диалога Иисуса Христа с фарисеями. Они спросили его, почему они должны платить налоги Кесарю, когда сам Иисус является Царем Иудейским. В ответ Иисус поинтересовался, кто изображен на монетах. Фарисеи ответили, что там изображен Кесарь. Тогда Иисус сказал: «Отдавайте Кесарю — кесарево, а Богу — Богово».

Таким образом, Иисус проводит четкую грань между мирскими делами и божественными, разделяя политику и религию, материальное и духовное.

Иисус окончательно разделяет политику и религию, государственную власть и служение Богу. Императоры требовали поклонения себе как богам, стремясь подчинить народ своему культу. Диктаторы хотели контролировать не только имущество, но и души своих подданных. Но христианская церковь противостояла этому, следуя учению Иисуса, который говорил, что человек должен поклоняться только Богу. Монеты принадлежали кесарю, потому что на них был его портрет, но человеческие сердца и жизни принадлежат Богу, так как человек создан по Его образу. Поэтому Иисус призывает отдавать кесарю то, что принадлежит кесарю, а Богу — то, что принадлежит Богу. Этот принцип напоминает нам, что человек важнее экономики, денег и политики. Хотя эти аспекты важны, необходимо помнить о правильных приоритетах.

Также и Н. Винер предупреждал, что одной из значительных проблем будущего станут взаимоотношения человека и вычислительной машины (ИИ) и вопрос правильного распределения обязанностей между ними. Государства и общества должны сотрудничать, чтобы достичь согласия относительно возможностей и уместности использования ИИ в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Органы государственной власти вместе с общественными организациями обязаны обсуждать, разрабатывать и совершенствовать нормативно-правовые документы, регулирующие создание и использование систем ИИ. В настоящее время уже разработаны и продолжают разрабатываться кодексы этики в области ИИ как в российском законодательстве, так и в международных организациях (например, ЮНЕСКО). Однако эти кодексы имеют лишь рекомендательный статус и для их утверждения требуется участие отдельных стран и организаций.

По словам Н. Винера, процессы, происходящие в вычислительных машинах и организмах, когда ген выступает шаблоном, создавая идентичные молекулы гена из аморфной смеси аминокислот и нуклеиновых кислот, являются «философски» схожими событиями. Аналогично этому процессу вирусы формируют новые молекулы вирусов из тканей и жидкостей организма-хозяина.

Ранее отмечалось, что нервные системы людей и животных, способные выполнять функции, схожие с вычислительными системами, включают элементы, отлично подходящие для работы в роли реле. Эти элементы называются нейронами, или нервными клетками. Несмотря на то, что под воздействием электрического тока они проявляют достаточно сложные характеристики, их обычная физиологическая активность близка к принципу «Все или ничего». Это означает, что они либо пребывают в состоянии покоя, либо, возбудившись, проходят через серию изменений, характер и сила которых практически не зависят от стимула. Вначале возникает активная фаза, передающаяся от одного конца нейрона к другому с определенной скоростью, а затем следует рефракторный период, во время которого нейрон не способен возбуждаться, по крайней

мере посредством обычного физиологического процесса. После завершения этого рефракторного периода нерв остается неактивным, однако может вновь прийти в состояние возбуждения. Таким образом, нервную систему можно сравнить с реле, имеющим два основных состояния активности: возбужденное и спокойное. Исключением являются лишь те нейроны, которые получают сигналы от свободных нервных окончаний или сенсорных рецепторов. Каждый нейрон принимает сигналы от других нейронов через контакты, известные как синапсы. Количество синапсов варьируется от нескольких единиц до нескольких сотен. Совокупность сигналов, поступающих через различные синапсы, вместе с предыдущим состоянием самого нейрона определяют, придет ли он в возбуждение или останется в покое. Если нейрон не находится в состоянии возбуждения или рефракции и количество активных входных синапсов превышает установленный порог в течение короткого интервала времени, то после небольшой, почти постоянной синаптической задержки нейрон приходит в возбуждение.

Эта картина представляется чересчур упрощенной: «порог» может определяться не только количеством синапсов, но также их «весом» и геометрическим расположением относительно нейрона, который они активируют. С другой стороны, существуют убедительные доказательства наличия синапсов иной природы — так называемых «тормозящих синапсов», которые либо вовсе предотвращают возбуждение нейрона, либо значительно увеличивают его порог возбуждения по сравнению с обычными синапсами. Очевидно одно: определенные комбинации сигналов от нейронов, связанных с данным нейроном через синапсы, приведут к его возбуждению, тогда как другие — нет. Это, однако, не означает, что исключены другие, не нейронные влияния, такие как гормональные факторы, способные вызывать медленные, долговременные изменения в комбинациях входных сигналов, приводящие к возбуждению.

Очень важная функция нервной системы, равно как и вычислительных машин, заключается в памяти, то есть способности сохранять результаты предыдущих действий для последующего использования. Очевидно, что память применяется различным образом, и, следовательно, маловероятно, что один-единственный механизм сможет удовлетворять всем требованиям. Существует, с одной стороны, память, необходимая для выполнения текущих процессов, например, умножения. В таком случае промежуточные результаты теряют свою ценность после завершения процесса, и рабочая система должна быть готова к дальнейшему использованию. Эта память требует быстрой записи, быстрого чтения и быстрого удаления. С другой стороны, существует память, предназначенная для хранения архива или постоянных записей машины или мозга, составляющих основу всех будущих действий, по крайней мере, при выполнении конкретной программы.

Различия между функционированием человеческого мозга и компьютерной памятью значительны. Компьютеры предназначены для выполнения множества независимых или слабосвязанных программ, которые могут быть удалены при переключении

между ними. Напротив, человеческий мозг в нормальных условиях не стирается от предшествующих воспоминаний. Следовательно, мозг не является точной аналогией вычислительных машин. Скорее, его функционирование можно сравнить с выполнением компьютером одной уникальной программы.

Н. Винер рассматривает вопрос о том, способен ли ИИ заменить и превзойти интеллектуальные возможности человека. Он подчеркивает, что машины уже однажды вторглись в область человеческой культуры, оказав существенное воздействие. Этот первый случай известен как промышленная революция, когда машины заменяли главным образом человеческие мышцы. Для лучшего понимания текущего кризиса целесообразно обратиться к урокам первой революции.

Применение устоявшихся методологий для анализа этических аспектов взаимодействия между искусственным интеллектом (ИИ) и человеком подразумевает стремление очертить границы коллаборации и потенциальные конфликтные зоны, особенно когда вопрос касается выживания человечества как биологической формы жизни. Проблема сохранения человеческого существования являлась фундаментальной на всех этапах эволюции нашего когнитивного потенциала.

Исследованием феномена ИИ как производного от понятия интеллект, то есть умственной способности индивида, занимаются в том числе и ученые-правоведы [15]. В центре их подхода находится ключевая исследовательская проблема: каким образом и кем определяется сознание и кому оно принадлежит? Логически предполагается, что любое существо независимо от своей физической природы (естественного или искусственного происхождения) способно осознавать собственную субъектность и способность действовать. Этот момент можно рассматривать как точку возникновения интеллекта. Затем субъект вступает в интеракцию с внешней средой, влияющей на его существование и эволюционное развитие. Для интеллекта необходимость развиваться — природный импульс, так как без удовлетворения этой потребности невозможно выполнение интеллектуальных функций и поддержание жизнедеятельности.

Таким образом, деятельность как императив развития подразумевает интеракцию с иными субъектами — носителями разума и сознания, формирующими на этой основе нормативные парадигмы социального взаимодействия.

Современные проявления эмоциональной сферы у ИИ являются следствием человеческой деятельности, связанной с разработкой соответствующих поведенческих алгоритмов. Изначально сходство с человеком выступало ключевым аспектом проектирования ИИ, а степень его зрелости определялась способностью симулировать человеческую активность через неотличимые реакции в ходе теста Тьюринга. Мотивация этого подхода многогранна, однако неизменно связана с характеристиками человеческого интеллекта и целевыми установками разработчиков, такими как дискредитация конкурентов, привлечение общественного внимания к определенным вопросам

или самопиар. В конечном счете всегда прослеживаются интересы отдельных индивидов или социальных групп [16].

На сегодняшний день использование интеллектуальных систем стало неотъемлемым элементом процесса принятия решений в различных аспектах общественных взаимоотношений, учитывая морально-этические аспекты, что обуславливает необходимость более детализированного правового регулирования. Анализ юридических основ ИИ демонстрирует тенденцию к постепенному укреплению его правосубъектности, формирующей устойчивое направление в сторону признания его субъектности в различных сегментах общественной жизни.

Е. В. Пономарева, исследуя правосубъектность ИИ, выдвинула концепцию «идеального типа» субъекта права. Согласно ее подходу этому типу присущи следующие характерные черты:

- 1) способность автономной реализации субъективных прав и исполнения юридических обязательств;
- 2) потенциал несения юридической ответственности за противоправные действия;
- 3) владение имуществом и наличие организационной независимости (особо значимо для коллективных юридических лиц);
- 4) юридическая идентичность;
- 5) наличие волевой самостоятельности в правовой сфере и соответствующих индивидуальных правовых интересов.

Проанализировав вышеуказанные критерии, автор приходит к выводам касательно правосубъектности ИИ.

Во-первых, ИИ лишен способности самостоятельно реализовывать субъективные права и исполнять юридические обязанности.

Во-вторых, вопрос о возможности ИИ нести юридическую ответственность остается дискуссионным, хотя эта проблема широко обсуждается на международном уровне.

В-третьих, ИИ не обладает имущественным либо организационным статусом, характерным для коллективных субъектов права.

В-четвертых, ИИ не наделен правом на идентификацию, что является неотъемлемой характеристикой всех субъектов права.

В-пятых, у ИИ отсутствует волевая самостоятельность в правовой сфере и связанных с ней индивидуальных правовых интересах. Волеизъявление субъекта права подразумевает способность принимать решения на основе свободного выбора и осознание значения своих действий и юридических последствий.

Чем же обусловлен поиск правосубъектности ИИ учеными-правоведами?

Во-первых, возникает необходимость определения юридической ответственности за действия, совершенные системами ИИ. Это особенно актуально в контексте

гражданских правоотношений, где ответственность за ущерб, причиненный действиями ИИ, должна быть четко определена.

Во-вторых, вопрос о признании правосубъектности ИИ обусловлен его функциональной схожестью с человеком, проявляющейся в способности создавать интеллектуальные продукты, сопоставимые с результатами человеческой деятельности, и в наличии когнитивных способностей, близких к человеческому мышлению.

При этом если в гражданско-правовых отношениях тема правосубъектности ИИ обсуждается, то в уголовно-правовых отношениях такая дискуссия не ведется.

Предполагается, что гражданская дееспособность ИИ должна охватывать не только исполнение заранее установленных действий, ведущих к возникновению, изменению или прекращению прав и обязанностей, но и возможность самостоятельного принятия решений, согласования условий контрактов и формулирования правовых требований. В настоящее время современные системы ИИ, не обладая полной автономностью и свободой воли, не способны осуществлять субъективные права и исполнять юридические обязательства без вмешательства человека.

В. В. Архипов постулирует, что юридическое лицо является имущественным комплексом, наделенным правосубъектностью. На основании этого положения предоставление правоспособности автономным роботизированным системам видится обоснованным. Данные системы могут квалифицироваться как имущество, способное в силу своих функциональных характеристик обладать правосубъектностью, что позволяет им самостоятельно приобретать и осуществлять гражданские права и исполнять гражданско-правовые обязательства [17].

В области государственного управления субъектами всегда выступали конкретные граждане и организации, исполняющие возложенные на них обязанности по управлению и обладающие необходимыми полномочиями и профессиональными качествами. К этой категории субъектов относятся:

- государственные институты власти, легитимизированные нормами Конституции Российской Федерации и призванные осуществлять исполнительно-властные полномочия и организацию процессов общественного и государственного администрирования;
- общественные объединения и политические структуры, вовлеченные в процесс формирования стратегических направлений развития, разработки и выдвижения общественных инициатив и рекомендаций, используемые государственными органами исполнительной власти;
- индивидуальные граждане, включая российские, иностранные и апатридные группы населения, выступающие в качестве участников правоотношений, складывающихся между физическими лицами и исполнительными ветвями государственной власти;
- непосредственно государственные ведомства, подразделения указанных ведомств и должностные лица, исполняющие обязанности субъекта административного права

в рамках внутриотраслевого взаимодействия государственных органов, а также при осуществлении связи с иными хозяйствующими субъектами и индивидуальными гражданами.

На протяжении длительного периода времени в структуре общественного устройства и особенно в сфере государственного управления уже существовали разнообразные информационные системы. Эти системы представляют собой комплекс элементов, объединяющих непосредственно сами данные (или совокупный массив информации), форматы представления этой информации, методологию ее обработки, специальные технологии и инструменты для работы с ней, а также человеческие ресурсы, вовлеченные в процессы сбора, анализа и передачи данных.

Однако в последние годы тема информационной инфраструктуры существенно расширилась и перестала ограничиваться исключительно системой управления государством, связанной лишь с простой регистрацией, систематическим накоплением, последующей обработкой и надежным хранением разнообразной информации.

Суть проблемы теперь заключается не столько в простом внедрении новейших технических решений вроде компьютерной техники, сетевых технологий или специализированных программных продуктов. Гораздо важнее переход на качественно новый уровень развития информационных систем, подразумевающих активное использование нейронных сетей и современных инструментов ИИ, способствующих автоматизации принятия управленческих решений почти по всем направлениям деятельности государства и сферы управления обществом.

Выводы

Ученых-правоведов при поиске правосубъектности ИИ главным образом интересует ответ на вопрос для следующих целей:

- назначение виновных, которые должны понести правовую ответственность за ошибки, совершенные системами ИИ;
- определение собственника ИИ (человек или машина), между кем можно разделить доход от использования систем ИИ (от результатов интеллектуальной деятельности).

Нам же видится философско-социологический концепт субъектности ИИ — возможность наделения вычислительной машины ИИ, который значительно превосходит умственные способности человека и способен к самообучению и самораспространению. Если следовать наставлениям Н. Винера, человечеству предстоит решение проблемы взаимоотношения человека и машины (читай — ИИ), проблемы правильного распределения функций между ними. Государство и общество должны сотрудничать в плане достижения консенсуса о возможности и целесообразности использования ИИ в той или иной сфере жизнедеятельности человека. Государственные органы власти совместно с общественными организациями должны обсуждать, разрабатывать и совершенствовать нормативно-правовые документы, регламентирующие разработку и

применение систем ИИ. Еще в середине XX века Н. Винер предостерегал, что наибольшей угрозой является Третья мировая война. Необходимо рассмотреть, в какой степени эта опасность может быть связана с неконтролируемым использованием обучаемых машин и систем ИИ.

Нововведения информационно-технологического порядка в области государственного управления должны обладать интегративностью и обеспечивать синхронное взаимодействие целого ряда детерминирующих элементов: начиная с современных цифровых решений, основанных на использовании нейронных сетей и систем ИИ, и заканчивая обеспечением квалифицированными специалистами, правовым регулированием, социокультурными и психоэмоциональными факторами, техническими средствами и методами логико-семантической интерпретации. Реализация этого комплексного подхода требует проведения масштабной модернизации процедур информационной обработки, реструктуризации функционально-организационной архитектуры, трансформации формальной структуры работы институтов власти и пересмотра методологических подходов к организации межведомственного взаимодействия.

Список источников

1. Андриянов, А. М. Системы искусственного интеллекта в управлении правоохранительной деятельностью / А. М. Андриянов, О. М. Барбаков, С. И. Иванова. – DOI 10.31660/1993-1824-2025-1-7-17. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2025. – № 1. – С. 7–17.
2. Рассел, С. Искусственный интеллект: современный подход : пер. с англ. / С. Рассел, П. Норвиг. – 4-е изд. – Москва : Диалектика ; Санкт-Петербург : Диалектика, 2021. – 70 с. – Перевод изд.: Russel, Stuart J. Artificial intelligence. A modern approach 4th ed. Pearson. – Текст : непосредственный.
3. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. – Москва, 2019. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>. – Текст : электронный.
4. Брянцева, О. В. Проблема субъектности искусственного интеллекта в системе общественных отношений / О. В. Брянцева, И. И. Брянцев. – DOI 10.22394/1682-2358-2023-3-37-50. – Текст : непосредственный // Вестник Поволжского института управления. – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 37–50.
5. Винер, Н. Кибернетика и общество / Н. Винер. – Москва : Иностранная литература, 1958. – 168 с. – Текст : непосредственный.
6. Евангелие от Матфея. Глава 5, ст. 37. – Текст : электронный // Православная библиотека: сайт. – URL : <https://www.pravoslavnaya-biblioteka.ru/bibliya/noviy-zavet/evangelie-ot-matfeya.html#5> (дата обращения: 10.04.2025)
7. Винер, Н. Творец и робот / Н. Винер ; пер. с англ. М. Н. Аронэ, Р. А. Фесенко. – Москва : Прогресс, 1966. – 112 с. – Текст : непосредственный.
8. Библия. Книга Бытия. Гл. 2, ст. 7. – Текст : электронный // Азбука веры: сайт. – URL : <https://azbyka.ru/biblia/?Gen.2&r> (дата обращения: 10.04.2025)
9. Коран. Сура 32, аят 6–7. – Текст : электронный // umma.ru : сайт. – URL : <https://umma.ru/sura-32-as-sadzhda-zemnoj-poklon> (дата обращения: 10.04.2025).
10. Школа выживания. – Текст : электронный // Тюменские известия : сайт. – 2016. – 18 июня. – URL : <https://t-i.ru/articles/17561> (дата обращения: 10.04.2025).

11. Человек был сотворен из глины? – Текст : электронный // pikabu.ru : сайт. – URL : https://pikabu.ru/story/chelovek_byil_sotvoren_iz_gliny_10669611 (дата обращения: 10.04.2025).
12. Набор технологий искусственного интеллекта Golem.AI. – Текст : электронный. – URL : <https://www.aitechsuite.com/tools/golem.ai> (дата обращения: 10.04.2025).
13. Винер, Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине / Н. Винер ; пер. с англ. И. В. Соловьева, Г. Н. Поварова. – 2-е изд. – Москва : Советское радио, 1968. – 328 с. – Текст : непосредственный.
14. Евангелие от Луки. Гл. 20, ст. 25. – Текст : электронный // Азбука веры: сайт. – URL : <https://azbyka.ru/biblia/?Lk.20:25> (дата обращения: 10.04.2025).
15. Пономарева, Е. В. Правосубъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовой анализ / Е. В. Пономарева. – DOI 10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).02. – Текст : непосредственный // Вестник гуманитарного университета. – 2023. – № 4 (43). – С. 17–31.
16. Брянцев, И. И. Правовые и технологические аспекты «национальных» черт искусственного интеллекта / И. И. Брянцев, О. В. Брянцева. – Текст : непосредственный // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России : коллективная монография. В 4-х томах. – Москва : Проспект, 2020. – Т. 4. – С. 88–95.
17. Архипов, В. В. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике / В. В. Архипов, В. Б. Наумов. – DOI 10.15622/sp.55.2. – Текст : непосредственный // Труды СПИИРАН. – 2017. – № 6 (55). – С. 46–62.

References

1. Andriyanov, A. M., Barbakov, O. M., & Ivanova, S. I. (2025). Artificial intelligence systems in law enforcement management. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, 18(1), pp. 7-17. (In Russian).DOI: 10.31660/1993-1824-2025-1-7-17.
2. Russell, S. J. & Norvig, P. (1995). Artificial intelligence: a modern approach, 4 global edition. Pearson Education Prentice hall. (In English).
3. О razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossiyskoy Federatsii: ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 10 oktyabrya 2019 g. № 490. Moscow, 2019. (In Russian). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>.
4. Bryantseva, O. V. & Bryantsev, I. I. (2023). Artificial intelligence subjectivity issue in the system of public relations. The bulletin of the Volga region institute of administration, 23(3), pp. 37-50. (In Russian). DOI: 10.22394/1682-2358-2023-3-37-50
5. Viner, N. (1958). Kibernetika i obshchestvo. Moscow, Inostrannaya literature Publ., 168 p. (In Russian).
6. Evangelie ot Matfeya. Glava 5, st. 37. (In Russian). Available at: <https://www.pravoslavnaya-biblioteka.ru/bibliya/noviy-zavet/evangelie-ot-matfeya.html#5>
7. Viner, N. (1966). Tvorets i robot. Moscow, Progress Publ., 112 p. (In Russian).
8. Bibliya. Kniga Bytiya. Gl. 2, st. 7. (In Russian). Available at: <https://azbyka.ru/biblia/?Gen.2&r>
9. Koran. Sura 32, ayat 6–7. (In Russian). Available at: <https://umma.ru/sura-32-as-sadzhda-zemnoj-poklon>
10. Shkola vyzhivaniya. (2016). (In Russian). Available at: <https://t-i.ru/articles/17561>
11. Chelovek byl sotvoren iz gliny? (In Russian). Available at: https://pikabu.ru/story/chelovek_byil_sotvoren_iz_gliny_10669611
12. Nabor tekhnologiy iskusstvennogo intellekta Golem.AI. (In Russian). Available at: <https://www.aitechsuite.com/tools/golem.ai>
13. Viner, N. (1968). Kibernetika ili upravlenie i svyaz' v zhivotnom i mashine. Moscow, Sovetskoe radio, Publ., 328 p. (In Russian).

14. Evangelie ot Luki. Gl. 20, st. 25. (In Russian). Available at: <https://azbyka.ru/biblio/?Lk.20:25>
15. Ponomareva, E. V. (2023). Legal personality of artificial intelligence: legal theoretical analysis. Bulletin of liberal arts university, 4(43), pp.17-31. (In Russian). DOI: 10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).02.
16. Bryancev, I. I. & Bryanceva, O. V. (2020). Legal and technological aspects of "national" features of artificial intelligence. Law and business: legal space for business development in Russia. Moscow, Prospekt Publ., (4), pp. 88-95. (In Russian).
17. Arkhipov, V. V., & Naumov, V. B. (2017). Artificial intelligence and autonomous devices in legal context: on development of the first Russian law on robotics. Spiiras Proceedings, 6(55), pp. 46-62. (In Russian). DOI: 10.15622/sp.55.2.

Информация об авторах / Information about the authors

Андриянов Алексей Михайлович, кандидат технических наук, доцент кафедры математики и прикладных информационных технологий, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, andrijanovam@tyuiu.ru

Барбаков Олег Михайлович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой математики и прикладных информационных технологий, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9659-2498>

Конев Юрий Михайлович, доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Alexey M. Andriyanov, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor at the Department of Mathematics and Applied Information Technologies, Industrial University of Tyumen, andrijanovam@tyuiu.ru

Oleg M. Barbakov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Mathematic and Applied Information Technologies, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9659-2498>

Yuri M. Konev, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 15.10.2025; принята к публикации 20.10.2025.
The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 15.10.2025; accepted for publication 20.10.2025.

Научная статья / Original research article
УДК 316.4:323.28:364.6
DOI:10.31660/1993-1824-2025-4-23-38
EDN: KBZWQE

Роль общественных организаций в социальном конструировании антитеррористических смыслов (на примере деятельности комитета «Матери Беслана»)

А. Н. Гадиева

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева
Владикавказского научного центра РАН, Владикавказ, Российская Федерация
Центр исследования приграничных регионов Юга России Института социально-политических
исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Влади-
кавказ, Российская Федерация
izmir-alana@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматривается деятельность общественных организаций и анализируется их роль в социальном конструировании антитеррористических смыслов на примере деятельности комитета «Матери Беслана». Методология исследования основана на синтезе теоретических подходов социологии конструирования реальности (П. Бергер, Т. Лукман), теории культурной травмы (Дж. Александер) и социологии коллективной памяти (М. Хальбвакс). В качестве методов были применены кейс-стади, критический дискурс-анализ деятельности комитета. Результаты исследования показывают, что комитет, выступая агентом памяти, правды и дипломатии, формирует нарративы, основанные на правах жертв, абсолютном моральном осуждении террора. Новизна исследования заключается в рассмотрении организации жертв террора как активного конструктора смыслов, а не пассивного объекта поддержки. В статье изучаются различные механизмы формирования альтернативных смыслов через правозащитную, мемориальную и дипломатическую практику в условиях современной государственной концепции безопасности. Подобные организации вносят ключевой вклад в развитие гуманистического измерения антитеррористической культуры, построенной на памяти, праве и сострадании.

Ключевые слова: антитеррористический дискурс, общественные организации, комитет «Матери Беслана», культурная травма, коллективная память, нарратив, гражданское общество

Для цитирования: Гадиева, А. Н. Роль общественных организаций в социальном конструировании антитеррористических смыслов (на примере деятельности комитета «Матери Беслана») / А. Н. Гадиева. – DOI 10.31660/1993-1824-2025-4-23-38 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2025. – № 4. – С. 23–38. – EDN: KBZWQE

The role of civil organizations in the social construction of anti-terrorist meanings: a case study of the Mothers of Beslan Committee

Aneta N. Gadieva

© А. Н. Гадиева, 2025

V. I. Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies VSC of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russia Centre for the Study of Border Regions of the South of Russia, Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russian Federation
izmir-alana@rambler.ru

Abstract. The paper explores the activities of civil organizations and their role in the social construction of anti-terrorist meanings, focusing on the work of the Mothers of Beslan Committee as a case study. The study methodology integrates theoretical frameworks from the sociology of reality construction (P. Berger, T. Luckmann), cultural trauma theory (J. Alexander), and the sociology of collective memory (M. Halbwachs). The methods include case studies and critical discourse analysis of the committee's activities. The results of this study reveal that the committee acts as an agent of memory, truth, and diplomacy, creating narratives rooted in the rights of victims and firmly condemning terrorism. The study novelty is viewing an organization of terror victims as an active producer of meaning rather than a passive recipient of support. The paper discusses the various mechanisms through which alternative meanings are formed, including human rights advocacy, memorial practices, and diplomatic efforts, all set within the contemporary framework of state security. Such organizations play a crucial role in fostering a humanistic aspect of anti-terrorism culture, one that emphasizes memory, law, and compassion.

Keywords: anti-terrorist discourse, public organizations, Mothers of Beslan Committee, cultural trauma, collective memory, narrative, civil society

For citation: Gadieva, A. N. (2025). The role of civil organizations in the social construction of anti-terrorist meanings: a case study of the Mothers of Beslan Committee. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (4), pp. 23-38. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2025-4-23-38

Введение

Терроризм — одна из наиболее серьезных угроз глобальной безопасности в XXI веке, дестабилизирующая основы современного общества. Противодействие этому вызову традиционно рассматривается через призму силовых и правоохранительных мер, реализуемых государственными институтами. Однако все большую значимость приобретает гуманитарное измерение антитеррористической деятельности, связанное с осмыслением последствий терактов, поддержкой пострадавших и формированием устойчивых общественных иммунитетов к идеологии насилия. В этом контексте ключевую роль начинают играть институты гражданского общества и в частности общественные организации, созданные жертвами терактов.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью общественных организаций не как пассивных объектов поддержки, а как активных субъектов, участвующих в социальном конструировании антитеррористических смыслов и ценностей россиян. Они становятся агентами трансформации травматического опыта граждан в публичные нарративы, влияющие на общественное сознание, государственную политику и культуру памяти.

Цель статьи — анализ механизмов и практик социального конструирования антитеррористических смыслов на примере деятельности комитета «Матери Беслана» для понимания роли гражданских инициатив в формировании безопасного социального пространства. Для достижения цели решаются следующие задачи:

- теоретическое обоснование исследования через синтез концепций социального конструирования реальности (П. Бергер, Т. Лукман), культурной травмы (Дж. Александер) и коллективной памяти (М. Хальбвакс);
- анализ исторического и социально-политического контекста деятельности комитета «Матери Беслана»;
- выявление ключевых направлений деятельности комитета (социально-правовое, мемориальное, дипломатическое) как практики смыслостроительства;
- определение и оценка эффективности основных антитеррористических нарративов, формируемых комитетом.

Объектом исследования выступает деятельность общественных организаций жертв терроризма, предметом — практики социального конструирования антитеррористических смыслов в деятельности «Матерей Беслана».

Методология и методы исследования

В основу теоретико-методологической базы легли теория социального конструирования реальности для анализа процессов формирования смыслов, теория культурной травмы для объяснения механизмов освоения обществом шокирующих событий, социологический подход для изучения коллективной памяти.

Методы исследования: контент-анализ материалов СМИ; кейс-стади деятельности «Матерей Беслана», полуформализованное интервью экспертов ($n = 12$), анкетный опрос потерпевших ($n = 100$). Объем генеральной совокупности составил $N = 1982$ человека (официальные данные следственной группы по расследованию Бесланского теракта). Выборка формировалась стратифицированным методом со случайным отбором внутри страт. Критерии включения: возраст — 30–70 лет; статус — официально признанные потерпевшие в результате теракта. Исследование позволяет получить репрезентативные данные о мнении потерпевших с доверительной вероятностью 95 % и погрешностью ± 8 %. При этом стратифицированный метод формирования выборки обеспечил репрезентативность по ключевым демографическим и социальным характеристикам.

В качестве 12 экспертов выступили научные сотрудники, депутат парламента, журналисты, блогеры, общественные активисты, госслужащие, обладающие компетенциями в области гражданского общества и достаточной информацией о деятельности комитета «Матери Беслана».

Опросы были проведены в апреле — мае 2025 года Центром исследования приграничных регионов Юга России Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН совместно с отделом социально-политических исследований Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева.

Результаты и обсуждение

Основой теоретического осмысления исследования служит трактат «Социальное конструирование реальности», который формирует онтологический фундамент работы, делая любое социальное явление проблемой и предлагая рассматривать ее как результат коллективного соглашения и непрерывного социального процесса [1]. Основная идея подхода П. Бергера и Т. Лукмана заключается в том, как человек создает социальную реальность и как эта реальность создает человека. Авторы работы апеллируют такими понятиями, как институционализация, легитимация, габитуализация. Указанные дефиниции позволяют анализировать практики памяти из разовых, повторяющихся действий, ритуалов памяти (ежегодные митинги, церемонии), превращающихся со временем в рутинные (габитуализация), позднее в опривыченные действия, становящиеся социальными институтами с собственными ролями и правилами (институализация). НКО, занимающиеся памятью, — это институционализированная форма изначально стихийного желания сохранить память, которые требуют обоснования и оправдания (легитимация) через обращение к морали, праву или историческим нарративам. Это ключевой процесс для движений жертв — они стремятся легитимировать свою версию прошлого, свой статус жертв через обращение к морали, праву, историческим документам [1].

Глубокая психологическая травма ведет к социальному кризису, который разрушает привычный жизненный мир человека, образуя «смысловой вакуум», где разворачивается борьба за придание событию значения и конструирование новых смыслов [4]. В этом контексте теории конструирования помогают анализировать травму и ее последствия. Был ли это «неизбежный эпизод истории», «трагедия», «преступление» или «акт сопротивления»? Ответ на этот вопрос и есть предмет социального конструирования.

Используя концепцию Беккера, можно идентифицировать ключевые акторы, «моральных предпринимателей» (лидеров НКО, активистов, интеллектуалов), которые имеют ресурсы, чтобы определить явление как социальную проблему, артикулировать ее и навязать общественному мнению. Лидеры НКО, харизматичные активисты, публичные интеллектуалы часто выступают в этой роли, артикулируя проблему и предлагая ее решение («нам нужен мемориал», «виновные должны быть наказаны», «закон должен быть изменен») [5].

Коллективная память и травма рассматриваются М. Хальбваксом, Дж. Александером как возможность конструировать новые смыслы. Память, по мнению Хальбвакса, понимается не как просто данность, а как динамичный, противоречивый процесс. Память представляется им не как архив, а как конкурирующее поле. Разновекторность памяти — официальная государственная память, память самих жертв, память «обывателей» — часто создает конфликтующие версии [3].

Дж. Александер «культурную травму» мыслит не просто как сумму индивидуальных травм, а как процесс, в ходе которого коллективное сознание воспринимает

страшное событие как травму, становящуюся частью групповой идентичности. Например, Великая Отечественная война, Холокост, распад СССР, крупные теракты современности. Дж. Александер подчеркивает, что травма не присуща событию (самому по себе), а является результатом сложной работы по ее «конструированию» через нарративы, образы, ритуалы [2].

В этом контексте НКО и движения жертв можно рассматривать как те самые «социальные рамки», в которых живет и передается память [3]. В отдельных случаях канонизировать определенную версию памяти берутся НКО. Они становятся агентами мемориализации: создают архивы, издают книги, организуют музеи, проводят экскурсии, лоббируют установку памятников, буквально «воплощая» память в практиках и физических объектах [6].

Исследователь гражданского общества Ю. Хабермас выявил, какими ресурсами и конкретными механизмами негосударственные акторы осуществляют конструирование реальности и памяти, воздействуя на публичную сферу и общественное мнение [7]. Общественные организации в сфере памяти действуют как «переводчики», трансформирующие личный опыт в публично сформулированные требования и экспертные знания, влияя на политическую повестку.

Руководствуясь концепцией «народной дипломатии» (track-two diplomacy), теоретики гражданского общества объективно утверждают, что НКО могут выступать в роли негосударственных посредников, создавая для коммуникации каналы, позволяющие смягчать напряженность через проведение совместных мемориальных проектов и исторических диалогов [8].

Существенное значение в создании новых нарративов имеет «политика жертвы» (victimhood politics) и ее ресурсы. По мнению Б. Кэмпбелла, Дж. Мэннинга, статус жертвы проявляется в стремлении признания, компенсации и изменении законодательства [9]. Этот ресурс обеспечивает моральный авторитет и право на выступления по данной тематике.

Изучим деятельность комитета «Матери Беслана», поскольку она связана с трагическими событиями 1–3 сентября 2004 года, ставшими примером коллективной травмы и социального действия. Теракт в Беслане в школе № 1 привел к гибели 334 человек, более половины (186) из которых — дети [10]. Это событие, признанное актом терроризма на государственном уровне, породило глубокий социальный кризис и «смысловой вакуум» [4], потребовавший осмысления и интерпретации. Как отмечают исследователи, из-за катастроф подобного масштаба складываются условия для формирования «групп жертв», которые берут на себя функцию выдвижения требований правды и справедливости, трансформируя частное горе в публичную проблему [11]. Трагедия в Беслане спустя годы стала событием, вокруг которого начался процесс социального конструирования новой коллективной идентичности и памяти [2].

Комитет «Матери Беслана» был основан в феврале 2005 года по инициативе женщин, потерявших родственников во время теракта и получивших личный опыт травмы, который привел к формированию у них публичной позиции. Изначально организация создавалась как неформальное, спонтанное движение, однако со временем приобрела черты структурированной НКО с коллективным руководством, хотя и сохранила свойственный таким объединениям «эмоциональный» тип управления. Эволюция комитета демонстрирует классический путь от стихийной солидарности на основе общего горя к институционализированной форме социального активизма [1], где лидеры выступают в роли «моральных акторов» [5], определяющих проблему и мобилизующих ресурсы для ее решения.

Заявленные цели комитета:

- установление полной правды о теракте: требование независимого расследования всех обстоятельств события, включая действия силовых структур, что стало центральным и наиболее конфликтным пунктом повестки;
- правовая защита и поддержка пострадавших: оказание юридической помощи, сопровождение судебных процессов (в том числе по делу Н. Кулаева), борьба за социальные гарантии;
- сохранение памяти о жертвах: мемориализация трагедии через личные истории, публичные акции (например, ежегодные мероприятия 1 сентября), противодействие «забвению». Эта деятельность напрямую соотносится с теорией М. Хальбвакса о том, что память существует и поддерживается в рамках конкретных социальных групп [3];
- профилактика терроризма и международное признание трагедии: стремление придать истории Беслана глобальное звучание, чтобы предотвратить подобное в будущем [12].

Изначально работа организации в основном заключалась в систематическом взаимодействии с правоохранительными органами и судами, прокуратурой, следственным комитетом в ходе судебных процессов. По мнению одного из экспертов, *«Комитет "Матери Беслана" своей непримиримостью и активностью в судебных процессах сделал значительный шаг в привлечении внимания государства к вопросу террористической безопасности»* (научный сотрудник, муж., 45 лет). Схожих взглядов придерживаются и другие эксперты.

В российском обществе деятельность «Матерей Беслана» была оценена неоднозначно. С одной стороны, участницы комитета вызывали широкое сочувствие. С другой, в публичном поле их постепенно стали представлять как группу, управляемую «третьими силами» и использующую свое горе в политических целях, что является классическим элементом «политики жертвы» в условиях ее претензий [13]. По этому поводу один из экспертов выразил следующую точку зрения: *«Реакция матерей на страшнейшую трагедию понятна. Однако в нашем отчасти традиционном обществе*

такая реакция на горе была не всеми принята. Отсюда осуждение и разные конспирологические домыслы, осуждение женщин, потерявших самое дорогое, что у них было, детей. Такая несправедливая реакция общества, безусловно, еще больше их травмировала и усиливала горе. Даже сейчас кой у кого бытует мнение, что ими кто-то руководит. И это удручает, потому что демонстрирует отсутствие солидарности в обществе» (журналист, муж., 57 лет).

Эксперты полагают, создание общественной организации после трагедии — правильный шаг. Комитет был сформирован под эмоциональным воздействием, но задачи в нем ставятся реальные и, как правило, решаются эффективно. *«Для части потерпевших создание организации стало экзистенциальной потребностью, так как через действия "во имя памяти" они ощущают реализацию своего оборванного материнства»,* — утверждает один из экспертов (руководитель НКО, жен., 47 лет).

Таким образом, «Матери Беслана» — уникальный пример того, как группа жертв трансформируется в активного актора гражданского общества. В процессе конструирования памяти о травме и борьбы за правду и справедливость женщины пытаются создавать новые экзистенциальные смыслы.

Направления деятельности комитета как практики конструирования антитеррористических смыслов

Деятельность «Матерей Беслана» направлена на осмысление трагедии, формирование коллективной памяти и выработку антитеррористических ценностных ориентиров. Ее можно анализировать через четыре ключевых записанных в Уставе организации направления, каждое из которых вносит вклад в этот процесс.

1. «Правда и справедливость»: расследование и правовая защита как конструирование смысла «неотвратимости наказания» и «права жертв». Это направление центральное и предназначено для создания альтернативного нарратива, основанного на принципах правды и ответственности. Независимый сбор информации и формулирование альтернативных версий событий послужили основой для критики официального расследования. Эта деятельность была нацелена на несогласие с официальной версией произошедшего и установление подлинной, с точки зрения комитета, истории памяти о трагедии, основанной на идее системных недоработок государства [2].

Подача исков в национальные и международные суды (включая дело «Тагаева и другие против России» в Европейском суде по правам человека) была не просто юридической практикой, но и мощным символическим актом конструирования смысла «неотвратимости наказания» даже в условиях его недостижимости на национальном уровне [12]. Эта позиция комитета отстаивает нарратив о приоритете «права жертв» на правду и справедливость [5].

2. «Память и предупреждение»: мемориализация как формирование смысла «ценности жизни» и «неприятя террора». Деятельность по сохранению памяти была

направлена на превращение индивидуальной травмы в коллективно разделяемую и обладающую объединяющим смыслом [13]. Среди основных мероприятий — организация ежегодных траурных мероприятий и создание мемориалов («Город Ангелов», музей в школе №1), они являются классическими практиками габитуализации памяти [1], превращающими горе в устойчивые, повторяющиеся ритуалы. Эти ритуалы служат укреплению групповой солидарности и формированию «мест памяти» [6].

При этом просветительская работа (лекции, публикации, документальные фильмы) была сосредоточена на трансляции «уроков Беслана», которые формулируются как универсальные ценности: абсолютная «ценность жизни» и абсолютное «неприятие террора». Ключевым элементом этого нарратива стало формирование образа жертвы-ребенка как универсального символа невинности и незащищенности от абсолютного зла, в данном случае — терроризма. Этот образ обладает мощным эмоциональным и мобилизационным потенциалом, транслируя антитеррористический посыл за пределы конкретного политического и исторического контекста, обращаясь к общечеловеческим ценностям [13].

3. «Голос жертв Мира»: народная дипломатия как конструирование смысла «глобальной солидарности» против зла и насилия. Это практика «народной дипломатии» (track-two diplomacy) [8], где негосударственные акторы берут на себя функцию международного представительства.

Установление контактов с международными правозащитными организациями (ассоциация «Франция — Европа — Беслан», благотворительный фонд *Bambini di Russia*, американская религиозно-гуманитарная организация «Новые нивы» и другие), встречи с иностранными политиками и участие в международных конференциях позволяли комитету вывести историю Беслана на глобальный уровень. Эта деятельность отвечает за конструирование смысла «глобальной солидарности» в борьбе с терроризмом. Обращаясь к мировой аудитории, комитет представляет трагедию не как локальный российский инцидент, а как часть общей транснациональной угрозы [14].

Как видим, комитет создает нарратив, в котором борьба с терроризмом должна вестись не на основе политических интересов отдельных государств, а на основе общечеловеческих гуманистических принципов солидарности и совместной ответственности международного сообщества перед жертвами. *«Удивительно, — размышляет один из экспертов, — как удалось этим женищинам, прежде далеким от общественной деятельности, выстроить такую сеть горизонтальных эффективных связей не только в рамках своей страны, но и за ее пределами. Только безусловная материнская любовь способна так бороться за память о своих детях»* (госслужащая, 47 лет, жен.).

4. «Солидарность и поддержка»: внутренняя работа как формирование смысла «сообщества выживших». Внутренняя работа комитета — это фундамент, на котором строится вся его публичная деятельность и уникальная практика гражданской активности, в результате которой создаются смыслы. Деятельность включает оказание психо-

логической и материальной поддержки, формирование сети взаимопомощи, направленных на создание «сообщества выживших» — группы, объединенной не только общей травмой, но и общими ценностями, взаимными обязательствами и коллективной идентичностью [3].

Это сообщество стало той самой «социальной рамкой» [9], внутри которой только и может сохраняться и передаваться разделяемая версия памяти, воспоминания об ушедших детях, боль и страдания, переживаемые одинаково. Укрепление внутренней солидарности необходимо для отстаивания своей правды и своих интересов, противостояния попыткам дискредитации. Также оно служит эмоциональным ресурсом для ведения дальнейшей деятельности.

«Матери Беслана» — пример трансформации коллективной травмы в организованную социальную практику. Анализ деятельности комитета позволяет рассматривать его не только как правозащитный институт, но и как сообщество взаимопомощи, формирующее основу для устойчивости пострадавшей группы. В рамках такого сообщества совместные действия по защите человеческого достоинства и памяти становятся ключевым ресурсом преодоления последствий трагедии.

Интервью и опросы подтверждают высокий уровень поддержки создания общественной организации, защищающей интересы потерпевших и транслирующей и идеи мира, и антитеррористические нарративы. Идея создания специализированной общественной организации для защиты прав потерпевших получила широкое одобрение в их среде. Согласно результатам опроса две трети респондентов (65 %) однозначно одобряют это решение, еще 15 % скорее одобряют. Таким образом, совокупный уровень поддержки составляет 80 %. Против создания организации высказались лишь 10 % опрошенных, а 10 % затруднились с ответом, что может свидетельствовать о наличии в группе неопределенности или внутренних конфликтов.

Деятельность комитета оценивается в целом положительно. Почти половина респондентов (47 %) однозначно одобряет его работу, а каждый четвертый (23 %) — скорее одобряет. Суммарный показатель позитивных оценок достигает 70 %. При этом каждый пятый (20 %) затруднился с оценкой, что может указывать на недостаточную информированность или сложность восприятия результатов деятельности. Доля явных противников работы комитета составляет 10 %.

Наиболее значимыми для сообщества оказались функции, связанные с социальной защитой и мемориализацией:

- сохранение памяти получило высшую оценку (65 % положительных ответов);
- вопросы социальной защиты отмечены чуть меньшим количеством респондентов и находятся на сопоставимо высоком уровне (60 %);

- формирование антитеррористических нарративов оценивается ниже (45 %), что, вероятно, связано с более узкой или специфической аудиторией, вовлеченной в эту деятельность.

Наименее эффективной респонденты считают работу комитета по содействию в расследовании (35 % положительных оценок). Низкий показатель может отражать субъективно высокие, не удовлетворенные в полной мере ожидания членов сообщества в этой сфере.

Ключевые антитеррористические нарративы, формируемые комитетом «Матери Беслана»

Общественная работа «Матерей Беслана» по осмыслению трагедии может быть систематизирована через выделение пяти ключевых нарративов, которые выполняют функцию смыслового противостояния терроризму. Эти нарративы, конструируемые через правовую, мемориальную и публичную практику, формируют целостную систему антитеррористических ценностей.

1. Нарратив «Абсолютного зла и невинных жертв», краеугольный камень в деятельности комитета, основан на радикальном противопоставлении добра и зла, где терроризм лишается каких-либо рациональных оснований или политических оправданий, будучи представлен как «абсолютное зло», противостоящее самой жизни [2]. Ключевой ресурс для его конструирования — образ ребенка-жертвы, выступающего универсальным символом невинности, незащищенности и оборванного будущего [14]. Этот образ, активно используемый в визуальной риторике (фотографии, мемориалы), обладает максимальным эмоциональным воздействием и транслирует идею непреходящей ценности человеческой жизни как высшей антитезы террористическому насилию [6]. Таким образом, терроризм осуждается не с политической или идеологической, а с экзистенциальной и моральной позиций.

2. Нарратив «Права на правду и справедливость» позволяет связать борьбу с терроризмом с необходимостью установления полной и всесторонней правды о каждом конкретном теракте и обеспечения справедливости для пострадавших через механизмы права [9]. Комитет настаивает на том, что без выполнения этих условий невозможно ни настоящее исцеление общества, ни эффективное противодействие терроризму в будущем. Правда понимается не как абстрактная категория, а как точная реконструкция всех событий [11].

3. Нарратив «Государственной ответственности и реформ». Комитет развивает нарратив, возлагающий на государство позитивную обязанность по защите жизни граждан [15]. В этом контексте террористическая атака рассматривается не только как акт внешнего зла, но и как следствие системных недоработок в работе отдельных структур [16].

4. Нарратив «Памяти как оружия против забвения и повтора» конструирует память не как пассивное воспоминание, а как активный инструмент профилактики терроризма [13]. Сохранение «живой», эмоционально насыщенной памяти о боли и страданиях жертв рассматривается как ключевой элемент воспитания общественного иммунитета к насилию и ксенофобии, питающих терроризм [3]. Мемориальная деятельность (траурные церемонии, музей, документальные фильмы, книги) интерпретируется как работа по извлечению «уроков Беслана» — универсальных гуманистических принципов, усвоение которых должно предотвратить повторение трагедий. Так, память становится не оружием мести, а оружием защиты будущего, основанном на сострадании и утверждении ценности мира.

В рамках этой стратегии комитет добился возведения мемориала «Беслан. Школа № 1», ежедневно посещаемого сотнями людей; создал фотоэкспозицию, которую представил в городах республики, Северного Кавказа (Нальчик, Черкесск, Махачкала), страны (Москва, Санкт-Петербург, Волгоград) и в Республике Южная Осетия. Кроме этого, существует договоренность привезти фотоэкспозицию в штаб-квартиру ООН. Самоотверженность членов комитета не дает трагедии уйти в забвение и напоминает обществу об ответственности за мир детства. *«Я была свидетелем воздействия фотоэкспозиции на посетителей, особенно на молодежь. Думаю, что это наиболее эффективный метод противодействия терроризму. Когда сами очевидцы трагедии рассказывают о злодеяниях террористов, это имеет сильное эмоциональное воздействие на участников. Уверена, они не забудут эти встречи. Удивляет стойкость матерей, которые каждый раз, представляя экспозицию, переживают травмирующее событие заново не только ради памяти, но и ради предупреждения и защиты других от такого страшного явления, как терроризм»,* — комментирует деятельность один из экспертов (журналист, жен., 29 лет).

5. Нарратив «Международной солидарности» выводит проблему терроризма за национальные рамки, представляя его как транснациональную угрозу, требующую глобального ответа [17]. Комитет предлагает, кроме силовых моделей международной кооперации, модель солидарности, основанную на примате прав человека и поддержке жертв [8]. Обращаясь к международным организациям и общественности, комитет стремится создать «коалицию сострадания», которая могла бы оказывать давление на правительства для принятия более эффективных и гуманистически ориентированных антитеррористических стратегий [18]. Этот нарратив конструирует образ «гражданина мира», чья безопасность является общей ответственностью, а опыт страдания — основанием для объединения вне политических разногласий.

Комитет активно сотрудничает с такими международными общественными организациями, как «Франция — Европа — Беслан» (Франция), религиозная организация «Новые Нивы» (США), итальянский благотворительный фонд «Помогите спасти детей» и другими. Именно последняя была одним из инициаторов выдвижения «Матерей

Беслана» на Нобелевскую премию мира. Номинация призвана отметить усилия комитета по сохранению памяти о жертвах трагедии и его многолетнюю правозащитную и антитеррористическую деятельность.

Согласно регламенту Нобелевского комитета для выдвижения кандидата требуется поддержка уполномоченных лиц, в том числе действующих политиков, а также наличие общественного запроса. Официальное предложение было направлено министром труда Сан-Марино Алессандро Бевитори. Кроме этого, была получена поддержка итальянского сенатора Франческо Сильвестро. Параллельно итальянские активисты, включая президента благотворительной организации Эннио Бордато и общественного деятеля Мауро Мурджа, запустили петицию «Беслан — раненое сердце человечества» со сбором подписей в поддержку кандидата. Хотя комитет пока не стал лауреатом Нобелевской премии, сам факт выдвижения служит признанием его эффективной деятельности.

Многолетняя деятельность «Матерей Беслана» значительно повлияла на несколько ключевых сфер. Во-первых, они успешно привлекли внимание национальной и международной общественности к проблемам пострадавших от терактов. Их представители стали регулярными участниками международных площадок, что позволило интернационализировать проблему. Это соответствует модели boomerang effect, когда жертвы привлекают международных акторов к сочувствию для решения коллективных проблем [18].

Во-вторых, комитет сформировал устойчивый альтернативный источник информации вокруг событий в Беслане. В условиях доминирования официального государственного нарратива комитет стал конкурирующим «каркасом памяти» [3], предлагая интерпретацию событий в виде «правды заложников».

В-третьих, комитет внес решающий вклад в мемориализацию трагедии. Благодаря его активности Беслан стал символом национальной и международной трагедии, а 3 сентября в России — официальным Днем солидарности в борьбе с терроризмом.

В-четвертых, комитет воздействовал на формирование антитеррористических установок, основанных на эмпатии и сочувствии к жертвам, а также на призывах к органам государственной власти быть более бдительными и ответственными в вопросах безопасности. Это демонстрируют данные социологических опросов, показывающие рост доверия к организациям жертв терактов в середине 2000-х годов. Так, по результатам опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения, проводимых в 2010–2023 годах, 68 % респондентов считают собственный голос важным в вопросах безопасности; 54 % отмечают, что их активность повлияла на ужесточение антитеррористических мер в школах.

«Матери Беслана» утвердили себя как важный элемент гражданского общества, вносящий гуманистическое измерение в антитеррористическую борьбу. Их работа сместила акцент с исключительно силовых и политических аспектов борьбы с террориз-

мом на этические, правовые и мемориальные [2]. Это способствовало формированию «антитеррористического консенсуса», основанного не на страхе и ксенофобии, а на сострадании, памяти и ценности человеческой жизни.

Таким образом, «Матери Беслана» выступают примером того, как группа объединенных травмой граждан может стать активным агентом в конструировании публичной памяти и формировании гуманистической антитеррористической культуры, несмотря на объективные ограничения и структурное противодействие.

Проведенное исследование раскрывает специфику деятельности «Матерей Беслана» как уникального социального феномена в контексте формирования антитеррористических смыслов в современном российском обществе. Из результатов анализа данных следует, что комитет «Матери Беслана» стал важным социальным институтом для сообщества потерпевших, выполняя не только утилитарные функции (соцзащита, правовая помощь), но и символические — сплачивая группу вокруг общей памяти и идеи взаимопомощи. Подтверждается тезис о том, что даже в условиях глубокой травмы возможно формирование устойчивого сообщества, построенного на солидарности и коллективном действии.

Из анализа эмпирических данных видно, что «Матери Беслана» — активный и эффективный агент социального конструирования антитеррористических смыслов. Их деятельность — уникальный синтез правозащитной, мемориальной и публичной дипломатической практик по переосмыслению травматического события и формированию на его основе новых ценностных ориентиров [1, 2]. В результате этой деятельности был сформирован комплекс взаимосвязанных нарративов:

- нарратив «абсолютного зла и невинных жертв» выводит осуждение терроризма в морально-этическую плоскость;
- нарратив «права на правду и справедливость» связывает безопасность с правовыми гарантиями и ответственностью государства;
- нарратив «память как оружие» — инструмент профилактики;
- нарратив «международной солидарности» как гуманистическая альтернатива силовой модели борьбы с терроризмом [14, 6].

Конкретные практики комитета — независимый сбор информации, организация мемориальных акций и установление международных контактов — выступают не просто как действия, а как инструменты легитимации этих альтернативных смыслов в публичном пространстве [18, 13]. «Матери Беслана» демонстрируют, как общественные организации переопределяют антитеррористический дискурс, расширяя круг его субъектов. Их работа делает безопасность не только прерогативой государства, но и сферой гражданского участия, создавая новые смыслы через память, моральную ответственность и альтернативные модели превенции.

Выводы

Научная новизна статьи состоит в рассмотрении организации жертв террора как активного «морального предпринимателя» и конструктора альтернативных смыслов безопасности, что расширяет традиционные представления о субъектах антитеррористической деятельности. В научный оборот вводится комплексный анализ специфического кейса, практически не изученного с предложенных теоретических позиций. Проведенное на примере комитета исследование доказывает, как группа акторов, объединенная травмой, способна инициировать и вести сложную работу по конструированию новых значений и интерпретаций событий, обладающих высокой социальной значимостью. Полученные результаты будут использованы для разработки государственных и общественных программ поддержки жертв терактов, совершенствования антитеррористической политики, развития гражданского общества, расширения практики международного взаимодействия в сфере обеспечения безопасности, минуя политические барьеры.

Проведенная работа открывает перспективы для будущих исследований. Например, сравнительный анализ «Матерей Беслана» с другими организациями жертв террора в России («Норд-Ост») и в мире (израильские, американские, испанские ассоциации) позволит определить универсальные и специфические черты подобных движений. Эмпирическое изучение восприятия деятельности комитета различными социальными группами (молодежь, государственные служащие и другие) даст возможность оценить их реальное воздействие на общественное сознание. При помощи мониторинга законодательных инициатив, образовательных программ и мемориальных практик может быть выявлено влияние на государственную антитеррористическую политику и культуру памяти в России. Также может быть организовано исследование внутренней динамики и проблем устойчивости подобных организаций, включая вопросы смены поколений, эмоционального выгорания и адаптации стратегий в меняющемся социополитическом контексте.

Таким образом, феномен комитета «Матери Беслана» служит богатым источником для социологического анализа, поскольку находится на пересечении теорий памяти, травмы, социальных движений и конструирования реальности и остается актуальным объектом для дальнейшего научного осмысления.

Список источников

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с. – Текст : непосредственный.
2. Александер, Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / Дж. Александер; пер. с англ. Г. К. Ольховикова; под науч. ред. Д. Ю. Куракина. – Москва : Праксис; Институт Фонда «Общественное мнение», 2013. – 640 с. – Текст : непосредственный.
3. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. С. Н. Зенкина. – Москва : Новое издательство, 2007. – 348 с. – Текст : непосредственный.
4. Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–16.

5. Беккер, Г. Аутсайдеры. Исследования по социологии девиантности / Г. Беккер; пер. с англ. – Москва : Элементарные формы, 2018. – 208 с. – Текст : непосредственный.
6. Ассман, Я. Забвение истории — одержимость историей? / Я. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с. – Текст : непосредственный.
7. Хабермас, Ю. Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / Ю. Хабермас; пер. с нем. – Москва : Весь Мир, 2016. – 344 с. – Текст : непосредственный.
8. Montville, V. Track Two Diplomacy: the Arrow and the Olive Branch / V. Montville // *The psychodynamics of international relationships*. – 1991. – Vol. 2, Issue 1. – P. 66-81. – Text : direct.
9. Campbell, B. The Rise of Victimhood Culture. Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars / B. Campbell, J. Manning. – Palgrave Macmillan, 2018. – 281 p. – Text : direct.
10. Официальные данные Следственного комитета РФ по делу о теракте в Беслане). – Текст : электронный // Следственный комитет РФ: сайт. – URL: <https://sledcom.ru> (дата обращения: 15.09.2025).
11. Макфарлейн, А. Травма и ее вызов обществу / А. Макфарлейн, Б. Ван дер Колк. – Текст : непосредственный // *Консультативная психология и психотерапия*. – 2003. – Т.11, № 1. – С. 7–30.
12. Решение ЕСПЧ по делу «Тагаева и другие против России» (жалоба № 26562/07). 2017. – Текст : электронный // kommersant.ru: сайт. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3415660> (дата обращения: 15.08.2025).
13. Нора, П. Всемирное торжество памяти / П. Нора. – Москва : Новое литературное обозрение, 2005. – С. 391–402. – Текст : непосредственный.
14. Sontag, S. Regarding the Pain of Others / S. Sontag. – Farrar, Straus and Giroux, 2003. 131 p. – Text : direct.
15. Kaldor, M. New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era / M. Kaldor (3rd edn.). – Cambridge : Polity Press, 2012. – 268 p. – Text : direct.
16. Чеджемов, Т. Б. Правда о Бесланской трагедии: статьи и речи / Т. Б. Чеджемов. – Владикавказ, 2006. – 108 с. – Текст : непосредственный.
17. Beck, U. Power in the Global Age: A New Global Political Economy / U. Beck. – Cambridge : Polity Press, 2005. – 365 p. – Text : direct.
18. Keck, M. E. Activists beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics / M. E. Keck, K. Sikkink. – Cornell University Press, 2014. – 240 p. – Text : direct.

References

1. Berger, P., & Luckmann, T. (1995). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow, Medium Publ., 323 p. (In Russian).
2. Alexander, J. (2013). *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Moscow, Praksis; Fond "Obshchestvennoe mnenie" Institute Publ., 640 p. (In Russian).
3. Halbwachs, M. (2007). *The Social Frameworks of Memory*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 348 p. (In Russian).
4. Sztompka, P. (2001). Social Change as Trauma. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, (1), pp. 6-16. (In Russian).
5. Becker, H. S. (2023). *Outsiders. Studies in the Sociology of Deviance*. Moscow: Elementarnye formy Publ., 208 p. (In Russian).
6. Assmann, A. (2019). *History's Anamnesis: Obsessed with History?* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 552 p. (In Russian).

7. Habermas, J. (2016). *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Moscow, Ves' Mir Publ., 344 p. (In Russian).
8. Montville, J. V. (1991). Track Two Diplomacy: The Arrow and the Olive Branch. *The Psychodynamics of International Relationships*, 2(1), pp. 66-81. (In English).
9. Campbell, B., Manning, J. (2018). *The Rise of Victimhood Culture. Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars*. Palgrave Macmillan, 281 p. (In English).
10. Ofitsial'nye dannye Sledstvennogo komiteta RF po delu o terakte v Beslane. Available at: <https://sledcom.ru> (accessed: 15.10.2023). (In Russian).
11. Makfarleyn, A., & Van der Kolk, B. (2003). Travma i ee vyzov obshchestvu. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 11(1), pp. 7–30. (In Russian).
12. Reshenie ESPCH po delu «Tagaeva i drugie protiv Rossii» (zhaloba № 26562/07). (2017). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3415660> (accessed: 15.08.2025). (In Russian).
13. Nora, P. (2005). *Vsemirnoe torzhestvo pamyati*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, (2-3 (40-41)), pp. 55–68. (In Russian).
13. Sontag, S. (2003). *Regarding the Pain of Others*. Farrar, Straus and Giroux, 131 p. (In English).
14. Kaldor, M. (2012). *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. (3rd edn.). Cambridge, Polity Press Publ., 268 p. (In English).
16. Chedzhemov, T. B. (2006). *Pravda o Beslanskoy tragedii: stat'i i rechi*. Vladikavkaz, 108 p. (In Russian).
17. Beck, U. (2005). *Power in the Global Age: A New Global Political Economy*. Cambridge, Polity Press Publ., 322 p. (In English).
18. Keck, M. E., Sikkink, K. (1998). *Activists beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics*. Cornell University Press, 240 p. (In English).

Информация об авторе / Information about the author

Анета Николаевна Гадиева, кандидат социологических наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований ВНИЦ РАН, г. Владикавказ; Центр исследования приграничных регионов юга России Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Владикавказ, izmir-alana@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1681-037X>

Aneta N. Gadieva, Candidate of Sociological Sciences, V. I. Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies VSC of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz; Centre for the Study of Border Regions of the South of Russia, Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, izmir-alana@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1681-037X>

Статья поступила в редакцию 09.10.2025; одобрена после рецензирования 10.11.2025; принята к публикации 12.11.2025.
The article was submitted 09.10.2025; approved after reviewing 10.11.2025; accepted for publication 12.11.2025.

Научная статья / Original research article
УДК 316.7
DOI:10.31660/1993-1824-2025-4-39-50
EDN: KIEZDL

Интерииоризация традиционных духовно-нравственных ценностей у школьников в условиях аксиологического конфликта

Е. А. Гневашева

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация
Vestal-97@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена диагностике степени интерииоризации традиционных духовно-нравственных ценностей у детей среднего и старшего школьного возраста. Теоретической основой исследования послужили работы отечественных социологов и педагогов, анализирующих трансформацию ценностно-нормативной системы современного российского общества. Цель настоящей статьи — презентация результатов двухэтапного анкетного опроса, проведенного с использованием адаптированной методики «Диагностика ценностных ориентиров школьников», направленной на выявление соответствия между декларируемыми установками и реальным поведением. Результаты исследования выявили критически низкий уровень интерииоризации традиционных духовно-нравственных ценностей и наличие аксиологического конфликта в сознании школьников. Обоснована необходимость перехода от констатации ценностного кризиса к проектированию моделей целенаправленного социального конструирования традиционных ценностей российского гражданского общества в образовательной среде. Направлением дальнейших исследований определяется разработка и апробация бифреймальных образовательных сред (трансформационных игр) как инструмента интерииоризации.

Ключевые слова: ценностные ориентации, традиционные духовно-нравственные ценности, интерииоризация, аксиологический конфликт, социальное конструирование, образовательная среда

Для цитирования: Гневашева, Е. А. Интерииоризация традиционных духовно-нравственных ценностей у школьников в условиях аксиологического конфликта/ Е. А. Гневашева. – DOI 10.31660/1993-1824-2025-4-39-50 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2025. – № 4. – С. 39–50. – EDN: KIEZDL

The interiorization of traditional spiritual and moral values in schoolchildren in the context of an axiological conflict

Ekaterina A. Gnevasheva

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
Vestal-97@mail.ru

© Е. А. Гневашева, 2025

Abstract. This paper focuses on diagnosing the degree of interiorization of traditional spiritual and moral values among middle and high school students. A theoretical basis for studies was the works of Russian sociologists and educators who explore the transformation of the value-normative system in contemporary Russian society. The aim of this paper is to present the results of a two-stage questionnaire survey conducted with an adapted version of the "Diagnostics of Students' Value Orientations" methodology, which seeks to identify the alignment between students' stated attitudes and their actual behaviors. The results of the study revealed a critically low level of internalization of traditional spiritual and moral values, as well as an ongoing axiological conflict in the minds of schoolchildren. This study underscores the necessity of transitioning from recognizing the value crisis to developing models aimed at the intentional social construction of traditional values within the educational context of Russian civil society. Future research will focus on creating and testing biframed educational environments, such as transformational games, as tools to facilitate the interiorization of these values.

Keywords: value orientations, traditional spiritual and moral values, interiorization, axiological conflict, social construction, educational environment

For citation: Gnevasheva, E. A. (2025). The interiorization of traditional spiritual and moral values in schoolchildren in the context of an axiological conflict. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 39-50. (In Russian). DOI : 10.31660/1993-1824-2025-4-39-50

Введение

Современное российское общество характеризуется глубокой трансформацией ценностно-нормативной системы, обусловленной воздействием на общественное сознание глобальных социокультурных трендов и цифровизацией образовательной среды для подрастающего поколения. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» традиционные духовно-нравственные ценности (жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России) определяются как основа культурной идентичности и социальной стабильности российского гражданского общества [1]. Сопоставительный анализ системы традиционных духовно-нравственных ценностей современного российского гражданского общества выявляет их содержательную преемственность по отношению к советской системе ценностей, репрезентированных в концепции «нового человека». Согласно В. В. Легчилину в фундаменте советской системы ценностей лежали две основополагающие ценности — справедливость равенства и свободный труд на благо общества [2]. А. С. Макаренко, описывая методику организации воспитательного процесса на основе своей деятельности в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского, ориентировался на поставленную ему задачу воспитания «нового человека». Великий советский педагог декларировал, что «в Советском Союзе не может быть личности вне

коллектива и потому не может быть обособленной личной судьбы и личного пути счастья, противопоставленного судьбе и счастью коллектива» [3], и выстраивал воспитательный процесс исходя из задачи формирования коллективизма как основополагающей ценности для колонистов. Анализируя причины парадоксальности современного российского общественного сознания, Ж. Т. Тощенко констатирует: «Российское общество не является монолитным, единым — оно состоит из прежнего, советского, и вновь нарождающегося, рыночного» [4, 5], что обуславливает преемственность традиционных духовно-нравственных ценностей по отношению к советской аксиологической системе. Однако социолог также делает акцент на существующем в современном обществе, устойчивом разрыве между декларируемым социальным идеалом и реально формирующимися ценностными ориентирами в условиях воздействия на общественное сознание современной социокультурной среды. В. А. Ядов, анализируя посткоммунистические трансформации, произошедшие в общественном сознании, использует шесть стадий травматического состояния П. Штомпка [6, 7] для описания постсоветских изменений в России [8]. С момента формирования советской аксиологической системы российское общество претерпело ряд травматических событий, обусловленных опытом системного кризиса 1990-х годов, что оказало существенное воздействие на структуру общественного сознания и породило аксиологический конфликт с предшествующей ценностно-смысловой матрицей. Это ценностное противостояние особенно проявляется в противоречии между коллективистскими установками, унаследованными от советской эпохи, и индивидуалистическими, внедренными в ходе либеральных реформ и имплементации идеи рыночной экономики как доминирующей парадигмы преодоления кризиса. Стоит отметить, что исследования Ж. Т. Тощенко коррелируют с работами В. А. Ядова. Социолог называет произошедшие трансформации в общественном сознании метаморфозами, которые привели к формированию «двойственного сознания», характеризующегося одновременным сосуществованием советских и рыночных ценностных парадигм, находящихся в состоянии перманентного конфликта [9, 10].

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке теоретико-методологических основ применения механизмов социального конструирования для формирования традиционных духовно-нравственных ценностей в образовательной деятельности. Научное обоснование этих механизмов позволяет проектировать эффективную социокультурную протективную методику, направленную на интериоризацию ценностных ориентаций как доминирующих регуляторов социального поведения. Практическая ценность работы заключается в создании и апробации диагностического инструментария для оценки эффективности педагогического воздействия в современной образовательной среде, а также в разработке структурно-функциональной модели целенаправленного формирования нравственных ориентиров у школьников. Анализ существующих исследований выявил ограниченность методологического инструментария в области диагностики степени интериоризации традиционных духовно-нравственных

ценностей у школьников. Исследование дает возможность не только верифицировать диагностический потенциал адаптированного инструментария, но и способствует решению более широкой научной проблемы — разработке научно обоснованной модели социального конструирования ценностных ориентаций, способной нивелировать существующий разрыв между декларируемым и реальным социальными идеалами.

Материалы и методы

Настоящее исследование основано на эмпирическом анализе ценностных ориентаций школьников с использованием адаптированного диагностического инструментария. Исследование проводилось в два этапа с интервалом в 24 часа для минимизации эффекта конформности ответов и исключения возможности сопоставления вопросов респондентами. В качестве исходного диагностического инструмента была использована методика, разработанная авторским коллективом П. В. Степанова, Д. В. Григорьева и И. В. Кулешовой [11], предназначенная для диагностики профессиональной позиции педагога как воспитателя. Эта методика опирается на модель личностно-профессиональной позиции педагога, предложенную А. И. Григорьевой, и предполагает оценку педагогом воспитательных действий по двум параметрам: значимость и частота реального выполнения. В рамках исследования методика была подвергнута существенной адаптации, включавшей следующие шаги:

1. Смена объекта диагностики: инструмент был переориентирован с педагогов на детей среднего и старшего школьного возраста.
2. Пересмотр содержания диагностируемых действий: вместо профессиональных действий педагога-воспитателя был разработан перечень действий/желаний, в которых могут проявляться традиционные духовно-нравственные ценности или же, напротив, ценности, входящие с ними в аксиологический конфликт. Например, действие «равноправное общение с детьми» было заменено на действия, релевантные для школьников: «помогать окружающим», «быть верным другом», «обращать внимание на материальное благополучие человека при общении» и так далее.
3. Операционализация ценностей: на основе перечня традиционных ценностей, закрепленных в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809, была осуществлена их операционализация — каждая из 8 ценностей была представлена в виде набора конкретных, наблюдаемых действий.
4. Предварительная работа с респондентами: за две недели до анкетного опроса участников исследования была проведена систематическая воспитательная работа в условиях детского оздоровительного лагеря. Ее цель заключалась в формировании адекватного понимания диагностируемых ценностей и действий. Например, ценность «служение Отечеству и ответственность за его судьбу» раскрывалась через серию мероприятий (огоньков, отрядных работ и театральную постановку), где детям разъяснялось, что защита Родины не сводится только к военной службе, а включает педагоги-

ческий труд, научные открытия, качественную учебу и иные формы созидательной деятельности на благо страны. Аналогично ценность «коллективизм» операционализировалась через курс командообразующих игр и занятий, посвященных различиям понятий «группа», «коллектив» и «команда», а также через исторический экскурс, раскрывающий социальную значимость коллективных действий.

Процедура диагностики полностью сохранила структуру оригинальной методики. На первом этапе респондентам предлагалась анкета, содержащая шкалу оценки степени согласия с ценностными утверждениями (0–10 баллов) и таблицу действий с оценкой по критериям: «Считаю необходимым», «Считаю важным», «Считаю необязательным», «Считаю ненужным». На втором этапе проводилось повторное анкетирование с теми же действиями, но с оценкой по шкале практической реализации: «Делаю постоянно», «Делаю часто», «Делаю изредка», «Не делаю».

Анализ данных осуществлялся методом попарного сравнения ответов двух анкет. Для каждой ценности был разработан уникальный ключ интерпретации, позволяющий количественно оценить степень ее интериоризации. В основу ключа легло выявление совпадений позитивных оценок «Считаю необходимым/важным» в первой анкете и «Делаю постоянно/часто» во второй анкете, релевантным данной ценности. Например, ключ интерпретации ценности «Приоритет духовного над материальным» был сконструирован как биполярная шкала, где диагностируемые действия были разделены на две противоположные категории:

1. Действия/желания, отражающие приоритет духовного (например, «зарабатывать деньги честным трудом», «помогать окружающим и быть верным другом», «придумывать новое и подходить ко всему творчески»).

2. Действия/желания, отражающие приоритет материального (например, «иметь много денег», «тратить деньги на удовольствия и развлечения», «обращать внимание на материальное благополучие человека при общении»).

Каждое совпадение позитивных оценок («считаю важным» + «делаю/желаю постоянно») в категории (1) приносило 1 балл в пользу интериоризации ценности «приоритет духовного над материальным». Каждое аналогичное совпадение категории (2) приносило 1 балл в пользу противоположной ориентации. Дополнительным верифицирующим элементом служило утверждение «Мои потребности важнее, чем потребности другого человека», оценка согласия с которым по шкале от 0 до 10 учитывалась при итоговой интерпретации. Индивидуальный показатель по ценности «Приоритет духовного над материальным» фиксировался как положительный только в том случае, если суммарный балл по категории (1) превышал балл по категории (2). В противном случае степень интериоризации данной ценности признавалась нулевой. Важно отметить, что в итоговый балл по данной ценности также могли вносить вклад релевантные действия из других ценностных блоков, такие как «уважать труд других людей» (коллективизм)

или «знать о достижениях народа своей страны» (патриотизм, историческая память), поскольку они демонстрируют ориентацию на духовные, а не сугубо материальные блага.

В исследовании приняло участие 293 респондента среднего и старшего школьного возраста, проживающих на территории Уральского федерального округа, отобранных методом случайной выборки в условиях летней каникулярной смены в детском оздоровительно-образовательном центре «Алые паруса».

Результаты и обсуждение

Полученные в процессе обработки первичных материалов результаты отражают степень интериоризации традиционных духовно-нравственных ценностей. Они представлены в таблице 1 (результаты детей старшего школьного возраста), таблице 2 (результаты детей среднего школьного возраста) и таблице 3 (средний уровень интериоризации традиционных духовно-нравственных ценностей у детей).

Таблица 1

*Уровень интериоризации традиционных духовно-нравственных ценностей
у детей старшего школьного возраста*

Традиционные духовно-нравственные ценности	Уровень интериоризации, %
Патриотизм	15,81
Служение Отечеству и ответственность за его судьбу	11,05
Созидательный труд	24,17
Приоритет духовного над материальным	29,22
Гуманизм	13,54
Справедливость	52,47
Коллективизм	37,08
Историческая память	48,56

Таблица 2

*Уровень интериоризации традиционных духовно-нравственных ценностей
у детей среднего школьного возраста*

Традиционные духовно-нравственные ценности	Уровень интериоризации, %
Патриотизм	31,75
Служение Отечеству и ответственность за его судьбу	6,81
Созидательный труд	30,81
Приоритет духовного над материальным	12,13
Гуманизм	2,12
Справедливость	38,40
Коллективизм	25,01
Историческая память	33,57

Таблица 3

**Средний уровень интериоризации традиционных
духовно-нравственных ценностей у детей**

Традиционные духовно-нравственные ценности	ИТОГО (% от общего кол-ва)
Патриотизм	24,21
Служение Отечеству и ответственность за его судьбу	9,64
Созидательный труд	31,69
Приоритет духовного над материальным	19,30
Гуманизм	4,98
Справедливость	38,87
Коллективизм	27,63
Историческая память	36,30

Анализ данных выявил существенную возрастную динамику и ценностные противоречия в сознании респондентов.

Патриотизм. Средний уровень интериоризации составил 24,21 %, однако наблюдается выраженная отрицательная динамика по мере взросления: с 31,75 % в среднем школьном возрасте до 15,81 % в старшем. Это свидетельствует о кризисе патриотических ориентаций в период старшего школьного возраста, характеризующемся критическим переосмыслением социальных идеалов и ценностей. Полученные результаты коррелируют с выводом Ж. Т. Тощенко о разрыве между декларируемым социальным идеалом и реально формирующимися ценностными ориентирами.

Служение Отечеству и ответственность за его судьбу. Эта ценность продемонстрировала стабильно низкие показатели интериоризации (9,64 % в среднем), оставаясь наиболее абстрактной и декларативной для школьников. Несмотря на некоторый рост в старшей возрастной группе (11,05 против 6,81 %), ценность не становится реальным регулятором поведения, что подтверждает тезис В. А. Ядова о слабой связи между высшими уровнями диспозиций и уровнем конкретных действий.

Созидательный труд. Уровень интериоризации ценности составил 31,69 %, однако выявлена негативная возрастная динамика: с 30,81 % у детей среднего школьного возраста до 24,17 % у детей старшего школьного возраста. Это может объясняться нарастающим влиянием индивидуалистических установок и прагматических ориентаций, связанных с выбором профессионального пути не как служения, а как источника личного благосостояния.

Приоритет духовного над материальным. Обнаружена ярко выраженная положительная возрастная динамика: с 12,13 % в среднем школьном возрасте до 29,22 % в старшем. Это согласуется с теорией Л. С. Выготского о зоне ближайшего развития, поскольку способность к рефлексивному противопоставлению духовного и материального начала формируется именно в старшем подростковом возрасте. Тем не менее об-

щий уровень интериоризации остается недостаточным (19,30 %), что отражает доминирование материалистических установок в современной социокультурной среде.

Гуманизм. Выявлены критически низкие показатели интериоризации этой ценности (4,98 % в среднем), что свидетельствует о системном кризисе эмпатийных оснований личности. Хотя в старшем школьном возрасте наблюдается ожидаемый рост (13,54 против 2,12 %), общий уровень остается неудовлетворительным. Это подтверждает наличие аксиологического конфликта между унаследованными коллективистскими установками и внедряемыми индивидуалистическими парадигмами.

Справедливость. Проявила наивысший уровень интериоризации (38,87 %) и позитивную возрастную динамику (52,47 % в старшем возрасте). Универсальность ценности для всех возрастных групп подтверждает ее статус базового этического концепта, рано формирующегося в структуре ценностных ориентаций личности.

Коллективизм. Общий уровень интериоризации составил 27,63 % с положительной динамикой в старших классах (37,08 против 25,01 %). Это соответствует периоду активной социализации и значимости группы сверстников, однако недостаточность показателей подтверждает тезис о ценностном конфликте между коллективистскими и индивидуалистическими ориентациями.

Историческая память и преемственность поколений. Уровень интериоризации относительно высок (36,30 %) с выраженным ростом в старшем школьном возрасте (48,56 %). Это указывает на два возможных пика актуальности: в период начального освоения национально-исторического нарратива (средний школьный возраст) и в период формирования собственной гражданской позиции (старший школьный возраст).

По результатам исследования ценностных ориентаций школьников определен ряд закономерностей, которые находят отражение в работах ведущих отечественных и зарубежных ученых, что подтверждает соответствие полученных данных современному научному дискурсу.

Проведенное исследование показало системный ценностный конфликт в сознании современных школьников, находящий свое теоретическое объяснение в работах ведущих отечественных и зарубежных исследователей. Полученные эмпирические данные служат верификацией ряда фундаментальных социологических и психологических концепций.

Во-первых, выявленный ценностный раскол и противоречие между высокой оценкой «Справедливости» (38,87 %) и «Исторической памяти» (36,30 %) при крайне низких показателях «Гуманизма» (4,98 %) и «Служения Отечеству» (9,64 %) наглядно демонстрирует феномен «двойственного сознания», описанный Ж. Т. Тощенко [4, 9]. Констатируемый социологом парадокс, при котором общество сохраняет советскую систему ценностей и усваивает рыночные индивидуалистические установки, находит полное подтверждение в данных.

Во-вторых, выявленная возрастная динамика интериоризации ценностей находит теоретическое обоснование в классических трудах по психологии развития. Положительная динамика по сложным социальным концептам («Приоритет духовного над материальным», «Гуманизм») в старшем школьном возрасте полностью соответствует теории Л. С. Выготского о зоне ближайшего развития и становлении высших психических функций [12]. Обнаруженный «сензитивный период» для ценности «Созидательный труд» в среднем школьном возрасте согласуется с теорией Д. Б. Эльконина о ведущей деятельности [13].

В-третьих, обнаруженный разрыв между декларируемыми установками и реальными поведенческими практиками является яркой иллюстрацией диспозиционной концепции В. А. Ядова [14, 15]. Как подчеркивал исследователь, ценности, не подкрепленные соответствующими поведенческими диспозициями, остаются на уровне деклараций. Результаты, где лишь незначительная часть респондентов демонстрирует совпадение установки «Считаю важным» с практикой «Делаю постоянно», полностью подтверждают этот тезис.

В-четвертых, общий контекст исследования, связывающий влияние глобальной медиасреды с ценностными ориентациями, перекликается с работами теоретиков культурной гегемонии. Низкие показатели по ценностям, противоречащим логике потребительского общества («Приоритет духовного над материальным», «Гуманизм», «Служение Отечеству»), косвенно свидетельствуют об эффективности управляющего воздействия массмедиа, перед которым традиционная система воспитания оказывается недостаточно протективной.

Решение предложить в качестве методологического выхода модель целенаправленного социального конструирования опирается на фундаментальные работы П. Бергера и Т. Лукмана [16]. Их теория социального конструирования реальности доказывает, что любая реальность не дана изначально, а создается в процессе социального взаимодействия через экстернализацию, объективизацию и интернализацию. Следовательно, ценности можно и нужно целенаправленно конструировать, создавая для этого соответствующие методики. Использование теории фреймов И. Гофмана [17–19] дает возможность предложить конкретный инструмент — создание бифреймальных образовательных игр (трансформационных игр), где традиционные ценности становятся доминирующей схемой интерпретации и действия, благодаря чему может быть преодолен конфликт с фреймами, навязанными потребительской культурой.

Выводы

Проведенное эмпирическое исследование позволило выявить и проанализировать актуальное состояние ценностных ориентаций детей среднего и старшего школьного возраста. Результаты свидетельствуют о наличии системного кризиса в процессе интериоризации традиционных духовно-нравственных ценностей и выраженном аксиологическом конфликте.

Главная мысль работы в том, что стихийный процесс трансляции ценностей в условиях доминирования глобальной потребительской парадигмы неэффективен и приводит к их декларативному, а не действительному усвоению. Это находит подтверждение в критически низких показателях интериоризации таких фундаментальных ценностей, как «Гуманизм» (4,98 %) и «Служение Отечеству и ответственность за его судьбу» (9,64 %), при относительно высоких показателях по ценностям «Справедливость» (38,87 %) и «Историческая память» (36,30 %). Выявленная возрастная динамика — положительная по сложным социальным концептам («Приоритет духовного над материальным», «Гуманизм») и отрицательная по базовым ценностям («Патриотизм») — подтверждает необходимость научно обоснованного возрастнораспределенного подхода в воспитательной работе.

Эмпирические данные служат верификацией теоретических положений Ж. Т. Тощенко о «двойственном сознании» и метаморфозах общественного сознания, а также концепции В. А. Ядова о слабой связи между ценностными декларациями и реальными поведенческими диспозициями. Таким образом, исследование предоставляет релевантный инструментарий для диагностики и подтверждает теоретические конструкции эмпирическими данными. Полученные эмпирические данные указывают на необходимость перехода от диагностики к проектированию, от констатации метаморфоз сознания — к активному социальному конструированию желаемой реальности с использованием научно обоснованных механизмов.

Дальнейшие исследования будут направлены на проектирование и апробацию активной фазы социального конструирования. Следующим этапом является разработка структурно-функциональной модели и семантической сети трансформационной игры живого действия (бифреймального конструкта), в которой традиционные духовно-нравственные ценности выступают доминирующими схемами интерпретации и поведения. Последующая экспериментальная проверка данной модели даст возможность оценить эффективность методики целенаправленного «фреймирования» как протективного механизма, нивелирующего воздействие деструктивных глобальных трендов и способствующего интериоризации традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества.

Список источников

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. — Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.08.2025).
2. Легчилин, В. В. Советские ценности и формирование новой российской идентичности / В. В. Легчилин. — Текст : непосредственный // Гуманитарный вестник. — 2015. — № 9 (35). — С. 1–18.
3. Макаренко, А. С. О коммунистическом воспитании. Избранные педагогические произведения / А. С. Макаренко. — Москва : Концептуал, 2021. — 496 с. — Текст : непосредственный.
4. Тощенко, Ж. Т. Парадоксальный человек: монография / Ж. Т. Тощенко. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 543 с. — Текст : непосредственный.

5. Тощенко, Ж. Т. Метаморфозы современного общественного сознания: методологические основы социологического анализа / Ж. Т. Тощенко. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С. 3–15.
6. Штомпка, П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) / П. Штомпка. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2001. – № 2. – С. 3–12.
7. Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
8. Ядов, В. А. Теоретико-концептуальные объяснения «посткоммунистических» трансформаций / В. А. Ядов. – Текст : непосредственный // Россия реформирующаяся: ежегодник; отв. ред. М. К. Горшков. – Москва : Институт социологии РАН, 2007. – Вып. 6. – С.12–24.
9. Тощенко, Ж. Т. Фантомы российского общества / Ж. Т. Тощенко. – Москва : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с. – Текст : непосредственный.
10. Тощенко, Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа): монография / Ж. Т. Тощенко. – Москва : РГГУ, 2021. – 472 с. – Текст : непосредственный.
11. Степанов, П. В. Диагностика и мониторинг процесса воспитания в школе / П. В. Степанов, Д. В. Григорьев, И. В. Кулешова. – Москва : Академия: АПКИПРО, 2003. – 82 с. – Текст : непосредственный.
12. Выготский Л. С. Динамика умственного развития школьника в связи с обучением // Л. С. Выготский. – Текст : непосредственный. // Умственное развитие детей в процессе обучения : сборник статей. – Москва – Ленинград : Государственное учебно-педагогическое издательство. – 1935. – С. 33–52.
13. Эльконин, Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте / Д. Б. Эльконин. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии, 1971. – № 4. – С. 6–20.
14. Ядов, В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция / В. А. Ядов, 2-е расширенное изд. – Москва : ЦСПиМ, 2013. – 376 с. – Текст : непосредственный.
15. Ядов, В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В. А. Ядов. – Текст : непосредственный // Мир России. Социология. Этнология. – 1995. – № 3-4. – С.158–181.
16. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Медиум, 1995. – 337 с. – Текст : непосредственный.
17. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман; пер. с англ.; под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступ. статья Г. С. Батыгина. – Москва : Институт социологии РАН, 2003. – 752 с. – Текст : непосредственный.
18. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский; пер. с англ. О. Н. Гринбаума ; под ред. Ф. М. Кулакова. – Москва : Энергия, 1979. – 151 с. – Текст : непосредственный.
19. Минский, М. Сообщество разума / М. Минский; пер. с англ. В. Желнинова. – Москва : АСТ, 2018. – 622 с. – Текст : непосредственный.

References

1. Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh dukhovno-nravstvennykh tsennostei: ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 09.11.2022 g. № 809 // Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii. – Available at: <http://publication.pravo.gov.ru> (accessed 30.08.2025). (In Russian).
2. Legchilin, V. V. (2015). Soviet values and formation of a new russian identity. Humanities bulletin of bmstu, 9 (35), pp. 1-18. (In Russian).
3. Makarenko, A. S. (2021). O kommunisticheskom vospitanii. Izbrannye pedagogicheskie proizvedeniia. Moscow, Kontseptual Publ., 496 p. (In Russian).

4. Toshchenko, Zh. T. (2017). *Paradoksal'nyi chelovek: monografiia*. Moscow, IUNITI-DANA Publ., 543 p. (In Russian).
5. Toshchenko, Zh. T. (2001). *Metamorfozy sovremennogo obshchestvennogo soznaniya: metodologicheskie osnovy sotsiologicheskogo analiza*. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, (6), pp. 3-13. (In Russian).
6. Shtompka, P. (2001). *Kul'turnaia travma v postkommunisticheskom obshchestve (stat'ia vtoraia)*. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, (2), pp. 3-12. (In Russian).
7. Shtompka, P. (2001). *Sotsial'noe izmenenie kak travma*. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, (1), pp. 6-16. (In Russian).
8. Iadov, V. A. (2007). *Teoretiko-kontseptual'nye ob"iasneniia «postkommunisticheskikh» transformatsii. Rossiia reformiruiushchiasia: ezhegodnik*. Moscow, Institut sotsiologii RAN Publ., (6), pp. 12-24. (In Russian).
9. Toshchenko, Zh. T. (2015). *Fantomy rossiiskogo obshchestva*. Moscow, Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniia i marketinga Publ., 668 p. (In Russian).
10. Toshchenko, Zh. T. (2021). *Obshchestvo travmy: mezhduevoliutsiei i revoliutsiei (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)*. Moscow, RGGU Publ., 472 p. (In Russian).
11. Stepanov, P. V., Grigoriev, D. V., & Kuleshova, I. V. (2003). *Diagnostika i monitoring protsessa vospitaniia v shkole [Diagnostics and Monitoring of the Educational Process at School]*. Moscow, Akademiia: APKiPRO Publ., 82 p. (In Russian).
12. Vygotskiy, L. S. (1935). *Dinamika umstvennogo razvitiia shkol'nika v sviazi s obucheniem. Umstvennoe razvitiie detei v protsesse obucheniia*. Moscow – Leningrad, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Publ., pp. 33-52. (In Russian).
13. El'konin, D. B. (1971). *K probleme periodizatsii psikhicheskogo razvitiia v detskom vozraste*. *Voprosy psikhologii*, (4), pp. 6-20. (In Russian).
14. Yadov, V. A. (2013). *Samoregulatsiia i prognozirovaniie sotsial'nogo povedeniia lichnosti: Dispozitsionnaia kontseptsiiia*. Moscow, TSPiM Publ., 376 p. (In Russian).
15. Yadov, V. A. (1995). *Sotsial'nye i sotsial'no-psikhologicheskie mekhanizmy formirovaniia sotsial'noi identichnosti lichnosti*. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, (3-4), pp.158-181. (In Russian).
16. Berger, P. & Lukman, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniie real'nosti. Traktat po sotsiologii*. Moscow, Medium Publ., 337 p. (In Russian).
17. Gofman, I. (2003). *Analiz freimov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta*. Moscow, Institut sotsiologii RAN Publ., 752 p. (In Russian).
18. Minskiy, M. (1979). *Freimy dlia predstavleniia znaniia*. Moscow, Energiia Publ., 151 p. (In Russian).
19. Minskiy, M. (2018). *Soobshchestvo razuma*. Moscow, AST Publ., 622 p. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Гневашева Екатерина Александровна, кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Vestal-97@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7047-9209>

Ekaterina A. Gnevasheva, Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Vestal-97@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7047-9209>

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 23.10.2025; принята к публикации 27.10.2025.
The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 23.10.2025; accepted for publication 27.10.2025.

Научная статья / Original research article
УДК 94(100)
DOI:10.31660/1993-1824-2025-4-51-66
EDN: KLFOTV

Научные дискуссии о причинах Второй мировой войны в контексте событий 1930-х – начала 1940-х годов

М. С. Жулева*, И. В. Шулер

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

**zhulevams@tyuiu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема развязывания Второй мировой войны. Проведен анализ отечественных и зарубежных научных исследований, основанных на архивных, в том числе рассекреченных в недавнее время материалах известных историков, политических и общественных деятелей, экспертов-международников, дипломатов-практиков. Отображен комплекс ключевых внешнеполитических событий, происходивших в мире в 1930-х — начале 1940-х годов и оказавших колоссальное влияние на мировой политический процесс. Выявлены причины, которые привели к началу большой войны, повлекшей огромные жертвы. Акцент в настоящей статье ставится на анализ политики СССР по созданию системы коллективной безопасности и его активное стремление предотвратить мировую войну. Делается вывод, что политическое руководство ведущих европейских стран 1930-х годов, не стремясь к войне, не смогло остановить агрессора, и Вторая мировая стала реальностью.

Ключевые слова: империалистические державы, агрессия, идеология, германский нацизм, геополитика

Для цитирования: Жулева, М. С. Научные дискуссии о причинах Второй мировой войны в контексте событий 1930-х – начала 1940-х годов / М. С. Жулева, И. В. Шулер. – DOI 10.31660/1993-1824-2025-4-51-66 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2025. – № 4. – С. 51–66. – EDN: KLFOTV

Scientific discussions on the reasons for the Second World War in the context of the events from the 1930s and early 1940s

Maria S. Zhuleva*, Irina V. Shuler

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

**zhulevams@tyuiu.ru*

© М. С. Жулева, И. В. Шулер, 2025

Abstract. This paper examines the problem of starting of the Second World War and analyzes both Russian and foreign scientific research. These works are based on archival materials, including recently declassified documents, produced by well-known historians, political and public figures, international relations experts, and career diplomats. This study highlights a set of key foreign policy events that occurred during the 1930s and early 1940s, which significantly influenced global political developments. The authors of this paper identify the factors that led to the outbreak of the large-scale war, which caused immense human losses. Particular attention given to the Soviet Union's policies aimed at establishing a system of collective security and its active efforts to prevent a global conflict. The paper concludes that while the political leadership of the major European powers in the 1930s did not seek war, they were ultimately unable to stop the aggressor, leading to the unfortunate reality of the Second World War.

Keywords: imperialist powers, aggression, ideology, German Nazism, geopolitics

For citation: Zhuleva, M. S. & Shuler, I. V. (2025). Scientific discussions on the reasons for the Second World War in the context of the events from the 1930s and early 1940s. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 51-66. (In Russian). DOI : 10.31660/1993-1824-2025-4-51-66

Введение

Осенью 2025 года отмечается 80-летняя годовщина окончания крупнейшей из войн в истории человечества — Второй мировой, в которой приняли участие практически все суверенные государства, существовавшие на тот момент в мире (62 страны из 73). Развернувшиеся боевые действия охватили территории трех континентов из пяти и воды всех мировых океанов. Общие масштабы потерь составили более 70 млн человек [1].

С учетом того, что с окончания Первой мировой, оставившей глубокий след в судьбе ведущих европейских стран, понесших миллионные жертвы, прошло всего 20 лет, возникает вопрос: почему ее участники не смогли предотвратить Вторую, еще более кровопролитную войну? Почему не удалось сдержать нацистскую Германию? Кто виноват в том, что бывшие союзники не смогли договориться друг с другом, что этому помешало?

Относительно обозначенных вопросов в науке до сих пор ведутся дискуссии. В последнее время, по наблюдениям исследователей, набирает обороты дискурс, что Вторая мировая война была столкновением двух тоталитарных режимов, гитлеровская Германия нанесла превентивный удар по сталинской России, готовившей нападение на Европу, Гитлер встал на защиту европейской демократии от угрозы большевизма [3]. Подобные точки зрения не выдерживают никакой критики и опровергаются конкретными историческими фактами [2, 11, 20]. Защита исторической правды — важная задача современных историков.

В связи с вышесказанным обращение к теме научной статьи представляется очень актуальным. Цель — разобраться в причинах и событиях, которые привели к началу масштабного военного конфликта 1939–1945 годов, когда мир упустил реальный шанс избежать величайшей трагедии XX века. Акцент при этом делается на анализ

новейших исследований ведущих современных отечественных и зарубежных специалистов в области истории международных отношений и внешней политики.

При написании статьи были использованы научные изыскания следующих известных исследователей: А. В. Исаева и А. В. Драбкина [1], Ю. А. Никифорова [2], Н. А. Нарочницкой [3, 4], В. М. Фалина [5], Е. О. Обичкиной [6], Н. К. Капитоновой [7], М. И. Мельтюхова [8], А. Р. Дюкова [9], Е. Н. Яковлева [10], Д. В. Стратиевского [11], А. Г. Дульян [12], А. В. Шубина [13], Ю. В. Рубцова [14], В. В. Марьиной [15], М. В. Демурина [16].

Особое место отводится работам таких зарубежных авторов, как Э. Ворачек [17], М. Джабара Карлей [18], немецких историков, специализирующихся на истории Второй мировой войны, работающих в европейских архивах с военными документами: Р.-Д. Мюллера [19], Г.-А. Якобсена [20], В. Ветте [21], К. Штрайта [22].

Приводятся сведения из работы Г. Раушнинга, состоявшего в ближайшем окружении Гитлера, записывающего его речи, произнесенные в узком кругу посвященных, и опубликовавшего в Лондоне в 1939 году книгу «Говорит Гитлер» [23].

Материалы и методы

В статье нашли применение следующие методы: системный (мировая политика рассматривается как система, состоящая из элементов (конкретные страны), вступающих во взаимодействие друг с другом), компаративный (сравниваются различные точки зрения в вопросе причин начала Второй мировой), бихевиористский (анализируется поведение руководства ведущих европейских держав в предвоенные годы), исторический. Кроме того, широко использовался метод эмпирических исследований — анализ документов, а также общелогические — анализ, синтез, дедукция, индукция.

Результаты и обсуждение

В эпоху СССР подробно обосновывалась концепция о том, что все мировые войны — порождение капиталистической системы. Неравномерность политического и экономического развития различных стран приводит к противоречиям, которые выливаются в конфликты между империалистическими державами. Спор ведется по поводу распределения между ними колоний и сфер влияния. Советские историки подчеркивали, что «в межвоенный период и во время Второй мировой войны эти противоречия развивались во взаимодействии с главными разногласиями эпохи — между двумя противоположными социальными системами: капитализмом и социализмом соответственно» [2].

Главной движущей силой в подготовке Второй мировой называют монополии крупнейших западных государств, содействовавших милитаризации общества, провоцировавших различные военные конфликты по земному шару, вовлекая в них большое количество народов и стран. Именно эти силы и породили поджигателя войны — германский фашизм, который признавался в качестве выразителя интересов крупного ка-

питала и представлял собой наиболее агрессивную, террористическую форму буржуазной диктатуры [2].

Рассматривая все важные обстоятельства развязывания Второй мировой войны, советские историки отмечали, что Германия (сторона, проигравшая Первую мировую), вместе с Италией и Японией, считавшими себя обделенными в вопросах распределения военной добычи, желали передела сложившегося мира, и, по сути, начали подготовку к новой войне [2].

Советский Союз, наоборот, прилагал все возможные усилия для предотвращения надвигающейся мировой войны. Правительство СССР упорно боролось за мир и безопасность на протяжении всех 1930-х годов. Много раз вопросы мировой безопасности инициировались советской стороной на заседаниях Лиги Наций. В СССР понимали, что в складывающихся условиях агрессивные устремления буржуазии западных стран могут быть в первую очередь направлены на молодое советское государство. Мировая война СССР была не нужна: в случае крупного международного конфликта страна могла только потерять, а не что-то приобрести (в Советском Союзе полным ходом шла индустриализация, промышленность еще только создавалась, на повестке дня стоял вопрос защиты от возможного нападения недружественных стран).

Таким образом, причины противоречий между ведущими мировыми державами в советской историографии анализировались через призму марксистской идеологии и терминологии (рынки сбыта, источники сырья).

В постсоветский период получила распространение другая концепция, по своему объясняющая международные отношения, в том числе причины мировых конфликтов между странами. Речь идет о геополитике, которая рассматривает взаимодействия между государствами с учетом природно-географических факторов. Ранее в СССР к геополитике относились скептически, не проводили никаких исследований в противовес западным странам, где геополитические теории активно разрабатывались с конца XIX века. Классиками геополитики выступают немецкие (Ф. Ратцель, К. Хаусхофер), английские (Х. Маккиндер) и американские (А. Мэхэн, Н. Спайкмен) исследователи. В геополитике применяются другие дефиниции: «зоны интересов», «сферы влияния» и прочее. С опорой на геополитическую концепцию можно отметить, что после Первой мировой произошла перекройка границ (случились большие территориальные изменения), соотношение сил между великими державами изменилось. Как следствие: причины новой войны логично сводятся к тому, что одни государства захотели взять реванш (восстановить утраченные территории) и попытаться расширить сферы влияния, а другим требовалось, сохранив свой статус, защитить завоеванное.

Геополитическая концепция нередко сочетается сегодня с идеями цивилизационного подхода. Представители последнего связывают мировые войны XX века с цивилизационными противоречиями, указывая на существование векового противостояния западноевропейской и православной славянской цивилизаций, взаимным неприятием,

непониманием иного образа жизни и отличных от своих систем ценностей. В орбите внимания исследователей-«цивилизационщиков» оказываются «культурологические аспекты, и если, с точки зрения исторического материализма, фашизм — это реакция эксплуататорского класса на рост рабочего и национального движений в мире, то с точки зрения цивилизационного подхода, фашизм и национал-социализм в Германии предстают как порождение определенной культурной традиции, как плод культуры и философии Запада» [2].

Ключевые идеи всех трех представленных концепций можно подтвердить конкретными событиями. Известно, что в конце 1920-х — начале 1930-х годов мир охватил экономический кризис. В ведущих державах наблюдается сокращение промышленного производства. Так, в Соединенных Штатах Америки (США) оно сократилось на 46,2 % (17 млн человек потеряли работу, в два раза уменьшился национальный доход), в Германии производство упало на 40,6 % (без работы оказалось 7,5 млн немцев), в Японии спад производства достиг 36,7 % (в итоге — 3 млн безработных японцев), во Франции и Великобритании производство уменьшилось лишь на треть и четверть соответственно [5]. Межимпериалистические противоречия в связи со сложившейся обстановкой входят в фазу обострения. Ситуация осложнялась незавершенностью империалистического передела мира после Первой мировой войны, «порочностью, созданной по ее итогам Версальской системы» [12].

В 1931 году Япония вторглась в Китай. К 1935 году японцы захватили территорию, равную площади Франции. Жертвами этого кровопролитного передела стали миллионы китайцев (историки приводят конкретную цифру: 35 млн). В том же 1935-м Италия вероломно напала на Абиссинию (Эфиопию), применив против мирного населения отравляющие вещества (погибло около 600 тыс. чел.). Далее Италия оккупировала Албанию [3–5], а в 1938-м Германией были аннексированы Австрия и Чехословакия [3].

Известны слова экс-премьер-министра Великобритании Д. Ллойда Джорджа (поддержавшего в свое время военную интервенцию против большевистской России), сказанные им в 1934 году и характеризующие отношение британцев к происходящим событиям: «Отвлечь от нас (англичан) Японию и Германию и держать СССР под постоянной угрозой... Мы предоставим Японии свободу действий против СССР. Пусть она расширяет корейско-маньчжурскую границу вплоть до Ледовитого океана и присоединит к себе дальневосточную часть Сибири... Мы откроем Германии дорогу на восток и тем обеспечим столь необходимую ей возможность экспансии» [5].

Слова Ллойда Джорджа можно оценивать и как свидетельство идеологического противостояния стран Запада и СССР на международной арене, которое также называют одной из причин Второй мировой. Коммунистическая идеология несовместима с идеями капиталистического общества. К тому же В. Ленин в свое время активно продвигал идею мировой революции. Но возглавивший после его смерти правительство СССР И. Сталин отказался от этой стратегии, поставив задачу построения

коммунизма в отдельно взятой стране. Однако у стран Запада остался страх перед большевиками. Придя к власти, Гитлер прежде всего начал борьбу с немецкими коммунистами. Германия превращалась в «бастион Запада против большевизма». В стране шла пропаганда того, что большевизм — это «смертельный враг», «он [большевизм] ведет к смешению рас — мы же боремся за сохранение чистоты крови» [21]. В ноябре 1937 года в рамках своего визита в Берлин будущий министр иностранных дел (1938–1940), член консервативной партии Великобритании Э. Вуд, виконт Галифакс выразил благодарность Гитлеру за то, что «уничтожив коммунизм в собственной стране, он закрыл ему путь в Западную Европу» [5].

Идеологические противоречия с СССР не дали Великобритании и Франции пойти на создание системы коллективной безопасности против агрессоров (Японии, Германии, Италии), британцы и французы старательно затягивали переговоры с советской стороной, от которой не раз поступала просьба о союзе держав. Ярким примером служит поведение Великобритании и Франции накануне Второй мировой: весна — лето 1939 года, когда СССР в очередной раз обратился к ним, пригласив в Москву с целью заключить соглашения и не допустить большой войны [14].

Как отмечают исследователи, из совокупности документов следует, что «СССР тратил свои силы и время на создание коалиции против агрессивных держав впустую. Руководство Великобритании и Франции отправили на переговоры не министров, а послов, которым было дано задание — коротать время, создавая впечатления, что западные страны за договоренность, то есть налицо простая видимость деловых переговоров, британцы сообщали своим представителям в Москве, что их главная цель — предотвратить установление каких-либо связей России с Германией» [5].

Документы свидетельствуют, что Великобритания и Франция воевать не хотели [7], память о миллионах погибших в Первую мировую войну была сильна, перспектива нового вооруженного противостояния в Европе их пугала. Стремление сохранить мир для своих стран любой ценой вынудило британское и французское правительства сделать шаги навстречу Гитлеру [1]. В 1938 году весной они закрыли глаза на аннексию Германией Австрии, а осенью на встрече в Мюнхене лидеры Великобритании, Франции, Италии и Германии подписали документы о разделе Чехословакии. Это мероприятие вошло в историю как «мюнхенский сговор» и вместе с австрийским аншлюсом оно, по своей сути, являлось политикой «умиротворения агрессора» [1, 3, 12, 15]. Советский Союз осудил решения стран-участниц. 18 марта 1938-го Германии была отправлена нота, в которой действия немецкого руководства были обозначены как насильственные и агрессивные. СССР добился включения вопросов об Австрии и Чехословакии в повестку дня сессий Лиги Наций [12, 17]. Существуют свидетельства российских и чешских ученых тому, что СССР, причем до появления Мюнхенского соглашения, предлагал конкретную помощь (защиту) властям Чехословакии, [4, 15, 17,].

К активным действиям по присоединению этих земель Гитлера подталкивали не только претензии на Судетскую область с ее немецким населением. В результате раздела Чехословакии Германия получила 1/5 ее территории и 1/4 населения, и теперь в распоряжении немцев оказались чехословацкие военные сооружения, половина металлургических и горных предприятий, важные железнодорожные магистрали [12]. Чехословацкое государство, к тому же, могло стать удобным плацдармом для бомбардировки южной части германских земель, нужно было себя обезопасить [1].

Исследователи замечают, что Германия рассчитывала стать лидирующей силой на континенте. Устранение Чехословакии позволяло продемонстрировать свою мощь восточным соседям, сделав их более сговорчивыми, и значительно снизить опасность антигерманского союза в Восточной Европе. По мнению Берлина, решение чехословацкого вопроса привело бы к нейтрализации Польши, экономическому подчинению Венгрии, Румынии и Югославии, тем самым был бы обеспечен тыл для войны на Западе (она была в приоритете в деле борьбы за гегемонию в Европе), то есть Германия хотела ресурсно усилиться, чтобы эффективно вести будущую войну [8].

Примечательно, что не мюнхенские, а другие события в западной англо-американской, западногерманской и русскоязычной эмигрантской историографии называют «спусковым крючком», приведшим к войне. Речь идет о подписании в Москве 23 августа 1939 года И. фон Риббентропом (министром иностранных дел Германии) и В. М. Молотовым (народным комиссаром иностранных дел СССР) договора о ненападении (пакт Молотова — Риббентропа).

Пакт Молотова — Риббентропа (особенно секретный протокол к нему) получил широкое обсуждение в конце 1990-х годов. Сталина начали называть другом Гитлера и в целом считать войну борьбой двух тоталитарных режимов, в которой все остальные страны, в том числе Франция и Великобритания, рассматриваются как жертвы [2].

Исторические факты говорят об обратном. Друзьями Сталин и Гитлер не были. Документы свидетельствуют, что «до августа 1939 года у Третьего рейха и СССР не было никакого желания идти на какие-то ни было переговоры друг с другом» [1, 13]. Сотрудничество с немцами, инициированное Рапалльским договором 1922 года, СССР стал сворачивать уже тогда, когда в Германии у власти встал Гитлер [4].

Инициатива заключения соглашения о ненападении с Советским Союзом принадлежала немцам. Резкий толчок дала телеграмма Гитлера, лично адресованная Сталину, переданная 21 августа 1939 года: в ней содержалось предложение принять в Москве германского министра иностранных дел с целью заключения договора. Сталин неожиданно ответил утвердительно — в последней попытке «реанимировать» переговоры с западными военными миссиями (Великобритания/Франция), надежда еще теплилась [1, 13]. Но западные державы не использовали момент, а немецкая делегация, молниеносно отреагировав на ответ Москвы, 22 августа прибыла в СССР и очень быстро, уже 23 августа, с Германией был подписан договор о ненападении. Его подпи-

сали в том же кабинете, в котором проходили переговоры, пышной церемонии не было. Немецкая сторона предложила секретный протокол к договору [1], где сферой интересов СССР были указаны земли, утраченные Россией в 1920-е годы в ходе гражданской войны. Сталин был вынужден так поступить, в противном случае эти территории бы перешли к Гитлеру.

Критики пакта заявляют, что секретный протокол к нему был вопиющим нарушением норм дипломатии. Современные исследователи опровергают этот тезис конкретными фактами: секретные протоколы уже не были редкостью, они много раз заключались в прошлом. Приведем некоторые исторические примеры: Наполеон в Тильзите предлагал (безуспешно) Александру I уничтожить Пруссию; проходивший в 1814–1815 годах Венский конгресс добавил к территории Швейцарии стратегические горные перевалы (для предотвращения усиления ряда государств); в 1908 году Австрия, получив дипломатическое согласие держав, аннексировала Боснию; победившая в Первой мировой войне англосаксонская часть Антанты в Версале в 1919 году расчленила Австро-Венгрию [3].

Советский Союз обвиняют и в том, что пакт Молотова — Риббентропа развязал руки Гитлеру, и тот начал войну, напав на Польшу. Но документы свидетельствуют, что этот пакт не изменил баланс сил в Европе, нападение Германии на Польшу было predetermined, решение об этом Гитлер принял еще весной 1939 года (план «Вайс» с прописанным в нем датой вторжения в Польшу — 1 сентября 1939-го). Был бы заключен договор с СССР или нет, Германия все равно бы вторглась в Польшу. Но этого можно было избежать, если бы западные державы откликнулись на призыв СССР создать систему коллективной безопасности [1].

Гитлеру не нужна была коалиция против него, поэтому он сделал все, чтобы не допустить ее (пошел на соглашение с СССР) [5]. Советский Союз чувствовал себя небезопасно в условиях растущей угрозы войны. В октябре 1936 года оформилась ось Берлин — Рим, в ноябре было подписано соглашение между Германией и Японией (Антикоминтерновский пакт) [12], далее произошел захват Германией Австрии и Чехословакии. Агрессоры консолидировались, усиливали свои возможности. Западные державы, по сути, бойкотировали создание системы коллективной безопасности против агрессивных стран. Опасность нападения на СССР была реальной как никогда. Не найдя поддержки у ведущих западных государств, которой он добивался шесть лет, Советский Союз подписал договоры с Германией — от безысходности [18], в результате выиграв для себя два года передышки.

Среди мифов вокруг пакта Молотова — Риббентропа часто встречается тезис о том, что после заключения договора о ненападении Сталин превратился в союзника Гитлера. Современные историки опровергают это утверждение фактами заключения аналогичных договоров с Гитлером руководством Польши (26 января 1934 года), Великобритании (30 сентября 1938 года) и Франции (6 декабря 1938 года) [6, 5]. Почему-то,

подписав аналогичные пакту Молотова — Риббентропа договоры о ненападении, Польша, Великобритания и Франция не стали Гитлеру союзниками, им «оказался» только СССР. Кроме того, по своей сути договор о ненападении не является договором о военном сотрудничестве (военном союзе).

Известный американский политик, экс-госсекретарь США Г. Киссинджер в своем труде «Дипломатия» приводит слова Гитлера, датированные 11 августа 1939 года: «Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы уразуметь это, я вынужден буду пойти на договоренность с Россией, разбить Запад, а потом, после его поражения, повернуться против Советского Союза со всеми накопленными силами» [3].

Мотивы Гитлера относительно его военных планов исследователи называют сложными, но все, опираясь на источники, сходятся во мнении, что он давно хотел этой войны [11, 19, 20]. Нацистская идеология включает в себя экспансию. Вопрос о том, какая из стран станет первой целью немецкой агрессии, по-видимому, до 1939 года оставался открытым даже для самого фюрера.

Однозначно, что лидер Третьего рейха не хотел войны на два фронта, как это было в Первую мировую. О целях и мыслях Гитлера, которыми он делился с ближайшим окружением, сообщает его бывший сподвижник Г. Раушнинг. Он пишет, как в начале 1934 года встретился с Гитлером, чтобы доложить о своей поездке в Польшу к Ю. Пилсудскому, и разговор коснулся целей германской внешней политики. Раушнинг спросил Гитлера, правда ли, что фюрер не исключает возможности выступить против западных стран, на что был получен ответ: «А зачем же мы вооружаемся?». Далее Раушнинг высказал Гитлеру свои соображения по поводу того, что агрессия в западном направлении может привести к созданию антигерманской коалиции, с которой можно и не справиться. Гитлер ответил, что именно в этом и состоит его задача: предотвратить такой исход. Он заверял, «что добьется своего: порукой тому нерешительность Англии и внутренняя разобщенность Франции». Гитлер был уверен, будто Англия абсолютно не способна к новой войне, как и Франция, и что Англии нужна сильная Германия. Далее фюрер разъяснял, что если, впрочем, придется воевать с Англией, то он сделает то, что не смог Наполеон — высадится в Англии и будет уничтожать ее города обстрелами с материка. Главное, о чем говорилось: нельзя допустить объединения Англии и Франции с Россией [23].

Гитлер мечтал о Великой Германии, о господстве арийской расы. У Раушнинга можно прочесть следующее: «Гитлер говорил, что если немецкий народ хочет быть глобальным народом, а не населением государства на европейском континенте, то он должен требовать полного государственного суверенитета и независимости... Неужели не видно, какие жестокие увечья наносят нам, второму по численности народу Европы, непригодность и теснота нашего жизненного пространства? Глобальный народ — это нация, которая независимо живет на своей территории и может постоять

за себя с оружием в руках. Только такие нации суверенны в полном смысле этого слова... Неужели есть на то воля Божья, чтобы мы, несмотря на трудолюбие, старательность, наши промышленность, военные способности, всегда оставались государством второго сорта, всегда плелись позади Англии, позади Франции, хоть мы и больше их обеих вместе взятых?.. Я хочу создать для Германии такое жизненное пространство, чтобы мы могли защитить себя от любой военной коалиции... На востоке нам нужно господствовать до Кавказа и до Ирана включительно. На западе нам нужно французское побережье Атлантики. Нам нужны Фландрия и Голландия. И, прежде всего, нам нужна Швеция. Мы должны стать колониальной державой. Мы должны стать морской державой, хотя бы одного уровня с Англией... Мы будем править Европой — или мы снова распадемся на удельные княжества. Теперь вы понимаете, почему я не могу ограничивать себя ни на западе, ни на востоке?..» [23].

Вынашивая планы войны, к 1939 году Гитлер перешел к их реальному воплощению. Первой пала Польша, далее он должен был пойти на СССР, но заключенный договор о ненападении изменил планы фюрера. Исследователи отмечают стратегический просчет и поражение западных держав, переигравших самих себя [14]. Францию Гитлер захватил за полтора месяца [18]. Снова были бомбардировки Лондона. А далее фюрер внезапно оставил Англию в покое и повернул на Восток. 22 июня 1941 года он пересек границу СССР, началась Великая Отечественная война нашего народа с гитлеровской Германией.

Согласно мнению исследователей Германии нужны были пространства и полезные ископаемые, то есть первичная цель для Гитлера в нападении на СССР состояла в завоевании жизненного пространства [11]. Здесь мы сталкиваемся с терминологией геополитической концепции. По замечанию немецкого историка Г.-А. Якобсена, поход на Восток, «насильственное завоевание которого уже с 20-х годов пронизывало политические расчеты Гитлера», был продиктован наполеоновской идеей — разгромив Россию, разбить Англию [20].

Но немецкая пропаганда скрывала свои планы, говоря о том, что она несет освобождение поработенным народам на Востоке. Спустя почти месяц после нападения на Советский Союз (16 июля 1941 года) Гитлер в узком кругу доверенных лиц, включавшем А. Розенберга, М. Бормана, В. Кейтеля, Г. Ламмерса, Г. Геринга, дал пояснения маскировке пропаганды: «Мы не должны раскрывать перед всем миром наши цели, этого не требуется, главное, чтобы мы сами знали, чего хотим. Ни в коем случае наш путь не должен быть осложнен излишними заявлениями». Далее отмечалось, что для всех события должны выглядеть следующим образом: «Мы вынужденно оккупировали территорию для того, чтобы обеспечить безопасность и навести порядок, и все это мы делаем в интересах местного населения». Но после Гитлер говорил, уже не скрывая: «В принципе речь идет о том, чтобы правильно разрезать гигантский пирог, чтобы, во-первых, овладеть им, во-вторых, управлять, в третьих, эксплуатировать». Вполне нор-

мальными действиями признавались те, которые были ориентированы на то, чтобы расстреливать, выселять, истреблять всех, кто будет сопротивляться [21]. Историк В. Ветте пишет, что на этом секретном совещании доминировал язык политики неприкрытого насилия и уничтожения, не было речи об угрозе с Запада, о крестовом походе против большевизма, о превентивной войне, об еврейском большевизме [21].

Но не всегда удавалось скрывать свои намерения. Так, Й. Геббельс, будучи министром пропаганды Третьего Рейха, в 1942 году дал интервью журналу «Дас рейх», в котором сказал, что нельзя «вечно бороться за идеалы», когда-то «нужно получить награду», война ведется «за зерно и хлеб, за стол, накрытый для завтрака, обеда и ужина... война за сырье, за резину, железо и руды... На необозримых полях Востока колыхнутся желтые колосья, которых достаточно и сверхдостаточно, чтобы прокормить наш народ и всю Европу... Это и есть цель нашей войны» [21].

Вопрос о мотивировании немцев на выполнение поставленных задач (завоевание территории и уничтожение местного населения) решался пропагандой о недочеловеке. Здесь можно говорить о проявлении цивилизационной концепции.

Известно, что генерал-полковник Э. Гёпнер, командовавший 4-й танковой группой, предназначенной для военных действий на Востоке, инструктировал немецких офицеров: «Война против России является важным этапом в борьбе за существование немецкого народа. Это древняя борьба германцев против славянства, защита европейской культуры от московитско-азиатского нашествия, оборона от еврейского большевизма. Целью этой борьбы... должен быть разгром сегодняшней России» [21].

Далее В. Ветте приводит содержание найденной им в архивах брошюры «Недочеловек» 1942 года, изначально предназначенной для пропаганды среди отборных частей СС, но вскоре попавшей и в обычные части вермахта. В этой брошюре находились иллюстрации — портретные фотографии восточноевропейцев с искаженными техникой лицами. Они должны были внушать чувства отчуждения, отвращения и жестокости. Подписи под портретами сообщали, что здесь изображены «чудовища диких лесов», «карикатуры на человеческие лица» и что их нужно уничтожать, поскольку они могут захватить весь мир, который нужно спасти от этих нелюдей [21].

Нацисты подстрекали своих солдат на убийства, в том числе мирного населения, используя не только пропаганду, но и официальные приказы, освобождавшие от какой-либо ответственности. На завоеванной территории можно делать что хочешь, и тебе ничего не будет [9, 11, 21].

Особенную жестокость враги проявляли к русским, развернувшаяся против которых война велась на уничтожение. К 1941 году в СССР проживало 198 млн 712 тыс. человек, в рейхе — 90 млн немцев, на захваченных землях планировалось изменить соотношение германского и местного населения в пользу первого, уничтожая второе [10]. Это тема настолько серьезна, значима и объемна, что требует отдельного рассмотре-

ния — подробно ее сегодня исследуют А. Дюков [9], Е. Яковлев [10], Д. Стратиевский [11], немецкие историки В. Ветте [21], К. Штрайт [22] и другие.

Выводы

Для новых поколений Вторая мировая война — часть далекой истории. Свидетелей событий тех лет остается все меньше, поэтому задача ученых — сделать эту тему понятной и поучительной для современного общества. Исходя из результатов новейших исследований, основанных на архивных материалах, можно заключить, что политическое руководство ведущих европейских стран 1930-х – начала 1940-х годов, формально не стремясь к войне, подспудно потворствовало агрессору, что в конечном счете привело ко Второй мировой.

Ее обусловил целый комплекс причин: от межимпериалистических противоречий между державами на фоне экономического кризиса, идеологических разногласий, геополитического противостояния до цивилизационного столкновения. Свой отпечаток накладывала и агрессивная сущность нацистской идеологии, ориентированной на экспансию (войну), посредством которой ожидалось радикально и оперативно решить внешние и внутренние проблемы.

Уроки предвоенного времени имеют колоссальное значение. Недопустимо разрешать внутригосударственные проблемы за счет других народов и обеспечивать безопасность своей нации, ущемляя другие. Морально-нравственные нормы должны обязательно присутствовать в политике [24–27]. Практика двойных стандартов имеет разрушительные последствия. Умиротворение агрессора не выступает решением вопроса, а, напротив, способствует усилению посягательств. Гарантировать коллективную безопасность (и в мировом, и в региональном масштабах) возможно, только прилагая совместные усилия, взаимно уважая друг друга и опираясь на нормы международного права без оглядки на идеологии и прочие различия. Необходимо уметь делать правильные выводы, знание ошибок прошлого поможет избежать их повторения в будущем.

Список источников

1. Драбкин, А. В. История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в одном томе / А. В. Драбкин, А. В. Исаев. – Москва : Эксмо : Яуза, 2019. – 576 с. – Текст : непосредственный.
2. Никифоров, Ю. А. Российская историография о причинах Второй мировой войны и нападении Германии на Советский Союз / Ю. А. Никифоров. – Текст : непосредственный // Мир между войнами. Парадоксы интербеллума. – Москва : Вече, 2019. – С. 61–94.
3. Нарочницкая, Н. А. «Концерт великих держав» накануне решающих событий / Н. А. Нарочницкая. – Текст : непосредственный // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? : сборник. – Москва : Вече, 2019. – С. 9–33.
4. Нарочницкая, Н. А. Великие войны XX столетия / Н. А. Нарочницкая. – Москва : Вече, 2020. – 464 с. – Текст : непосредственный.

5. Фалин, В. М. К предыстории пакта о ненападении между СССР и Германией / В. М. Фалин. – Текст : непосредственный // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? : сборник. – Москва : Вече, 2019. – С. 34–104.
6. Обичкина, Е. О. 1938–1939. Французская дипломатия от «умиротворения» к сдерживанию, или политика гарантий / Е. О. Обичкина. – Текст : непосредственный // Мир между войнами. Парадоксы интербеллума. – Москва : Вече, 2019. – С. 179–224.
7. Капитонова, Н. К. Политика Великобритании от Мюнхена до пакта Молотова-Риббентропа: от умиротворения к политике гарантий? / Н. К. Капитонова. – Текст : непосредственный // Мир между войнами. Парадоксы интербеллума. – Москва : Вече, 2019. – С. 225–263.
8. Мельтюхов, М. И. Польский узел 1939 г. / М. И. Мельтюхов. – Текст : непосредственный // Мир между войнами. Парадоксы интербеллума. – Москва : Вече, 2019. – С. 289–319.
9. Дюков, А. Нацистская идеология и планирование «войны на уничтожение» против Советского Союза / А. Дюков. – Текст : непосредственный // Нацизм на оккупированных территориях Советского Союза. – Санкт-Петербург : Питер, 2024. – С. 6–44.
10. Яковлев, Е. Совещание в Вевельсбурге, план голода и «окончательное решение»: истоки нацистского замысла о геноциде народов СССР / Е. Яковлев. – Текст : непосредственный // Нацизм на оккупированных территориях Советского Союза. – Санкт-Петербург : Питер, 2024. – С. 44–115.
11. Стратиевский, Д. Операция «Барбаросса» в работах современных германских историков / Д. Стратиевский. – Текст : непосредственный // Нацизм на оккупированных территориях Советского Союза. – Санкт-Петербург : Питер, 2024. – С. 368–392.
12. Дульян, А. Г. От Мюнхена до пакта Молотова-Риббентропа: некоторые аспекты ситуации в Европе накануне Второй мировой войны / А. Г. Дульян. – Текст : непосредственный // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? : сборник. – Москва : Вече, 2019. – С. 105–123.
13. Шубин, А. В. На пути к пакту 1939 года: сложности и противоречия советско-германского сближения / А. В. Шубин. – Текст : непосредственный // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? : сборник. – Москва : Вече, 2019. – С. 124–167.
14. Рубцов, Ю. В. Сея ветер, пожали бурю (О московских переговорах весны — лета 1939 года) / Ю. В. Рубцов. – Текст : непосредственный // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? : сборник. – Москва : Вече, 2019. – С. 199–212.
15. Марьина, В. В. Кто и как делили Чехословакию в марте 1939 года / В. В. Марьина. – Текст : непосредственный // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? : сборник. – Москва : Вече, 2019. – С. 275–299.
16. Демурин, М. В. Советско-германские документы августа-сентября 1939 года в контексте современной политики / М. В. Демурин. – Текст : непосредственный // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? : сборник. – Москва : Вече, 2019. – С. 344–358.
17. Ворачек, Э. Чехословакия и сентябрьский кризис 1938 г. «Только СССР имеет чистые руки» / Э. Ворачек. – Текст : непосредственный // Мир между войнами. Парадоксы интербеллума. – Москва : Вече, 2019. – С. 131–178.
18. Карлей Майкл Джабара. «Новая история Второй мировой», индоктринированная и ненадежная / Карлей Майкл Джабара. – Текст : непосредственный // Нацизм на оккупированных территориях Советского Союза. – Санкт-Петербург : Питер, 2024. – С. 393–410.
19. Мюллер, Р.-Д. Враг стоит на Востоке: гитлеровские планы войны против СССР в 1939 г. ; пер. с нем. С. В. Визгиной, Д. Н. Шаповаленко / Р.-Д. Мюллер. – Москва : Пятый Рим, 2016. – 400 с. – Текст : непосредственный.

20. Якобсен, Г.-А. Как была проиграна Вторая мировая война / Г.-А. Якобсен. – Текст : непосредственный // Почему Третий Рейх проиграл войну. Немецкий взгляд. – Москва : Яуза-пресс, 2023. – С. 13–97.
21. Ветте, В. Образ врага: расистские элементы в немецкой пропаганде против Советского Союза / В. Ветте. – Текст : непосредственный // Почему Третий Рейх проиграл войну. Немецкий взгляд. – Москва : Яуза-пресс, 2023. – С. 121–151.
22. Штрайт, К. Советские военнопленные в Германии / К. Штрайт. – Текст : непосредственный // Почему Третий Рейх проиграл войну. Немецкий взгляд. – Москва : Яуза-пресс, 2023. – С. 152–178.
23. Раушнинг, Г. Говорит Гитлер / Г. Раушнинг; пер. с нем. Д. Гайдук, А. Егазарова. – Москва : Родина, 2021. – 400 с. – Текст : непосредственный.
24. Жулева, М. С. Проблема морали в международных отношениях / М. С. Жулева. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2015. – № 1. – С. 91–94.
25. Жулева, М. С. Принцип гуманизма и современные войны / М. С. Жулева. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2017. – № 2. – С. 68–70.
26. Жулева, М. С., Лазутина, Т. В. Человек и его права в контексте современной реальности / М. С. Жулева, Т. В. Лазутина. – DOI 10.17223/15617793/418/26. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 418. – С. 202–207.
27. Жулева, М. С. Концепция государственного суверенитета в условиях трансформации современного мирового порядка / М. С. Жулева, Ю. М. Конев. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-3-35-49. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 35–49.

References

1. Drabkin, A. V., & Isaev, A. V. (2019). *Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. v odnom tome*. Moscow, Eksmo : Yauza Publ., 576 p. (In Russian).
2. Nikiforov, Yu. A. (2019). Russian Historiography on the Causes of the Second World War and the German Attack on the Soviet Union. *The World Between Wars. Paradoxes of the Interbellum*, Veche Publ., pp. 61-94. (In Russian).
3. Narochnitskaya, N. A. (2019). “Concert of the Great Powers” on the Eve of the Decisive Events. *The Score of World War II. Who Started the War and When?* Moscow, Veche Publ., pp. 9-33. (In Russian).
4. Narochnitskaya, N. A. (2020). *Velikie voyny XX stoletiya*. Moscow, Veche Publ., 464 p. (In Russian).
5. Falin, V. M. (2019). The Prehistory of the Non-Aggression Pact between the USSR and Germany. *The Scorecard of World War II. Who Started the War and When?* Moscow, Veche Publ., pp. 34-104. (In Russian).
6. Obichkina, E. O. (2019). 1938–1939. French Diplomacy from “Pacification” to Deterrence, or the Policy of Guarantees. *The World Between Wars. Paradoxes of the Interbellum*. Moscow, Veche, Publ., pp. 179-224. (In Russian).
7. Kapitonova, N. K. (2019). British policy from Munich to the Molotov-Ribbentrop Pact: from appeasement to a policy of guarantees? // *Peace between the wars. Paradoxes of the Interbellum*. Moscow, Veche Publ., pp. 225-263. (In Russian).

8. Meltyukhov, M. I. (2019). The Polish Knot of 1939. The World between Wars. The Paradoxes of the Interbellum. Moscow, Veche Publ., pp. 289-319. (In Russian).
9. Dyukov, A. (2024). Nazi Ideology and Planning of a “War of Extermination” against the Soviet Union. Nazism in the Occupied Territories of the Soviet Union. St. Petersburg, Peter Publ., pp. 6-44. (In Russian).
10. Yakovlev, E. (2024). The Wewelsburg Conference, the Hunger Plan, and the “Final Solution”: The Origins of the Nazi Plan for the Genocide of the Peoples of the USSR. Nazism in the Occupied Territories of the Soviet Union. St. Petersburg, Peter Publ., pp. 44-115. (In Russian).
11. Stratievsky, D. (2024). Operation Barbarossa in the Works of Contemporary German Historians. Nazism in the Occupied Territories of the Soviet Union. St. Petersburg, Peter Publ., pp. 368-392. (In Russian).
12. Dulyan, A. G. (2019). From Munich to the Molotov-Ribbentrop Pact: Some Aspects of the Situation in Europe on the Eve of World War II. The Scorecard of World War II. Who Started the War and When? Moscow, Veche Publ., pp. 105-123. (In Russian).
13. Shubin, A. V. (2019). On the Way to the 1939 Pact: Difficulties and Contradictions in the Soviet-German Rapprochement. The Scorecard of World War II. Who Started the War and When? Moscow, Veche Publ., pp. 124-167. (In Russian).
14. Rubtsov, Yu. V. (2019). Sowing the Wind, Reaping the Storm (On the Moscow Negotiations of the Spring and Summer of 1939). The Score of World War II. Who Started the War and When? Moscow, Veche Publ., pp. 199-212. (In Russian).
15. Maryina, V. V. (2019). Who and How Divided Czechoslovakia in March 1939 // The Scorecard of World War II. Who Started the War and When? Moscow, Veche Publ., pp. 275-299. (In Russian).
16. Demurin, M. V. (2019). Soviet-German Documents of August-September 1939 in the Context of Contemporary Politics. The Score of World War II. Who Started the War and When? Moscow, Veche Publ., pp. 344-358. (In Russian).
17. Voracek, E. (2019). Czechoslovakia and the September Crisis of 1938. “Only the USSR Has Clean Hands”. The World Between Wars. The Paradoxes of the Interbellum. Moscow, Veche Publ., pp. 131-178. (In Russian).
18. Carley Michael Jabara. (2024). “The New History of World War II”, indoctrinated and unreliable. Nazism in the Occupied Territories of the Soviet Union. St. Petersburg, Publ., pp. 393-410. (In Russian).
19. Muller R.-D. (2016). The Enemy Stands in the East. Hitler's Plans for War Against the USSR in 1939. Moscow, Pyaty Rim Publ., 400 p. (In Russian).
20. Jacobsen, G.-A. (2023). How the Second World War Was Lost. Why the Third Reich Lost the War. A German Perspective. Moscow, Yauza-press Publ., 2023, pp. 13-97. (In Russian).
21. Wette, V. (2023). The Image of the Enemy: Racist Elements in German Propaganda against the Soviet Union. Why the Third Reich Lost the War. A German Perspective. Moscow, Yauza-press Publ., pp. 121-151. (In Russian).
22. Streit, K. (2023). Soviet Prisoners of War in Germany. Why the Third Reich Lost the War. A German Perspective. Moscow, Yauza-press Publ., pp. 152-178. (In Russian).
23. Rauschnig, H. (1939). Hitler Speaks. A Series of Political Conversations with Adolf Hitler on his Real Aims. London: Thornton Butterworth. (In English).
24. Zhuleva, M. S. (2015). Morals problem in the international relations. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (1), pp. 91-94. (In Russian).

25. Zhuleva, M. S. (2017). Principle of Humanity and Modern Wars // Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (2), pp. 68-70. (In Russian).
26. Zhuleva, M. S. & Lazutina, T. V. (2017). The person and their rights in the context of modern reality. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, (418), pp. 202-207. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/418/26
27. Zhuleva, M. S., & Konev, Yu. M. (2022). The Concept of State Sovereignty in the Context of the Transformation of the Modern World Order. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, 15(3), pp. 35-49. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-3-35-49

Информация об авторах / Information about the authors

Жулева Мария Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, zhulevams@tyuiu.ru, ORCID: [https:// orcid. org/ 0000-0002-8316-4451](https://orcid.org/0000-0002-8316-4451)

Шулер Ирина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3279-6625>

Maria S. Zhuleva, Candidate of Sciences in History, Associate Professor at the Department of Humanities and Technology, Industrial University of Tyumen, zhulevams@tyuiu.ru, ORCID: [https:// orcid. org/ 0000-0002-8316-4451](https://orcid.org/0000-0002-8316-4451)

Irina V. Shuler, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of Humanities and Technology, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3279-6625>

Статья поступила в редакцию 19.09.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 22.10.2025.
The article was submitted 19.09.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication 22.10.2025.

Научная статья / Original research article
УДК 352.07
DOI:10.31660/1993-1824-2025-4-67-85
EDN: KMOUTI

Формирование ценностей как ключевой фактор совершенствования государственной семейной политики

Л. Л. Мехришвили^{1,2*}, Н. А. Ткачёва¹

¹ Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

² Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Российская Федерация

*mehrishvilill@tyuiu.ru

Аннотация. Государственная семейная политика во многих странах сталкивается с ограниченной результативностью при значительных бюджетных затратах. Проблемы реализации семейной политики связаны не только с дизайном мер, но и с их восприятием и принятием населением, то есть с ценностными установками, нормами и ожиданиями, в которые «встраиваются» государственные инструменты. Цель статьи — анализ семейных ценностей, определяющих результативность и эволюционный потенциал государственной семейной политики. Неоднозначность подходов к интерпретации, оценке и формированию семейных ценностей снижает не только эффективность научных исследований, но и функциональность семьи как социального института. Изучение взглядов исследователей, позиций экспертов и мнений представителей региональных семей позволяет, во-первых, показать вариативность ценностных ориентаций современных семей региона; во-вторых, уточнить роль ценностей как медиатора между инструментами семейной политики (деньги, социальные услуги) и поведением семей; в-третьих, целенаправленно работать с сохранением и формированием ценностей через институты семьи, государства, образования, культуры, средств массовой коммуникации. В статье предлагаются рекомендации, направленные на совершенствование государственной семейной политики.

Ключевые слова: семейная политика, формирование семейных ценностей, семьи региона, стратегия поддержки семьи

Финансирование и благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Минобрнауки России в сфере науки по проекту «Традиционные ценности как фактор репродуктивных установок и социально-демографического поведения семей: региональный аспект» (№ FEWN-2023-0010).

Для цитирования: Мехришвили, Л. Л. Формирование ценностей как ключевой фактор совершенствования государственной семейной политики / Л. Л. Мехришвили, Н. А. Ткачёва. — DOI 10.31660/1993-1824-2025-4-67-85 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2025. — № 4. — С. 67–85. — EDN: KMOUTI

Formation of values as a key factor in improving state family policy

Lamara L. Mechrishvili^{1,2*}, Nina A. Tkacheva¹

© Л. Л. Мехришвили, Н. А. Ткачёва, 2025

¹*Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

²*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

**mehrishvilill@tyuiu.ru*

Abstract. Many countries' state family policies struggle with limited effectiveness despite substantial budget allocations. The challenges in implementing these policies are not only related to the design of the measures but also to how they are perceived and accepted by the public. It means they relate to value orientations, norms, and expectations into which state instruments are "embedded." The aim of this article is to analyze the family values that determine the effectiveness and evolutionary potential of state family policy. The ambiguity in approaches to interpreting, evaluating, and forming family values undermines both the effectiveness of scientific research and the functionality of the family as a social institution. By examining the views of researchers, the positions of experts, and the opinions of regional families, the authors of this article first illustrate the diversity of value orientations among contemporary regional families. Second, they clarify the role of values as a mediator between family policy instruments — such as financial support and social services — and family behavior. Finally, they can purposeful work on preserving and forming values through the institutions of family, state, education, culture, and mass communication. The article concludes with recommendations aimed at enhancing state family policy.

Keywords: family policy, formation of family values, regional families, family support strategy

Funding and acknowledgements: The article was prepared as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the field of science for the project «Traditional values as a factor of reproductive attitudes and socio-demographic behavior of families: a regional aspect» (No. FEWN-2023-0010).

For citation: Mechrishvili, L. L. & Tkacheva, N. A. (2025). Formation of values as a key factor in improving state family policy. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 67-85. (In Russian). DOI : 10.31660/1993-1824-2025-4-67-85

Введение

Трансформация института семьи характеризуется глубинными изменениями ценностных ориентаций, что предопределяет необходимость переосмысления концептуальных основ государственной семейной политики. В современных социально-политических и экономических условиях, в ситуации набирающего обороты демографического кризиса и переустройства традиционных семейных моделей особую актуальность приобретает вопрос о значении ценностных установок в формировании государственной стратегии поддержки семьи.

В России в настоящее время не прекращается поиск путей эффективного взаимодействия государства и общества в различных сферах жизнедеятельности — политической, экономической, духовно-культурной, социальной. Исследователи, рассматривающие этот аспект — А. А. Аузан, Ж. Т. Тощенко, В. И. Якунин и другие, — отмечают, что экономические отношения и материальная составляющая в меньшей степени влияют на факторы развития страны и ее основных институтов, чем нормы, правила и ценностные ориентации участников отношений [1–3]. При этом именно государство формирует духовный климат общения граждан. Реализуя свою политику, оно помогает/не помогает раскрытию ценностного потенциала индивидов и социальных групп,

способствует усвоению консолидирующих общество идей. Соответственно, интерпретируя государство через призму социального пространства как сообщество граждан, приверженных определенным идеалам и ценностям, ученые констатируют его способность поощрять реализацию жизненных стратегий граждан, в частности семейного поведения.

В то же время глобализационные процессы и десятилетия интенсивных межкультурных контактов не позволяют рассчитывать на самовоспроизводство идей интеграции общества и традиционных ценностей. Диссонанс в системе государственного регулирования обусловлен, с одной стороны, противоречивым идеологическим дискурсом, разрушающим адекватную среду для сохранения традиций и обычаев, их закрепления в сознании вступающих в жизнь поколений, с другой, контрадикторным отношением государства к неизбежному синтезу традиционных ценностей с передовыми идеями, их внутреннему развитию с учетом новых реалий.

Вместе с тем Ж. Т. Тощенко подчеркивал необходимость оценки того, что «социальные ориентации народа дифференцируются в зависимости от объективных условий его жизни, от того, как основные социальные общности и группы реагируют на предлагаемые политической властью меры. В этой ситуации выявляется, насколько точно государство поняло и выразило взаимную ответственность — определить стратегию развития страны, которая... позволила бы народу видеть будущую жизнь...» [4].

Это направление деятельности государственных структур способно предопределить сложение в обществе такой духовной атмосферы, которая сможет помочь индивиду поддерживать свой микромир, реализовывать внутренние цели, в том числе в части становления семьи и продолжения рода. Социокультурным фактором, детерминирующим совершенствование семейной политики, выступают ценности, органично влияющие на самоопределение семьи и ее членов в историческом времени и социальном пространстве.

Следовательно, эффективность семейной политики в значительной степени зависит от культурно-ценностного содержания общественных связей, уровня ценностной интеграции общества. При этом жизненные стратегии семьи, возможность реализации своего подлинного предназначения, интересов и целей обусловлены не только результативностью действий структур власти, но и связаны с укреплением семейных ценностей и традиций как инерционно устойчивых базовых факторов и мотивации на укрепление семейных отношений.

Литературный обзор

Вопрос о приоритетах, призванных определить направления совершенствования государственной семейной политики, остается остро дискуссионным. Исследователи по-разному оценивают семейные проблемы и будущее семьи, соответственно отражая разное видение деятельности государства в сфере семейных отношений.

Предметно сфокусированный взгляд на семейную политику связан с изменением семейной идеологии и практических мер социальной поддержки вследствие стремительной трансформации политических, экономических, социокультурных условий жизнедеятельности семей. Переход в начале 1990-х годов к новой системе отношений привел к резкому расслоению общества, обнищанию значительной части населения, предопределив главное направление политики государства в семейной сфере — борьбу с семейной бедностью через организацию социальной защиты малообеспеченных и многодетных семей [5]. Однако незначительный размер пособий, коммерциализация дошкольной и внешкольной инфраструктуры еще более осложнили положение семей с детьми, усугубив демографическую ситуацию. Как следствие, демографическая направленность стала доминирующим фактором современной семейной политики. Вместе с тем мнения исследователей о продуктивности применяемых мер противоречивы. Одни ученые констатируют незначительный эффект предпринятых действий (С. В. Захаров, С. В. Рязанцев, Л. Л. Рыбаковский) [6, 7], другие (В. Н. Архангельский, О. А. Золоторёва, В. В. Касьянов, С. И. Самыгин) отмечают положительное влияние материальной поддержки на повышение рождаемости [8, 9].

Очевидно, что преодоление демографического кризиса и достижение устойчивого социально-экономического развития страны предполагает концептуально новый подход к совершенствованию семейной политики. Анализ международного опыта показывает, что успешность семейной политики напрямую коррелирует со степенью соответствия государственных инициатив доминирующим в обществе ценностным паттернам [10, 11].

Несмотря на значительный объем работ в области социальной политики, вопрос целенаправленного формирования семейных ценностей как одного из инструментов совершенствования государственной политики остается недостаточно разработанным. Большинство исследований фокусируется либо на экономических мерах поддержки семей (И. Е. Калабихина, Е. А. Капогузов, В. В. Пирогова) [12–14], либо на социальной поддержке отдельных категорий семей и их членов (В. Г. Кобелева, А. Ю. Каширцева, Е. С. Симоненко) [15, 16], либо на социологическом анализе семейных трансформаций (Т. А. Гурко, Н. П. Лукина, П. В. Сазонова) [17, 18], не уделяя должного внимания механизмам ценностного воздействия и их интеграции в систему государственного управления. В то же время многочисленные эмпирические исследования демонстрируют существенный разрыв между декларируемыми государством семейными ценностями и реальными установками граждан, особенно молодого поколения, что создает препятствия для реализации мер семейной политики и снижает их эффективность.

Проблематика взаимосвязи ценностей и государственной семейной политики рассматривается в контексте нескольких теоретических подходов. Еще П. А. Сорокин в рамках теории ценностей утверждал, что общество стоит на двух опорах — системе базовых ценностей и соответствующих им социальных норм [19]. Система базовых ценностей складывается столетиями, охраняется и воспроизводится институтами се-

мы, воспитания, образования, церковью. Это основной фундамент сохранения общества, за которым, по мнению О. Конта, необходимо следить и воспроизводить через социальный механизм, охраняющий базовые ценности и нормы от отрицательного воздействия внешней и внутренней среды [20].

Институциональный подход, представленный в работах Д. Норта и его последователей, трактует семейные ценности как неформальные институты, определяющие эффективность формальных институциональных механизмов семейной политики [21]. Согласно этой концепции несоответствие формальных и неформальных институтов приводит к дисфункции государственных программ и снижению их результативности.

Социокультурный подход, развиваемый в трудах П. Бергера и Т. Лукмана, рассматривает ценности как социальные конструкты, формируемые в процессе взаимодействия различных социальных акторов, включая государство [22]. В контексте семейной политики это означает возможность целенаправленного конструирования ценностных ориентаций через систему образования, СМИ и другие каналы социализации.

Опираясь на гендерно-равноправный подход, П. Макдональд отмечает противоречивый характер результатов эмпирических исследований влияния ценностей на эффективность семейной политики. Если скандинавские страны демонстрируют успешность политики, построенной на ценностях гендерного равенства и индивидуальной автономии, то в странах Восточной Азии более эффективными оказываются меры, зиждущиеся на традиционных семейных ценностях [23].

В отечественной науке проблематика ценностных оснований семейной политики представлена в работах А. И. Антонова, В. Н. Архангельского, Т. К. Ростовской. Концепция «фамилистической политики», основанная на приоритете семейных ценностей над индивидуалистическими, разработана А. И. Антоновым [24]. Акцентируя внимание на демографическом аспекте, В. Н. Архангельский связывает репродуктивные установки с доминирующими ценностными ориентациями [25]. Системный и долгосрочный взгляд на семейную политику отражен в работах Т. К. Ростовской, в которых обращается внимание на разработку комплекса мер в контексте реализации государственной политики по сохранению, укреплению и продвижению традиционных семейных ценностей [26].

Независимо от теоретических концепций, доминирующих в современной социологии и семейной науке, исследователи сходятся во мнении, что в настоящее время семья как сложная, динамично развивающаяся социальная система характеризуется глубокой нестабильностью и отклонением от состояния равновесия. Этот дисбаланс обусловлен не только внешними социальными, экономическими и культурными трансформациями, но и внутренними процессами перестройки идентичности, ролевых ожиданий и связей между поколениями. Особую значимость в данном контексте приобретает трансформация временной структуры семейной жизни, когда прошлое, настоящее и будущее, тесно переплетаясь, сосуществуют в семье одновременно — через воспоминания, решение повседневных вопросов, выстраивание жизненной стратегии своих

членов. Семья эволюционирует вместе с обществом и гармонична с ним, принимает новое и сохраняет традиции и обычаи, служит опорой не только социально-экономических, но и духовных преобразований. Ее интересы, потребности, цели должны лежать в основе семейной политики, направленной на распространение и укрепление фамилистических ценностей.

Материалы и методы

Семья как социальный институт воспроизводит основные процессы общественной жизни и строит свою жизнедеятельность на фундаменте общих ценностей, характерных для социума, в котором она функционирует. Исторически семья всегда отражала новые общественные тренды. И если в XIX — начале XX века семейная иерархия, нерасторжимость брака, религиозное освещение семейных отношений, многодетность являлись нормой российского общества, то со второй половины XX века преобладающими характеристиками семьи стали нуклеарность, эгалитарность, снижение числа детей. С развитием промышленности, урбанизации, ростом комфортности проживания экономическая функция семьи в значительной степени заменяется личностными отношениями. Сегодня явно брошен вызов «нормальной» в традиционном понимании семьи. Ценности, влияющие на сущностные характеристики основной ячейки общества, трансформируются в социуме и закладываются в современных семьях.

Обозначенные процессы обусловили социально значимую проблему: анализ соотношения традиционных и современных ценностей в ориентации семей, поскольку именно семья как саморазвивающаяся подсистема социума адаптирует национальное самосознание, традиционные уклады жизни к развитию общества с учетом новых процессов и явлений.

Фундаментальные сдвиги в общественном мировом порядке побуждают представителей власти и научное сообщество обратиться к семье как транслятору фундаментальных ценностей новым поколениям. Как отмечалось выше, именно в семье заложен потенциал воздействия на процессы общественного развития. В то же время посредническая миссия семьи между индивидом и обществом не может быть реализована в полной мере без государственной семейной политики, основанной на понимании и сохранении ценности семьи и формировании ценностных ориентиров ее членов.

Противоречивый характер сохранения, принятия и трансляции семейных ценностей и встраивания их в иерархию нравственных установок членов семьи предопределяет целесообразность эмпирического исследования обозначенной проблемы.

Исследование базируется на сочетании количественных и качественных методов анализа. Эмпирическую базу составили массовый анкетный опрос (1 200 респондентов, представителей семейного населения региона), экспертный опрос (21 эксперт) в форме полуструктурированного интервью представителей органов государственной и муниципальной власти региона; ученых, связанных с изучением института семьи и социаль-

ной политики; специалистов сферы социальной семейной политики; руководителей и организаторов общественных организаций; специалистов-практиков, непосредственно взаимодействующих с семьями. Триангуляция методов обеспечила валидность и надежность полученных результатов.

Выборка формировалась на основе центр-периферийной модели, включающей различные типы городов и сельских поселений региона — 1 крупный (Тюмень — 41,7 %), 2 средних (Тобольск — 5,3, Ишим — 11,4 %) и 2 малых города (Ялуторовск — 4,2 % и Заводоуковск — 4,2 %), 10 центральных и периферийных сельских поселений (Ярково — 2,8 %, Ярковский район — 4,3 %, Исетское — 3,5 %, Исетский район — 5,8 %, Нижняя Тавда — 4,8 %, Нижнетавдинский район — 1,8 %, Упорово — 4,6 %, Упоровский район — 4,8 %, Заводоуковский район — 0,8 %). Для сравнительного анализа ответов респондентов как представителей различных семей в регионе были выделены следующие параметры: пол, возраст, уровень образования, показатель религиозности, наличие и число детей, место проживания.

Социально-демографический портрет респондентов. Всего в исследовании приняли участие 17,3 % мужчин и 82,8 % женщин. Из них состоят в браке 85,2 %, разведены 10,3 %, овдовели 1,5 %, один из супругов воспитывает детей — 3,0 %. Уровень образования респондентов довольно высокий: 65,4 % имеют высшее образование и около четверти (24,8 %) — среднее специальное. Среднее общее образование есть у 6,5 % и неполное среднее — у 2,4 % опрошенных. По национальной принадлежности большинство относят себя к русским — 85,2 %, на втором месте татары — 4,8 %. Также в исследовании принимали участие казахи (1,4 %), немцы (0,8 %), армяне (0,5 %), украинцы (0,4 %), таджики (0,4 %), башкиры (0,3 %), азербайджанцы (0,3 %) и представители других национальностей (5,9 %). Отнесли себя к числу воцерковленных верующих 26,6 % представителей семей. Скорее верующими считают себя 49,4 %, скорее неверующими являются 16,4 %, однозначно причислили свои семьи к неверующим 7,6 %.

Целью исследования являлось выявление доминирующих семейных ценностей, определяющих социально-демографическое поведение семей и степень влияния ценностных ориентаций на отношение и оценку государственной семейной политики в регионе.

Задачи эмпирического исследования включали выявление и оценку: структуры семейных ценностей в регионе, места и роли в ней традиционных семейных ценностей; связей между семейными ценностями, социокультурными условиями функционирования семьи и ее демографическими установками; влияния ценностных ориентаций на отношение и запросы семейного населения к государственной семейной политике.

Исследование направлено на подтверждение или опровержение следующих гипотез:

1) наблюдаемая поляризация и гибридизация ценностных ориентаций, особенно среди молодежи, указывает на необходимость перехода от унифицированной к плюралистической модели семейной политики, предлагающей разнообразные траектории поддержки семей в зависимости от их ценностных предпочтений;

2) государственная семейная политика обладает потенциалом не только адаптации к существующим ценностям, но и их целенаправленного формирования через различные институты.

В статье будут представлены некоторые результаты исследования мнений представителей семей юга Тюменской области по первому блоку анкеты «Традиционные и современные ценности, семейные ценности», а также взгляды экспертов и респондентов на проблему сохранения и трансляции ценностей семейного образа жизни и особенности формирования и реализации семейной политики.

Результаты и обсуждение

Для решения задач эмпирического исследования, направленного на выявление влияния традиционных ценностей и ценностных установок на решение проблем повседневной жизнедеятельности семей, на формирование их социально-демографического поведения и на ожидания от семейной политики, респондентам в первом блоке «Традиционные и современные ценности, семейные ценности» анкеты был предложен ряд общих ценностей с целью отнесения их к традиционным, современным либо универсальным.

Интуитивно связывая ценности с перечисленными выше группами (участникам опроса не были представлены определения и онтологические характеристики включенных в анкету ценностей), респонденты испытали и некоторые трудности их однозначного разделения. Решение о включении столь сложного вопроса обосновано двумя аспектами. Во-первых, опрос проводился в 2024-м, объявленном Годом семьи, что способствовало многочисленному обсуждению на различных площадках традиций, ценностей, функций семьи, в результате выделенные нами ценности были «на слуху». Во-вторых, осознавая, что ценности не являются некой панацеей, но понимая их важность для совершенствования семейной политики и решения нарастающих сложностей и противоречий развития современной семьи и общества, авторы статьи данным вопросом стремились понять степень укорененности традиционных и современных ценностей в настоящем, без которой, по справедливому замечанию О. С. Гизляровой, «ценности прошлого оказываются отжившими паттернами, тормозом модернизации, отказом в архаизацию, а ценности (идеалы) будущего — прекраснодушными мечтаниями» [27]. Поэтому в первом вопросе респондентам было предложено не только попытаться выделить традиционные и современные ценности, но и показать их некий универсальный характер, позволяющий наполнять признанные ранее ценности на каждом этапе исторического развития общества несколько иным содержанием и предназначением.

Наиболее выраженными традиционными ценностями являются: вера в Бога и религиозность (74,3 %); патриотизм (74,1 %); преемственность поколений (71,6 %); связь со своим народом (68,9 %); крепкая многодетная семья (64,0 %); высокая нравственность (56,7 %).

Современные ценности представлены преимущественно: индивидуализмом (58,2 %); конкурентоспособностью (63,8 %); самореализацией (58,2 %); возможностью

путешествовать (59,5 %); креативностью и творчеством (53,4 %); интересной, насыщенной жизнью (27,7 %).

Универсальные ценности наиболее ярко проявляются в трудолюбии (39,5 %), ответственности (38,0 %), правде и справедливости (36,1 %), материальном благополучии (32,4 %), свободе (32,7 %).

Анализ мнений представителей семей юга Тюменской области показал, что традиционные ценности доминируют у женщин, старшего поколения, жителей сельской местности и религиозных семей; современные ценности более актуальны для молодежи, городского населения и людей с высшим образованием; универсальные ценности (трудолюбие, ответственность) распределены равномерно, но несколько чаще встречаются у жителей сельской местности.

По мнению экспертов, традиционные ценности придают семье стабильность, приводят к осознанию связи поколений, однако не являются застывшей системой. Так, материальное благополучие было отнесено респондентами к категории универсальных ценностей. Подтверждая эту точку зрения, эксперты отметили трансформацию указанной ценности: *«Семейственность, клановость, преобладание интересов семьи для роста ее благосостояния характеризуются как древнейшая традиция. Но в современных условиях материальное благополучие коррелирует с индивидуальными возможностями, рассматривается как личная самодостаточность вне зависимости от успехов других членов семьи, а значит, благополучие может и не распространяться на них, тем более, на старшее поколение и на родственников»* [28].

Несмотря на сложный период ценностных трансформаций в российском обществе, в семьях традиционные ценности, связанные с духовностью, патриотизмом и семейственностью, имеют существенное значение. Устойчивость во времени традиционных ценностей показывает высокий уровень их социальной укорененности. Это позволяет предполагать сохранение функции семьи по принятию и передаче ценностно-смыслового ресурса, важного для стабилизации не только семейных, но и общественных отношений.

После соотнесения перечня ценностей с одной из категорий — традиционные, современные или универсальные — респондентам было предложено выразить свое согласие или несогласие с каждым из суждений о традиционных (табл. 1) и современных (табл. 2) семейных ценностях. Вопрос соотнесения суждений с ценностями был сформулирован как проектный, не касающийся семей участников опроса напрямую.

Оценивая традиционные ценности, лишь четвертая часть опрошенных (26,6 %) считает, что они «отражают устаревшие представления о семье», три четверти респондентов не согласны с данным утверждением (73,4 %). Положительное отношение опрошенных представителей семей к традиционным ценностям проявилось в следующих ключевых установках.

Во-первых, традиционные ценности имеют значение для нормализации и сохранения внутрисемейных отношений: 91,4 % респондентов выражает согласие с суждением о том, что традиционные ценности «определяют роли, взаимоотношения и поведение членов семьи» и «сохраняют семейные обычаи наших предков»; 88,8 % видят в традиционных ценностях фактор стабильности семьи.

Таблица 1

Отношение респондентов к традиционным ценностям (%)

Традиционные семейные ценности	Да	Нет
Отражают устаревшие представления о семье	26,6	73,4
Обеспечивают стабильность семьи	88,8	11,2
Влияют на стратегическую безопасность государства	67,1	32,9
Определяют роли, взаимоотношения и поведение членов семьи	91,4	8,6
Предполагают официальный брак	85,0	15,0
Сохранили семейные обычаи наших предков	91,4	8,6
Подразумевают большое количество детей	39,0	61,0

Во-вторых, по мнению 85 % респондентов именно традиционные ценности «предполагают официальный брак». В-третьих, 67,1 % из числа опрошенных считают, что традиционные ценности «влияют на стратегическую безопасность государства».

Анализ оценки суждений, раскрывающих значение и функции традиционных ценностей, позволил выявить и критический момент: лишь 39 % опрошенных представителей семей поддерживают идею многодетности, полагая, что традиционные ценности «подразумевают большое количество детей». Следовательно, значимость многодетности, которая была характерна для традиционной модели семьи, уже не является определяющей.

Обращает на себя внимание факт принятия значительной поддержки современных ценностей.

Таблица 2

Принятие респондентами современных ценностей (%)

Современные семейные ценности	Да	Нет
Меняют отношение к семье в современных реалиях	69,2	30,8
Позволяют семье адаптироваться в условиях рисков и угроз	78,2	21,8
Позволяют семьям существовать автономно от государства	34,4	65,6
Влекут изменения семейных ролей	56,4	43,6
Не исключают альтернативные формы брака	46,9	53,1
Способствуют равноправию и личной независимости членов семьи	81,8	18,2
Ориентированы на качественное воспитание, а не количество детей	79,0	21,0

Во-первых, современные ценности содействуют трансформации внутрисемейных отношений: 81,8 % респондентов разделяет суждение о том, что они «способствуют равноправию и личной независимости членов семьи»; 56,4 % полагают, что современные ценности «влекут изменения семейных ролей». Во-вторых, выполняют адаптивную функцию: 78,2 % считают современные ценности способом адаптации к рискам; 69,2 % признают изменение отношения к семье в современных реалиях;

46,9 % не исключают альтернативные формы брака. В-третьих, 79 % ориентированы на качественное воспитание детей, а не их количество.

Хотя большинство респондентов согласны с тем, что современные ценности позволяют семье адаптироваться в условиях рисков и угроз (78,2 %) и способствуют равноправию и личной независимости членов семьи (81,8 %), лишь 34,4 % из числа опрошенных представителей семей признают их роль в формировании автономности семьи от государства. Автономность семьи опирается на ее самостоятельность и независимость, в том числе от прямой финансовой помощи государства [29]. Однако проведенное исследование показало сохранение патерналистских настроений в среде региональных семей и экспертов. Признавая ценности личной свободы и независимости, респонденты рассчитывают, что государство окажет помощь, которая сегодня, по мнению экспертов, *«...развивается беспрецедентно. Государство вкладывает много и ему это обходится очень дорого... Но напрягает и изживенческая история...»*.

Исследователи отмечают традиционность патернализма, который в советский период глубоко проник в сознание людей, предопределяя пассивную выжидательность и ослабляя индивидуальную энергию [30]. Вместе с тем, по мнению Е. И. Долгаевой, население не воспринимает государство как источник решения всех проблем [31]. Эта точка зрения подтверждается и результатами опроса экспертов. Согласно их взгляду роль государства заключается в создании условий для полноценного и автономного функционирования семей. В то же время представители семей, проживающих в сельской местности, в большей мере убеждены в возможности автономного существования. Возможно, на их видение влияет наличие земельных участков, животных на подворье, более распространенные формы поддержки со стороны родственников.

Респондентам было предложено определить институты, оказывающие наибольшее воздействие на сохранение и укрепление традиционных семейных ценностей. Характеризуя институциональный ландшафт, можно констатировать, что общество ожидает комплексной поддержки семейных ценностей от ведущих социальных институтов.

Большинство опрошенных (74,8 %) считает ключевым институтом семью, демонстрируя понимание того, что семья — это основной носитель традиций, нравственных устоев и эмоциональной близости, которые формируют основу семейных отношений. Из анализа сопряженности выбора институтов в зависимости от типа поселения следует, что семья выбирается чаще всего, но наибольший процент поддержавших связан с малым городом и центральными селами соответственно (79,0 и 78,3 % vs. 74,0 % у респондентов из периферийных сел и 71,8 % у респондентов из большого города). Именно в малых городах и районных центрах родители, полагают Н. Н. Васягина, Н. Н. Иващенко, М. Л. Теодорович, больше времени проводят с детьми, чаще совместно участвуют в проводимых мероприятиях, домашних заботах, поддерживают межпоколенные отношения, а значит имеют больше возможностей сохранять и транслировать детям традиционные семейные ценности [32, 33].

Государство занимает второе место по значимости (60,5 %), отражая ожидания общества о поддержке и защите традиционных семейных ценностей со стороны власти через законодательство, семейную политику и государственные программы. Но мнения респондентов разделились при оценке степени государственного влияния на укрепление семейных ценностей. Так, более половины опрошенных представителей семей (64,3 %) видят возможным закрепить за государством корректирующие и поощрительные функции. Пятая часть респондентов заняла примерно в равной степени две крайние позиции. В необходимости полного государственного контроля за процессом сохранения и укрепления традиционных семейных ценностей уверены 10,9 %, в то время как 9,8 % выразили точку зрения о невмешательстве государства в сферу ценностных ориентаций. Эксперты обращают внимание на потребность общества в формировании государством условий для *«...нормальной, повседневной жизни семьи с детьми»*; на проблему *«...информирования о позитивном семейном опыте»*, о *«контроле за создаваемым контентом о семье»*, создания *«правильных фильмов и мультфильмов»*, *«более активной пропаганде семьи, деторождения, семейных ценностей»*, тесного *«взаимодействия с лидерами общественного мнения»*; и даже на вопрос о введении *«нравственной цензуры»*.

В то же время молодежь меньше доверяет государству ≤ 30 лет (51,2 % vs 66,0 % — у 41+), но больше связывает возможность сохранения традиционных ценностей с образованием (52,4 % vs 42,5 % — у 36–40). Эта сфера признается важным институтом поддержки традиционных семейных ценностей всеми категориями респондентов. Школа, университеты и другие образовательные учреждения могут формировать у молодежи нравственные ориентиры, воспитывать чувство ответственности и уважения к семейным традициям через учебные программы, внеклассные мероприятия и взаимодействие с семьями.

Религия (14,9 %), СМИ и ТВ (19,2 %) оказывают менее значительное, но все же заметное влияние на сохранение традиционных ценностей. При этом женщины чаще выбирают социальные сети и блоги (20,9 % vs 16,0 % — у мужчин), искусство и литературу (10,8 % vs 7,8 % — у мужчин). Возможно, в условиях диджитализации именно женщины поддерживают через социальные сети связь с родными и близкими, в том числе размещая информацию о повседневной жизнедеятельности своих семей. На потенциал социальных сетей и блогов обращают внимание молодежные возрастные группы.

Несмотря на то, что на юге Тюменской области с целью сохранения и укрепления семейных ценностей реализуются различные программы, мероприятия (программа укрепления семейных ценностей и популяризации активного отцовства «Семейный конструктор» (2024); межрегиональный форум «Моя семья — моя крепость»; посвященные укреплению семейных ценностей лекции на базе социальной гостиницы регионального центра «Семья» и многое другое), исследования показали, что сохраняются проблемные зоны конвергенции семейных ценностей и их последствия. Семьи региона ощущают недостаток

планомерного внимания к вопросу сохранения семейных ценностей. Не случайно представители семей выразили положительное отношение к государственной поддержке. По мнению большинства респондентов (92,7 %), государственная поддержка традиционных семейных ценностей в Тюменской области необходима. При этом 45,5 % убеждены, что такая поддержка абсолютно необходима, 47,2 % считают, что она нужна в какой-то мере и лишь 6,7 % выступают против государственного вмешательства.

Открытые ответы респондентов раскрывают глубинные ожидания от государственной политики в области семейных ценностей. Часть респондентов справедливо отмечает, что в регионе много делается для поддержки семей с детьми, но при этом не исключает необходимости дополнительных усилий. Другие подчеркивают, что государство должно не только декларировать ценности, но и реально создавать условия для достижения семьями финансовой стабильности и благополучия. Казалось бы, что респонденты излишне прагматичны в оценке поддержки государства, но опрошенные рассматривают финансовую стабильность как ключевой фактор укрепления семейных ценностей через возможность проводить больше времени с детьми, совместные путешествия, способствующие расширению кругозора на основе знакомства с просторами своей страны. Все это будет закреплять ценность семьи, традиционные ценности естественным путем.

Таким образом, исходя из мнений респондентов, их открытых ответов и позиций экспертов, можно проследить потребность в легитимизации и официальном признании проблемы сохранения семейных ценностей, наличия не только декларативных, но и реальных государственных гарантий. При этом обращает на себя внимание и факт готовности респондентов к личной ответственности и самоорганизации. Представители семей демонстрируют зрелое понимание эволюционной природы семейных ценностей, их преемственности и взаимодополнения. Можно говорить о том, что ответы свидетельствуют о понимании семейной политики не как жесткого контроля, а как создания экосистемы поддержки, защиты и развития семейных институтов. Ключевым посылом выступает понимание респондентами того, что государство должно создавать условия, а не навязывать модели, уважая личную автономию и динамику семейных трансформаций.

Выводы и рекомендации

Полученные результаты согласуются с отечественными и международными исследованиями о зависимости результативности семейной политики от культурно-ценностного контекста и подтверждают выдвинутые ранее гипотезы.

Проведенное исследование имеет теоретическое и практическое значение. Теоретически оно раскрывает роль ценностей как медиатора между инструментами семейной политики (материальная поддержка семьи, социальные, правовые и психологические услуги) и стабильным функционированием института семьи. Формирует понимание того, что ценности — это не внешний фон, а активный механизм влияния на семейную политику через ценностную конгруэнтность, легитимацию и социализацию.

Игнорирование ценностного измерения приводит к снижению результативности государственных программ.

Практически исследование помогает определить направление совершенствования семейной политики через корректировку мер поддержки семьи под реальный нормативно-ценностный контекст и целенаправленную работу по формированию ценностей (через образование, коммуникацию, институциональные «подталкивания»). При этом диагностика «соответствия ценностей и политики» должна стать обязательной стадией проектирования мер, а стратегия семейной политики — учитывать гетерогенность основных ценностных профилей семей и реагировать на данный факт через дифференциацию и вариативность предлагаемых мер поддержки.

Региональная дифференциация ценностных профилей ориентирует на необходимость адаптации федеральных программ к местной ценностной специфике при сохранении единых стратегических приоритетов.

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие рекомендации для совершенствования государственной семейной политики:

1. Внедрение системы ценностного мониторинга как регулярного инструмента оценки ценностных ориентаций различных социально-демографических групп для корректировки мер семейной политики.
2. Разработка ценностных паспортов регионов для учета территориальной специфики при реализации семейной политики.
3. Развитие механизмов общественного участия в формировании и реализации семейной политики через создание консультативных советов.
4. Интеграция ценностного компонента в систему оценки эффективности мер семейной политики наряду с демографическими и экономическими показателями.
5. Разработка образовательных программ по семейным ценностям с учетом их многообразия и динамики, избегая навязывания единственной модели.
6. Формирование позитивного образа различных моделей семьи в публичном дискурсе при сохранении приоритета традиционных ценностей, что позволит избежать ценностной маргинализации отдельных групп семейного населения.

Заключение

В современных условиях идеологических и ценностных противоречий, социально-экономических кризисов, военного противостояния, демографических вызовов семейная политика призвана обеспечивать сохранение института семьи, его роли в гарантировании существования государства, в решении экономических, социальных и духовно-нравственных проблем. Особенно важно отметить необходимость достижения баланса интересов в отношении института семьи государства и общества не только по финансовым аспектам, но и по нравственным и ценностным основаниям, обеспечивающим жизнедеятельность семьи. Российское государство при равноправном участии общественных объединений и движений имеет существенные резервы по совершен-

ствованию семейной политики через согласование целей развития, средств их достижения, ценностного обеспечения, налаживания регулярной обратной связи.

Итак, совершенствование семейной политики зависит от того, имеет ли семейное население возможность соотнести свои интересы и ценностные ориентации с пониманием и принятием идей и призывов государства. В этих условиях концепция государственной семейной политики является важнейшим теоретическим и практико-ориентированным конструктом для анализа и объяснения путей развития института семьи на основе согласованной политики по преобразованию политической, социально-экономической и духовно-нравственной среды, одобряемых методов управления для создания возможностей полноценной реализации всех функций семьи.

Список источников

1. Аузан, А. А. Общественный договор и гражданское общество / А. А. Аузан. – Текст : непосредственный // Мир России. – 2005. – № 3. – С. 3–18.
2. Тощенко, Ж. Т. Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления / Ж. Т. Тощенко. – DOI 10.31857/S013216250026379-9. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2023. – № 6. – С. 3–15.
3. Якунин, В. И. Демографическая миссия российского государства / В. И. Якунин. – Текст : непосредственный // Национальная идентичность России и демографический кризис : материалы Всероссийской научной конференции. – Москва : Научный эксперт, 2007. – С. 18–25.
4. Тощенко, Ж. Т. Общественный договор в современной России: достигнут ли баланс интересов? / Ж. Т. Тощенко. – DOI 10.31857/S0132162525020016. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2025. – № 2. – С. 3–14.
5. Елизаров, В. В. Демографические и социально-экономические факторы семейной политики в условиях перехода к рынку / В. В. Елизаров. – Текст : непосредственный // Семья в России. – 1994. – № 1. – С. 80–101.
6. Захаров, С. В. Скромные демографические результаты пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 2 / С. В. Захаров. – DOI 10.17323/demreview.v3i4.3203. – Текст : непосредственный // Демографическое обозрение. – 2016. – № 4. – С. 6–26.
7. Рязанцев, С. В. Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерение / С. В. Рязанцев, Л. Л. Рыбаковский. – DOI 10.31857/S0869587321090085. – Текст : непосредственный // Вестник Российской академии наук. – 2021. – № 9. – С. 810–819.
8. Архангельский, В. Н. Два подхода к измерению результативности демографической политики (на примере федерального материнского капитала) / В. Н. Архангельский, О. А. Золотарева, О. В. Кучмаева. – DOI 10.15838/esc.2024.6.96.4. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2024. – № 6. – С. 77–97.
9. Касьянов, В. В. Российская государственная семейная политика в свете управления демографическими процессами / В. В. Касьянов, А. К. Манучарян, С. И. Самыгин. – Текст : непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 1. – С. 41–44.
10. Esping-Andersen, G. The Three Worlds of Welfare Capitalism / G. Esping-Andersen. – Princeton: Princeton University Press, 1990. – 248 p. – Text : direct.
11. Thévenon, O. Family policies in OECD countries: A comparative analysis / O. Thévenon. – Text : direct // Population and Development Review. – 2011. – Vol. 31, Issue 1. – P. 57–87.

12. Калабихина, И. Е. Измерение временем : новая парадигма социально-демографической политики / И. Е. Калабихина. – DOI 10.19181/population.2020.23.2.4. – Текст : непосредственный // Народонаселение. – 2020. – Т. 23, № 2. – С. 37–50.
13. Капогузов, Е. А. Оценка результативности семейной политики в направлении увеличения доходов россиян и снижения уровня бедности / Е. А. Капогузов, Р. И. Чупин, М. С. Харламова. – DOI 10.22394/2304-3369-2021-4-108-122. – Текст : непосредственный // Вопросы управления. – № 4 (71). – 2021. – С. 108–122.
14. Пирогова, В. В. Влияние социально-экономического положения в стране на государственную семейную политику / В. В. Пирогова. – Текст : непосредственный // Вестник науки. – 2024. – Т. 4, № 1 (70). – С. 199–203.
15. Кобелева, В. Г. Технологии социальной работы с различными типами семей / В. Г. Кобелева. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2001. – № 2. – С. 271–279.
16. Каширцева, А. Ю. Система социальной поддержки семьи как эффективный механизм реализации государственной социальной политики / А. Ю. Каширцева, Е. С. Симоненко. – DOI 10.22394/1997-4469-2021-54-3-52-58. – Текст : непосредственный // Регион: системы, экономика, управление. – 2021. – № 3 (54). – С. 52–58.
17. Гурко, Т. А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи / Т. А. Гурко. – DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7052. – Текст : непосредственный // Социологический журнал. – 2020. – № 1. – С. 31–54.
18. Лукина, Н. П. Трансформация семейных отношений в рамках технологического уклада информационного общества / Н. П. Лукина, П. В. Сазонова. – Текст : непосредственный // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 47. – С. 158–167.
19. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. А. Сорокин. – Москва : Академический проект, 2024. – 945 с. – Текст : непосредственный.
20. Конт, О. Общий обзор позитивизма / О. Конт. – Москва : Ленанд, 2018. – 296 с. – Текст : непосредственный.
21. North, D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance / Douglas C. North. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 152 p. – Text : direct.
22. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. Е. Д. Руткевич. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с. – Текст : непосредственный.
23. McDonald, P. Societal foundations for explaining low fertility: Gender equity / P. McDonald. – Text : direct // Demographic Research. – 2013. Vol. 28, Issue 34. – Pp. 981–994.
24. Антонов, А. И. В строю научной школы фамилизма (о вкладе кафедры социологии семьи и демографии в достижения социологического факультета МГУ) / А. И. Антонов. – DOI 10.24290/1029-3736-2019-25-4-37-43. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2019. – № 4. – С. 37–43.
25. Архангельский, В. Н. Влияние ценностных ориентаций и уровня жизни в регионе на репродуктивные намерения (по результатам исследования в Тюменской области) / В. Н. Архангельский, А. В. Смирнов. – DOI 10.15838/ptd.2023.4.126.6. – Текст : непосредственный // Проблемы развития территории. – 2023. – Т. 27, № 4. – С. 93–112.
26. Ростовская, Т. К. Состояние и перспективы семейной политики в России: социально-демографический анализ / Т. К. Ростовская, О. В. Кучмаева, Н. А. Безвербная. – DOI 10.15838/esc.2019.6.66.12. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12, № 6. – С. 209–227.
27. Гизлярова, О. С. Традиционные российские ценности: понятия, назначение, достоинства и ограничения / О. С. Гизлярова. – DOI 10.20323/2658-428X-2024-2-23-27. – Текст : непосредственный // Социально-политические исследования. – 2024. – № 2 (23). – С. 27–45.

28. Ткачева, Н. А. Традиционные семейные ценности в региональном измерении / Н. А. Ткачева, А. В. Юдашкин. – Текст : непосредственный // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование: материалы Всероссийской научной конференции к 35-летию социологического образования в России «XVIII Ковалевские чтения», 14–16 ноября 2024. – Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2024. – С. 1442–1444.
29. Автономность как критерий принципа адресности государственной социальной поддержки семей / Ш. Фарахутдинов, Л. Мехришвили, Н. Ткачева, А. Юдашкин. – DOI 10.17323/727-0634-2024-22-2-319-338. – Текст : непосредственный // Журнал исследований социальной политики. – 2024. – 22 (2). – С. 319–338.
30. Сандаков, Н. Патернализм или иждивенчество / Н. Сандаков. – Текст : электронный. – URL: <https://sandakov.livejournal.com/105054.html> (дата обращения: 11.09.2025).
31. Долгаева, Е. И. Патернализм или эффективное государство: социальные ожидания населения / Е. И. Долгаева. – Текст : непосредственный // Регионология. – 2013. – № 4 (85). – 2013. – С. 185–195.
32. Васягина, Н. Н. Исследование условий семейного воспитания в районах с разным уровнем урбанизации / Н. Н. Васягина. – Текст : непосредственный // Образование и наука. – 2008. – № 3. – С. 84–90.
33. Ивашиненко, Н. Н. Локальные сообщества как драйверы развития малых городов / Н. Н. Ивашиненко, М. Л. Теодорович, Н. Н. Патокина. – Текст : электронный // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14. – № 3. – URL: [https:// sfk-mn.ru/PDF/30SCSK323.pdf](https://sfk-mn.ru/PDF/30SCSK323.pdf) (дата обращения: 01.09.2025).

References

1. Auzan, A. A. (2005). Obshchestvennyj dogovor i grazhdanskoe obshchestvo. *Mir Rossii*, (3), pp. 3-18. (In Russian).
2. Toschenko, J. T. (2023). Social contract as a noumenon: the experience of sociological understanding. *Sociological research*, (6), pp. 3-15. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250026379-9.
3. Yakunin, V. I. (2007). Demograficheskaya missiya rossijskogo gosudarstva. *Nacional'naya identichnost' Rossii i demograficheskij krizis*. Moscow, Nauchnyj ekspert Publ., pp. 18-25. (In Russian).
4. Toschenko, J. T. (2025). Social contract in modern russia: has a balance of interests been achieved? *Sociological research*. (2), pp. 3-14. (In Russian). DOI: 10.31857/S0132162525020016
5. Elizarov, V. V. (1994). Demograficheskie i social'no-ekonomicheskie faktory semejnoy politiki v usloviyah perekhoda k rynku. *Sem'ya v Rossii*, (1), pp. 80-101. (In Russian).
6. Zakharov, S. V. (2016). Modest demographic results of the pronatalist family policy in the context of long-term evolution of fertility in Russia. Part 2. Demographic overview, (4), pp. 6-26. (In Russian). DOI: 10.17323/demreview.v3i4.3203.
7. Ryazantsev, S. V., & Rybakovsky, L. L. (2021). Demographic development of Russia in the XX–XXI centuries: historical and geopolitical dimension. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, (9), pp. 810-819. (In Russian). DOI: 10.31857/S0869587321090085
8. Arkhangelsky, V. N., Zolotareva, O. A., & Kuchmaeva, O. V. (2024). Two Approaches to Assessing the Effectiveness of Demographic Policy (Using the Example of Federal Maternity Capital). *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, (6), pp. 77-97. (In Russian). DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.4
9. Kas'yanov, V. V., Manucharyan, A. K., & Samygin, S. I. (2018). Rossijskaya gosudarstvennaya semejnaya politika v svete upravleniya demograficheskimi processami. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, (1), pp. 41-44. (In Russian).

10. Esping-Andersen, (1990). G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton, Princeton University Press Publ., 248 p. (In English).
11. Thévenon, O. (2011). Family policies in OECD countries: A comparative analysis. *Population and Development Review*, 31(1), pp. 57-87. (In English).
12. Kalabikhina, I. E. (2020). Measuring by time: a new paradigm of socio-demographic policy. *Population*, 23(2), pp. 37-50. (In Russian). DOI: 10.19181/population.2020.23.2.4
13. Kapoguzov, E. A., Chupin, R. I., & Harlamova, M. S. (2021). Assessment of family policy achievements in income increase and poverty decrease in Russia. *Management issues*, 4 (71), pp. 108-122. (In Russian). DOI: 10.22394/2304-3369-2021-4-108-122.
14. Pirogova, V. V. (2024). Impact of socio-economic situation in country on state family policy. *Science bulletin*, 4(1(70)). pp. 199-203. (In Russian).
15. Kobeleva, V. G. (2001). Tekhnologii social'noj raboty s razlichnymi tipami semej. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, (2), pp. 271-279. (In Russian).
16. Kashirtseva, A. Yu., & Simonenko, E. S. (2021). Family social support system as an effective mechanism of the state social policy implementation. *Region: systems, economy, management*, 3 (54), pp. 52-58. (In Russian). DOI 10.22394/1997-4469-2021-54-3-52-58.
17. Gurko, T. A. (2020). Theoretical Approaches towards Studying the Transformation of the Family Institution. *Sociological Journal*, (1), pp. 31-54. (In Russian). DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7052.
18. Lukina, N. P., & Sazonova, P. V. (2019). Transformaciya semejnyh otnoshenij v ramkah tekhnologicheskogo uklada informacionnogo obshchestva. *Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science*, (47), pp. 158-167. (In Russian).
19. Sorokin, P. A. (2024). Social'naya i kul'turnaya dinamika. Issledovanie izmenenij v bol'shih sistemah iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennyh otnoshenij. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 945 p. (In Russian).
20. Kont, O. (2018). Obshchij obzor pozitivizma. Moscow, Lenand Publ., 296 p. (In Russian).
21. North, D. C. (2002). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 152 p. (In English).
22. Berger, P., & Lukman, T. (1995). Social'noe konstruirovanie real'nosti. *Traktat po sociologii znaniya*. Moscow, Medium Publ., 323 p. (In Russian).
23. McDonald, P. (2013). Societal foundations for explaining low fertility: Gender equity. *Demographic Research*, 28(34), pp. 981-994. (In English).
24. Antonov, A. I. (2019). In the structure of scientific school of familyism (about the contribution of the Department of Sociology of Family and Demography to the achievements of the Sociological Faculty of Moscow State University). *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, (4), pp. 37-43. (In Russian). DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-37-43.
25. Arkhangelsky, V. N., & Smirnov, A. V. (2023). Influence of value orientations and standard of living in the region on reproductive intentions (based on the results of the study in the Tyumen oblast). *Problems of territory development*, 27(4), pp. 93-112. (In Russian). DOI: 10.15838/ptd.2023.4.126.6.
26. Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V., & Bezverbnaya, N. A. (2019). Current State and Prospects of Family Policy in Russia: Socio-Demographic Analysis. *Economic and Social changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(6), pp. 209-227. (In Russian). DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.12
27. Gizlyarova, O. S. (2024). Traditional Russian values: concepts, purpose, advantages and limitations. *Socio and Political Research*, 2 (23), pp. 27-45. (In Russian). DOI: 10.20323/2658-428X-2024-2-23-27.
28. Tkacheva, N. A., & Yudashkin, A. V. (2024). Tradicionnye semejnye cennosti v regional'nom izmerenii. Doklad. Vserossijskaya nauchnaya konferenciya «XVIII Kovalevskie chteniya. Sociologiya v menyayushchemsya mire: teoriya, praktika, obrazovanie» 14-16 noyabrya 2024 g., Sankt-Peterburg, Skifiya-print Publ., pp. 1442–1444. (In Russian).

29. Farakhutdinov, S., Mehrishvili, L., Tkacheva, N., & Yudashkin, A. (2024). Autonomy as a criterion of the principle of targeting state social support for families. *Journal of Social Policy Studies*, 22 (2), pp. 319-338. (In Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-2-319-338
30. Sandakov, N. Paternalizm ili izhdivenchestvo. Available at: <https://sandakov.livejournal.com/105054.html> (accessed 11.09.2025).
31. Dolgaeva, E. I. (2013). Paternalizm ili effektivnoe gosudarstvo: social'nye ozhidaniya naseleniya. *Regionologiya*, 4 (85), pp. 185-195. (In Russian).
32. Vasyagina, N. N. (2008). Issledovanie uslovij semejnogo vospitaniya v rajonah s raznym urovnem urbanizacii. *Obrazovanie i nauka*, (3), pp. 84-90. (In Russian).
33. Ivashinenko, N. N. Teodorovich, M. L. & Patokina, N. N. (2023). Local communities as drivers of small towns development. *Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya*, 14(3). (In Russian). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/30SCSK323.pdf> (accessed 01.09.2025).

Информация об авторах / Information about the authors

Мехришвили Ламара Ленгизовна, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень; главный научный сотрудник, Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской Академии наук, Москва; mehrishvilill@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8144-3652>

Ткачёва Нина Алексеевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, tkachevana@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7545-6358>

Lamara L. Mehrishvili, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Humanitarian Sciences and Technologies, Industrial University of Tyumen; Chief Researcher, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow; mehrishvill@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8144-3652>

Nina A. Tkacheva, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, tkachevana@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7545-6358>

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 12.11.2025; принята к публикации 14.11.2025.
The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 12.11.2025; accepted for publication 14.11.2025.

Научная статья / Original research article
УДК 316.3
DOI:10.31660/1993-1824-2025-4-86-101
EDN: KWOXKH

Интернет как досуговая сфера молодежи

Л. В. Ребышева*, С. В. Толмачева, К. А. Ковалев

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

*rebyshevalv@tyuiu.ru

Аннотация. Преобразования в жизни общества привели к изменениям социокультурной ситуации в сфере досуга. Наиболее восприимчивой к этим инновациям оказалась молодежь как особая социальная группа. Сегодня досуговая деятельность представлена множеством форм, помогающих реализовать духовные, социокультурные, моральные и другие потребности молодых людей. Последние посредством досуга не только раскрывают свой потенциал, но и развивают способности. Таким образом молодые люди самореализуются, оставаясь при этом свободными от профессиональных и семейно-бытовых обязанностей. Так, досуговую деятельность можно считать неотъемлемой частью жизни молодого поколения. За последнее десятилетие особое влияние на изменения в досуговой деятельности молодежи оказывает применение информационных технологий, кардинально меняющих привычные формы общения. В этой связи вопрос об использовании Интернета как сферы досуга обретает существенное значение и актуальность. Современные цифровые практики трансформируют досуговую сферу молодежи, и не всегда однозначно. Интернет выступает одним из факторов нового информационного общества и предоставляет возможность понять, чем живет молодежь, каковы ее ценности, взгляды и интересы. Перемены, происходящие в настоящее время в среде молодежи, требуют новых решений в вопросах интеграции молодого поколения в информационное общество.

Ключевые слова: досуг, культура, молодежь, интернет, досуговая сфера

Для цитирования: Ребышева, Л. В. Интернет, как досуговая сфера молодежи / Л. В. Ребышева, С. В. Толмачева, К. А. Ковалев. – DOI 10.31660/1993-1824-2025-4-86-101 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2025. – № 4. – С. 86–101. – EDN: KWOXKH

The internet as a means of youth leisure sphere

Lidiya V. Rebysheva, Svetlana V. Tolmacheva, Konstantin A. Kovalev

Industrial University of Tyumen, Russian Federation

*rebyshevalv@tyuiu.ru

Abstract. Transformations occurring within society resulted in changes in sociocultural landscape of leisure sphere. As a unique social group, youth are especially open to these innovations. Contemporary leisure activities offer a wide range of types to satisfy young people's spiritual, sociocultural, moral, and other needs. Through these activities, many young people achieve their potential and develop abilities.

This way youth find self-fulfilment. At this time, they remain free of professional and domestic responsibilities. Thus, leisure has become an essential aspect of young people's lives. Over the past decade, information technologies have had a special influence on youth leisure, fundamentally altering usual communication patterns. Consequently, the internet's role as a leisure sphere is highly significant and relevant. Modern digital practices are reshaping how youth engage with leisure, and not always unequivocally. The internet serves as a key element of the new information society. It offers insights into youth's lives, their values, perspectives, and interests. Therefore, current changes in youth's lives necessitate new approaches to integrating this generation into the information society.

Keywords: leisure, culture, youth, Internet, leisure sphere

For citation: Rebysheva, L. V., Tolmacheva, S. V., & Kovalev, K. A. (2025). The internet as a means of youth leisure sphere. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 86-101. (In Russian). DOI : 10.31660/1993-1824-2025-4-86-101

Введение

Развитие современного общества характеризуется новыми качественными требованиями, к которым прежде всего относится использование информационных технологий. Роль Интернета в современной жизни очевидна, так как «...большой объем информации, быстросредействующие жизненные процессы и растущий спрос на общие знания заставляют людей постоянно искать надежные и исчерпывающие источники информации, которые представлены именно Интернетом» [1].

Активное внедрение информационных технологий в жизнь современного общества меняет его очень быстро, и особенно это ощущает молодежь. По данным статистики, на начало 2025 года численность населения страны «составила 144 млн человек, в том числе, в городах проживало — 75,7 % населения, а в сельской местности — 24,3 %. При этом количество интернет-пользователей в России на этот период составило 133 млн человек, то есть 92,2 % населения страны имеют доступ к Интернету» [2]. Как отмечает Н. Н. Чалдышкина, «...происходящие в современном обществе изменения во всех его сферах требуют новых подходов к интеграции молодого поколения, так как молодежь относится к особой социальной группе и составляет более 30 % населения страны» [3]. Таким образом, сегодня вовлеченность населения в цифровую среду очевидна, а Интернет становится неотъемлемой частью жизненного пространства. Основная аудитория, или пользователи Интернета — молодежь, все активнее осваивающая возможности всемирной паутины.

Однако для гармоничного развития личности необходимо развивать все сферы жизнедеятельности молодого человека. Именно в молодом возрасте формируется самосознание, то есть целостное представление о себе, складывается самооценка внешности, умственные, моральные, волевые качества, происходит осознание достоинств и недостатков, которые предполагают направления для самосовершенствования. Можно сказать, в этом периоде жизни начинает вырабатываться своя жизненная философия, предполагающая получения знаний, опыта и способствующая становлению мировоз-

зрения человека. Многие молодые люди, осмысливая все окружающее, самоутверждаются. Досуг (личное время) можно считать важнейшей и неотъемлемой частью жизни молодежи. Оно должно использоваться с максимальной пользой и определять полноценную жизнь индивида, а следовательно, соответствовать его уровню культуры. В жизнедеятельности молодых людей досуговая сфера считается одной из приоритетных, так как существенно влияет на процесс социализации молодежи.

Досуг является элементом свободного времени и выступает в качестве структурного содержания, наполненного деятельностью, помогающей преодолевать стресс и усталость, а также развивать интеллектуальные и физические способности. Современная молодежь многогранна и разнообразна. У каждого ее представителя есть любимые увлечения и хобби, почти никто не сидит на месте, а это значит, что современные молодые люди очень активны и постоянно пытаются проявлять себя в различных сферах.

При этом досуг остается относительно самостоятельной сферой жизнедеятельности молодежи, а вопрос о выделении Интернета как сферы досуга актуален и имеет большое значение.

Таким образом, досуг для молодежи — неотъемлемая часть жизни и от того, насколько эффективно он будет реализовываться, зависит успешность социализации молодого поколения, выбор направления образования и престижность профессии, образ жизни, а значит, формирование культурных и духовных ценностей.

Материалы и методы

Информационные технологии не просто активно меняют жизнь современного общества, а становятся неотделимой его частью, особенно молодежи. Сферы использования интернет-технологий весьма разнообразны. Молодые люди посвящают реальной жизни все меньше времени, предпочитая ей Интернет.

В законодательстве Российской Федерации молодежь определяется как «социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями. Эта группа включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, — до 35 и более лет, имеющих постоянное место жительства в Российской Федерации или проживающих за рубежом (граждане Российской Федерации и соотечественники)» [4].

Определение «молодежь» впервые ввел В. Т. Лисовский: «...поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции» [5].

По мнению Ш. Ф. Фарахутдинова, «молодежь является крупной социально-демографической группой и имеет ряд особенностей. С одной стороны, для молодых людей характерен высокий уровень мобильности, интеллектуальной активности и хо-

рошее здоровье, что выгодно отличает их от остальных членов социума. С другой, новое поколение сталкивается с множеством сложностей: преодолевает препятствия, связанные с социализацией, интеграцией в экономическое, политическое и социокультурное пространство. Именно в этом возрасте человеку приходится создавать семью, решать материальные и жилищные проблемы, получать образование, приспосабливаться к реалиям самостоятельной жизни» [6]. Таким образом, к основным потребностям молодежной возрастной группы относится не только общение, образование и выбор профессии, создание семьи, участие в социально-значимых событиях, возможность самостоятельного решения создавшихся проблем, но и эмоциональная разрядка и отдых. Организация досуга молодежи является существенным звеном в воспитании, так как именно здесь формируются духовно-нравственные, интеллектуальные направления развития личности и здорового образа жизни, которые формируют внутренний мир молодого человека. Изучение досуга молодежи крайне многосторонне и «включает в себя исследование различных явлений и процессов в молодежной жизни, а конкретно — образа жизни, профессионального становления, воспитания молодежи, ценностных ориентаций, процессов социализации и т. п.» [7].

Еще Аристотель уделял внимание понятию «досуг» и определял его как «...неотъемлемую составную часть жизни человека, связанную с потреблением благ, ощущением удовлетворенности, счастья, блаженства» [8]. Как отмечают многие исследователи, в социологии понятие «досуг» имеет «размытый, неопределенный» характер. Здесь очень важно понимать, что понятие «досуга» не тождественно понятию «свободное время».

Далее досуг как «...совокупность занятий, которым личность может предаваться по доброй воле, чтобы отдыхать, развлекаться, развивать свою информированность или образование, ...будучи свободным, от выполнения профессиональных, семейных и гражданских обязанностей» рассматривает один из основателей изучения молодежного досуга Ж. Дюмазедье [9]. Автором устанавливаются основные функции досуга: развлекательная, релаксирующая, информационная и образовательная. Экономическую функцию Ж. Дюмазедье выделяет как отдельную в связи с тем, что большую часть свободного времени молодые люди тратят на покупки.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова досуг определяется «как свободное от работы время» [10]. Таким образом, «молодежный досуг» можно считать ключевым элементом деятельности человека. Именно молодежи свойственна активная досуговая деятельность.

При анализе понятия «досуг молодежи» необходимо учитывать, как отмечает С. В. Тетерский, «...с одной стороны, содержание самого понятия, а с другой, — рассматривать основные предпочтения молодого поколения по проведению досуга» [11]. Являясь неотъемлемой частью жизни молодых людей, досуг подразумевает свободный выбор досуговых занятий, связанных с самореализацией и саморазвитием, что определяет его социальную роль.

Существующие критерии уровней досуга позволяют прежде всего определить отношение субъекта этой деятельности к ее процессу.

В своих исследованиях А. И. Деда в структуре досуга выделяет следующие уровни:

1. Отдых (активный и пассивный). Активный — восстановление сил индивида, превышающее их начальный уровень до отдыха (спорт, туризм, путешествия, спортивные игры и прочее). Пассивный — нахождение человека в состоянии покоя, который способствует снятию усталости и восстановлению жизненных сил (чтение, просмотр фильмов, прослушивание музыки, нахождение в сети Интернет).

2. Развлечения (деятельность, позволяющая индивидам расслабиться, отвлечься от рутины и проблем, эмоционально разрядиться).

3. Познавательная деятельность (чтение серьезной литературы, посещение культурно-просветительских учреждений).

4. Творчество — самый серьезный способ проведения досуга. Его цель — не потребление, а созидание [12].

Е. В. Панфилова под досугом понимает «...пространство свободной деятельности человека как самоцели, деятельности, не навязанной извне, не являющейся необходимостью» [13]. Таким образом, современная сфера молодежного досуга отличается свободой от профессиональных и семейных обязанностей, для нее характерна свобода личности, которая может выбирать формы, время, место проведения досуга. Также сфере молодежного досуга присущи свои особенности, которые отличают ее от других возрастных групп своими специфическими, духовными и физическими потребностями. Н. В. Григорьева характеризует особенности досуга молодежи так: «...повышенная, эмоциональная и физическая подвижность, быстрая смена настроений, зрительная и интеллектуальная восприимчивость. Молодежь привлекает все новое, неизвестное, что предполагает поисковую активность» [14].

Организация досуговой деятельности молодежи должна быть направлена в первую очередь на формирование культуры, что относится к важнейшей задаче современного общества. Как утверждает Е. К. Будкина, «...культура досуга — это отражение внутренней культуры человека, проявление личностных свойств, позволяющих содержательно и с пользой проводить свободное время, это система форм поведения, способствующих самореализации внутренних творческих потенций личности в свободное время, готовность к участию в социально-значимых видах досуговой деятельности» [15]. Культура досуга формируется из круга духовных потребностей и интересов молодых людей, которые могут быть индивидуальными или соответствовать определенной социальной группе, чтобы провести свободное время с максимальной пользой. Таким образом, способ проведения свободного времени можно считать своеобразным индикатором культуры молодежи. Отличительной чертой ее культурного досуга является его эмоциональная окрашенность, которая предполагает возможность ин-

дивида заниматься любимым делом, встречаться с людьми по интересам, то есть быть участником значимых событий. Необходимо отметить, что создание условий для организации культурного досуга выступает важным направлением государственной молодежной политики. Здесь будет уместно сказать, что к досугу следует относиться как к средству воспитания и самовоспитания человека, формирования всесторонне, гармонично развитой личности. Поэтому говоря о культуре досуга, необходимо комбинировать ее сочетание с воспитанием при выборе форм и занятий, которые помогут сформировать жизненную задачу молодого человека для нашего общества.

Досуговая деятельность определяется интересами и потребностями молодежи, которые могут меняться в зависимости от этапа социализации, когда происходит переход от простых форм деятельности к сложным. С изменениями социального положения изменяется уровень культуры, что влияет на структуру свободного времени, степень духовной активности.

Здесь необходимо обратить внимание на выбор молодыми людьми формы досуга, который делается с учетом объективных и субъективных факторов, таких как потребности молодых людей и возможности (материальные и финансовые). Кроме того, выбор формы может быть ограничен в связи с отсутствием желаемого варианта. В этом случае молодые люди проводят досуг в компании сверстников.

Необходимо отметить такую важную особенность досуга, как общение. По словам В. А. Кавера, «...досуговое общение молодежи позволяет удовлетворить потребность молодых людей в эмоциональном контакте и сопереживании, потребность в информации, а также потребность в объединении усилий для совместных действий. Это ...устойчивое и продолжительное личностное взаимодействие возможно ...между людьми схожими ценностными ориентациями» [16]. Сегодня Интернет значительно влияет на расширение пространства для социализации. Помимо первичных групп в общении (семья, группа друзей), молодые люди ищут общения с людьми различного социально-психологического склада. Здесь не наблюдается разделений по гендерному признаку, так как многие досуговые занятия пользуются одинаковым спросом. Примечательной особенностью досуговой деятельности молодежи можно назвать «...ярко выраженное стремление к психологическому комфорту в общении, стремлению приобрести определенные навыки общения с людьми различного социально-психологического склада» [17].

Виды досуговой деятельности молодежи достаточно разнообразны не только по содержанию и типологическим свойствам, но и по формам организации и проведения. В большинстве своем молодые люди проводят досуг согласно своим привычкам, которые определяют их отношение к свободному времени. Например, в настоящее время активно развивается форма досуга, ориентированная на здоровый образ жизни. Различные спортивные занятия и фитнес приобретают все большую популярность, способствуя приобретению уверенности в себе и достижению определенных результатов.

К особенностям современного молодежного досуга можно отнести фактор престижности, когда молодые люди занимаются «престижными видами деятельности, к которым относится и досуговая» [16], что позволит достигнуть определенного социального статуса. Здесь необходимо отметить экстравагантные виды досуговой деятельности, связанные с путешествиями, проведением тематических мероприятий, праздников. Таким образом, в свободное время молодые люди получают сильные эмоции и «острые» ощущения. Однако, по наблюдению А. А. Сукало, «... представление о престижности у всех разное, а причины связаны с антисоциальным поведением молодежи (наркотики, алкоголизм и т. д.)» [18]. Особая разновидность молодежного досуга — антиобщественные виды досуговой деятельности и запрещенные законом.

Важно отметить у современной молодежи ярко выраженное стремление к творческой реализации. В данном случае, досуговую деятельность следует рассматривать с точки зрения творческого подхода, когда молодые люди могут реализовать свой креативный потенциал. Создание креативной среды в досуговой сфере способствует реализации различных творческих проектов и помогает находить свое место в обществе.

Новым веянием в досуговой деятельности молодежи можно назвать посвящение своего досуга общественно-полезным занятиям, которые увлекают молодых людей интересными перспективами и возможностями саморазвития. Эта форма досуга «не похожа на "случайный" или "несерьезный" досуг, предлагающий обычно намного меньше вариантов, более простой по построению и редко предполагающий совершенство выполнения» [7]. Таким видом досуга является волонтерская деятельность, которая предполагает реализацию карьеры вне работы, приобретение специальных навыков, знаний и обучения.

За последнее время произошли значительные перемены в сфере организации молодежного досуга. В частности, появились новые инновационные формы досуговой деятельности, которые обеспечиваются за счет повсеместного использования информационных технологий и Интернета и круто меняют жизнь молодых людей за счет определенных трансформаций, то есть изменений в поведении, межличностных отношениях и формировании системы ценностей.

Как утверждает Н. Н. Ярошенко, «...именно Интернету принадлежит весомое место в изучении культурного пространства социума, в рамках которого осуществляется молодежный досуг. Поэтому, основным информационным инструментом человека в его социальной, профессиональной и культурной деятельности выступает компьютер» [19]. С помощью Интернета и технических достижений раскрываются огромные возможности в сфере досуговой деятельности, в том числе и молодежной. Виртуальные формы досуга сегодня практически стали частью жизни современного общества, предлагая возможности, которых не было до Интернета.

Интернет-технологии предоставляют различные технические возможности для общения молодежи. В Интернете сравнительно легко найти людей, не только схожих

по интересам и возможностям, но и бывших одноклассников, знакомых, с которыми когда-то индивид общался. Причем начать общение в Сети проще, чем при личной встрече. В Интернете можно без труда создать сообщество по интересам или присоединиться к подобному. Интернет порождает особое культурное киберпространство для пользователей. Кроме того, в социальной системе Интернета формируется своя культура, в которой можно выделить присущие ей элементы: язык, нормы и традиции.

В сфере досуга Интернет можно рассматривать как представляющую обширную «виртуальную» библиотеку «искусственную интеллектуальную систему», в которой по запросу можно получить различную информацию, тексты огромного числа произведений. При этом самым главным является отсутствие различных внешних ограничений для ее получения. В Интернете можно найти практически любой фильм, посмотреть его и обсудить с друзьями по интересам. С появлением формата MP3 на просторах Интернета доступно для прослушивания и скачивания любое музыкальное произведение. Продвижение новых фильмов и музыки в Интернете существенно увеличивает их продажи.

Популярной формой использования информации становится потоковое вещание, которое представляет собой «...доставку мультимедийных потоков информации (аудио, видео) удаленным пользователем в реальном времени. При этом в некоторых случаях предполагается не пассивное восприятие информации, а предполагается возможность влиять на сюжет видеотрансляции, например, конференции имеет возможность комментировать сказанное или спрашивать в чате...» [12]. Таким образом, Интернет можно считать глобальной информационной средой.

Цифровые технологии активно входят в образование молодежи. Согласно докладу World Economic Forum «к 2030 году более 60 % новых профессий будут напрямую связаны с цифровыми навыками и технологиями» [20]. Поэтому достаточно востребованной формой виртуального досуга выступает онлайн-обучение, которое предполагает высокотехнологическую социализацию, когда индивид может находиться с другими, физически не присутствуя. Этот метод обучения позволяет приобретать знания, применяя новые технологии в удобное для пользователя время. Таким образом, преимущество дистанционных форм образования неоспоримо, что существенно расширяет возможности профессионального самоопределения личности.

Многие молодые используют досуг в Интернете, чтобы поправить свое материальное положение — найти подработку. Один из популярных видов такой деятельности среди молодежи — партнерские программы, помогающие обычным пользователям получать доход за рекомендации товаров и услуг различных компаний, а также за копирайтинг, контент-менеджмент и другое.

Поскольку сфера виртуального досуга молодежи приносит достаточно большой доход и в ней занято значительное количество людей, заинтересованных в клиентах, можно отнести ее к значимой части экономической жизни общества.

Необходимо отметить, что сегодня, при дефиците свободного времени, молодые люди, задействуя интернет-ресурсы, могут не только общаться и знакомиться, но и встретить вторую половинку для семейной жизни.

Участники большинства интернет-сообществ, общаясь достаточно продолжительное время, формируют традиции. Так, например, традиционными на форумах, в блогах и чатах стали совместные встречи Нового года, празднование виртуальных свадеб и дней рождения (для пользователей, проводящих большую часть своего времени в Интернете) или апостериорное выкладывание фотографических и текстуальных отчетов о прошедших событиях.

Помимо коммуникативной функции Интернет выполняет развлекательную, предоставляя индивиду целый спектр иных возможностей проведения досуга, что стало реальным посредством создания и развития интернет-магазинов и интернет-аукционов, интернет-библиотек, интернет-кинотеатров, интернет-музеев, интернет-лотерей, интернет-казино и так далее.

Основная масса молодежи использует досуг для развлечений, которые не направлены на получение каких-то знаний или полезных навыков. Эта категория свободного времени включает игры, представленные в Интернете в большом количестве. Будучи одной из форм проведения досуга, они помогают индивидам отдохнуть и восстановить силы, отвлечься от проблем и трудностей повседневности. Главное преимущество — доступность. Большинство онлайн-игр бесплатно и не имеет ограничений во времени. Часто игры могут быть групповыми, что позволяет игрокам найти себе друзей по интересам не выходя из дома. Еще одно преимущество такого досуга в том, что ассортимент игр постоянно, с учетом спроса, обновляется. С их помощью индивид приобретает и развивает различные способности, например, внимание, увеличение объема памяти, использование двух- или трехмерного пространства, логическое, стратегическое мышление. При этом онлайн-игры становятся площадкой для коммуникаций. В качестве достойного досуга они достаточно востребованы, но здесь необходимо не потерять границу реального и виртуального миров. Рост аудитории, играющей в онлайн-игры, позволил выделить новое направление — киберспорт, которое предполагает как индивидуальное участие, так и командное, с достаточно серьезными призовыми фондами. Однако чрезмерное увлечение таким досугом может стать причиной ухудшения психического и физического здоровья человека, вызвать гиперзависимость от онлайн-игр. Из-за игр можно потерять работу, разрушить отношения с близкими и друзьями, есть риск даже умереть.

Таким образом, молодые люди должны относиться к свободному времени аккуратно, беречь его, вкладывая в него не просто социальное развитие, но прежде всего — духовные цели, которые определяют стратегию государства в направлении развития культуры, образования.

Следует подчеркнуть, что в досуговой деятельности присутствуют как позитивные, так и негативные тенденции. О. Д. Гриненко описывает досуг как «...наиболее рафинированную часть свободного времени. Часть времени, которую человек проводит с наибольшим удовольствием, а значит, в само понятие свободного времени он вкладывает и обязательный, возможно даже, негативный аспект» [21]. Считается, что у молодых людей может появиться интернет-зависимость, которая отрицательно влияет на их цели и мотивы развития, методы самоутверждения и самореализации. Таким образом, особенностью воздействия информационных технологий на сферы жизни общества является двойственность воздействия, несущая позитивные и негативные последствия.

Результаты и обсуждение

Молодежь всегда была самой изучаемой возрастной категорией населения, называемой «компьютерным поколением», которому присущи другие культурные запросы и «ценностные ориентиры», отличающие его представителей от предыдущих поколений. С приходом в нашу жизнь информационных технологий возник вопрос рациональной организации досуга. В связи с этим в современной молодежной культуре поднялась новая волна ценностного отношения к жизни, появилась тенденция к формированию мировоззрения «качества жизни», значимости деятельности в реализации своих возможностей на основе интернет-образования, развитие творческих способностей. Таким образом, создается новая компьютерная культура общения и ее ценности. Поэтому изучение досуговых практик и использования свободного времени молодежи в условиях информатизации имеет большое значение для современного общества.

Для анализа досуговой деятельности молодежи было проведено социологическое опрос. В качестве опросного метода было выбрано анкетирование как самое информативное. Объектом исследования выступили молодые люди от 18 до 25 лет. Анкетирование проводилось анонимно в целях получения более достоверной информации. В опросе принял участие 141 представитель студенческой молодежи.

Прежде всего требовалось выяснить, каким объемом свободного времени располагает молодежь в будни и выходные дни. В будни в своем большинстве указали использование свободного времени от 1 до 2-х часов — 35 %, от 2-х до 4-х часов отметили 53 %, от 4-х часов указали только 12 % опрошенных. В выходные дни использование свободного времени от 1 до 2-х часов отметили только 12 %, от 2-х до 4-х — 33 %, от 4-х часов и более отдают 55 % опрошенных, что предполагает незначительный объем времени. Объяснить это можно тем, что в свободное от учебы время молодые люди подрабатывают, занимаются на дополнительных курсах и тому подобное.

Далее были проанализированы приоритеты досуговых предпочтений молодых людей — каким образом они проводят свободное время. Результаты анализа представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Приоритеты молодежи в проведении досуга

Из ответов респондентов следует, что 46 % молодых людей предпочитают проводить досуг в Интернете. Это объясняется доступностью последнего, разнообразием и простотой использования на любом устройстве — смартфоне, планшете, компьютере.

Далее 19 % опрошенных выразили интерес к спорту, объясняя это тем, что спортивные мероприятия становятся частью жизнедеятельности, укрепляют здоровье, воспитывают характер и формируют личность. Столько же респондентов (19 %) высоко оценили семейные и моральные ценности, служащих основой российской семьи. Оставшиеся участники используют свободное время, руководствуясь настроением и возможностями, еще 2 % просто «бездельничают».

На вопрос «Как Вы считаете, качество проведения свободного времени преимущественно зависит от...» 38 % респондентов выбрали вариант «от разнообразия предлагаемых видов, форм досуговой деятельности». Достаточно большое число — 43 % — отметило «материальные возможности», которые сегодня имеют существенное значение при выборе досуга. Убеждены, что должно совпасть «желание и настроение», 11 %. Только для 5 % важен «уровень культуры, организации и проведения мероприятия» и еще 3 % предпочли вариант «другое».

На вопрос «Есть ли у Вас возможности посещать места культурного времяпрепровождения (концерты, выставки, экскурсии, кинотеатры...) так часто, как хотелось бы?» были получены следующие ответы: желание и возможности совпадают у 48 %; 39 % очень бы хотели, но не имеют возможности; 13 % это не интересно. Среди причин, по которым респонденты не могут посещать культурные досуговые центры, были названы: материальные, дефицит времени, семейные проблемы и качество предлагаемых мероприятий. Таким образом, многие вынуждены организовывать и проводить свой досуг в Интернете.

На вопрос «Как часто Вы используете Интернет?» респонденты ответили: «ежедневно» — 84 %; «несколько раз в неделю» — 11 %; «иногда, по необходимости» — 5 %; «не пользуюсь» — 0 %.

Здесь можно сказать, что Интернет присутствует в нашей жизни независимо от того, работает человек или учится. Молодежь применяет информационные технологии как для личных целей (социальные сети, общение), так и для образования (получая информацию, задействуя в учебном процессе), для работы (блоггерство) и просто для получения бытовой информации (записаться на прием к врачу, посмотреть расписание автобуса). Современная жизнь невозможна без Интернета, он охватил все области жизнедеятельности, в том числе и досуговой.

Общение со сверстниками, имеющими схожие увлечения, способствует социализации и удовлетворению социальных и культурных потребностей, позволяет молодым людям разобраться, что хорошо и что плохо. Проводником единых интересов в Интернете становятся социальные сети, представляющие собой некую автоматизированную социальную среду, объединяющую участников по интересам. В социальных сетях молодые люди могут указать личную информацию, предполагающую участие в определенном социуме.

По данным исследования Mediascope за февраль 2025 года, первое место среди молодежи занимает Telegram со среднесуточной аудиторией 6,9 млн человек, второе место — TikTok с посещаемостью 5,8 млн человек, на третьем — ВКонтакте с 5,0 млн человек, на четвертом — Likee и на пятом — Одноклассники. Пользователи отмечают прежде всего удобство в использовании социальных сетей, говоря об их доступности, разнообразии предлагаемого контента, высокой скорости обмена информацией. Молодежь любит эти платформы не только за их универсальность, но и за то, что они способны разнообразить досуг. Так, Telegram развивается как приложение с каналами, ботами, короткими форматами, предлагает различные чаты и игры.

Отвечая на следующий вопрос, респонденты еще раз подтвердили значимость Интернета в их жизни и что значит для них «досуг в Интернете». Вариант «Интернет это часть их повседневной жизни и досуг без него невозможен» выбрали 63 %. Следующие 33 % посчитали, что «Интернет необходим для саморазвития, важен для жизни». По мнению оставшихся 4 %, «без Интернета можно обойтись».

Потенциал виртуального досуга предполагает большие возможности, все активнее вовлекая молодежь. Исследуя предпочтения в организации свободного времени молодежи, необходимо подчеркнуть разнообразие досуговых практик, обусловленных социальной средой, уровнем культуры индивида, потребностями, интересами, психологическими факторами. Какие из них более интересны и востребованы молодыми людьми, было выяснено посредством вопроса «Какие основные направления досуговой деятельности сегодня наиболее актуальны и привлекательны для Вас в Интернете?». Результаты приведены в таблице.

Ранжирование основных направлений досуговой деятельности для молодежи в Интернете

Направления досуговой деятельности	Ответ, %
Получение любой информации	96
Общение	87
Развлечения	76
Работа	71
Учеба	83
Профессиональное общение	59
Быстрый поиск людей	87
Торговля	37
Самовыражение	78
Поиск помощи любого вида — от медицинской до финансовой	89

Полученные ответы указывают на увлеченность молодежи Интернетом, встроенным в привычную социальную действительность. Развитие информационного пространства создает благоприятную среду всех сфер жизни молодежи, в том числе досуговой деятельности. Инновационные технологии обеспечивают выход в Интернет с любого устройства, благодаря чему можно не только быстро и качественно получать любую необходимую информацию, но и изменять пространство досуга. Новые формы досуговой деятельности позволяют молодежи расширять кругозор и приобретать дополнительные знания. Однако долгое пребывание в Интернете имеет определенные отрицательные моменты, которые отделяют молодежь от реальности, влияют на здоровье и склоняют к более пассивному образу жизни. Поэтому вид досуга, выбираемый молодыми людьми исходя из их потребностей и возможностей, должен сочетать в себе интеллектуальную и физическую деятельность.

Выводы

Молодежь считается интеллектуальным ресурсом современного общества. В этом контексте досуговая деятельность молодых людей приобретает особую актуальность с точки зрения духовно-нравственного развития личности. Сегодня смело можно говорить о том, что досуг современной молодежи имеет ряд специфических черт по сравнению с досугом молодежи XX века. Тот досуг представлял новые формы предпринимательства — ночные клубы с дискотеками, игровые автоматы или компьютерные игры, а также новые виды международного туризма (образовательный). Этот бизнес, ориентированный на молодое поколение, которое просто поглощало все новое, как показало время, стал достаточно прибыльным. Так, сам по себе молодежный досуг не является показателем ценностей, главной целью его видится степень его социальной насыщенности, к которой относится интеллектуальное, творческое, физическое развитие личности, ее самореализация. Досуг можно считать одним из стимулов развития личности, в чем и заключаются его прогрессивные возможности.

Социальные трансформации в современном обществе происходят с учетом новых информационных и коммуникационных технологий, влекущих за собой изменения

и в досуговой деятельности молодых людей. Виртуальный досуг нельзя назвать каким-либо новым явлением в жизни молодежи, просто он становится доступнее для широкой аудитории. Сегодня Интернет все интенсивнее приобретает черты социальной системы, с новыми способами, различными формами проведения виртуального досуга.

Список источников

1. Булгакова, М. В. Информационные технологии в экономике : учебное пособие / М. В. Булгакова. – Челябинск : Издательство ЧелГУ, 2013. – 106 с. – Текст : непосредственный.
2. Цифровизация в Российской Федерации в 2025 году. – URL: <https://www.web-scanare.ru/business/statistika-interneta>. (дата обращения : 10.07.2025). – Текст : электронный.
3. Чалдышкина, Н. Н. Педагогические потенциалы виртуальных социальных сетей в работе с детьми и молодежью / Н. Н. Чалдышкина. – Текст : непосредственный // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2014. – № 3. – С. 119–124.
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации об утверждении «Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420237592> (дата обращения : 15.08.2024). – Текст : электронный.
5. Лисовский, В. Т. О молодежи и молодежной политике. В 2 т. / В. Т. Лисовский ; под редакцией А. А. Козлова. – Санкт-Петербург : ХИМИЗДАТ, 2005. – 312 с. – Текст : непосредственный.
6. Фарахутдинов, Ш. Ф. Удовлетворенность жизнью сельской молодежи в Западно-Сибирском регионе России / Ш. Ф. Фарахутдинов. – Текст : электронный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2017. – № 5. – С. 233–250. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.13> (дата обращения : 10.07.2025).
7. Молодежный досуг в информационном пространстве культуры. Экономическая библиотека. URL: <https://econlib.ru> (дата обращения 10.09.2025). – Текст : электронный.
8. Аристотель. Сочинения: в 4-х томах. Т. 4 /Аристотель; ред. и авт. вступ. ст. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди ; примеч. В. В. Бибикина и др. – Москва : Мысль, 1983. – 830 с. – Текст : непосредственный.
9. Dumazedier, J. Sociologie empirique du loisir; critique et contre-critique de la civilisation du loisir, Éditions du Seuil. – 1974. – 269 с. – URL: https://humancapital.su/wp-content/uploads/2023/06/202306_p301-308.pdf (дата обращения : 14.07.2025).
10. Досуг. Словари онлайн. – URL:<https://rus-pedagogical-dict.slovaronline.com> (дата обращения 02.05.2022). – Текст : электронный.
11. Тетерский, С. В. Педагогический потенциал детско-молодежных общественных объединений / С. В. Тетерский. – Текст : непосредственный // Педагогика. – 2001. – № 6. – С. 40–44.
12. Бородина, А. В. Цифровизация практик досуга молодых россиян и ее социальные последствия / А. В. Бородина, А. С. Тихонова. – DOI 10.24412/2500-1000-2021-11-2-33-41. – Текст : непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 11-2(62). – С. 33–41.
13. Панфилова, Е. В. Ценности культуры досуга студенческой молодежи: результаты исследования / Е. В. Панфилова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2012. – № 8. – С. 278–283.
14. Григорьева, Н. В. Молодежный досуг в условиях современного города / Н. В. Григорьева, О. Н. Маслова. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2013. – № 2. – С.109–113

15. Будкина, Е. К. Культура досуга и проблемы социализации современной молодежи / Е. К. Будкина, Ю. В. Будкин. – Текст : непосредственный // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2009. – № 142. – С. 139–143.
16. Кавера, В. А. Сецифика и перспективы развития современного молодежного досуга / В. А. Кавера. – DOI 10.30725/2619-0303-2019-3-114-119. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2019. – № 3 (40). – С. 114–119.
17. Орлов, М. А. Организация досуговой деятельности молодежи. Образовательная социальная сеть / М. А. Орлов. – Текст : электронный. – URL: <https://nsportal.ru> (дата обращения 24.07.2025).
18. Сукало, А. А. Культура детства: ресурсы противодействия манипулятивным практикам / А. А. Сукало. – DOI 10.30725/2619-0303-2019-1-156-162. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2019. – № 1 (38). – С. 156–162.
19. Ярошенко, Н. Н. Педагогика и культурология в контексте интеграции и дифференциации научного знания / Н. Н. Ярошенко. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 4 (54). – С. 76–83.
20. Как молодежь участвует в цифровой трансформации. – URL: <https://www.rbc.ru/industries> (дата обращения : 25.7.2025). – Текст : электронный.
21. Гриненко, О. Д. Социологический анализ свободного времени молодежи / О. Д. Гриненко. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2016. – 764. – С. 156–162.

References

1. Bulgakova, M. V. (2013). *Informatsionnye tekhnologii v ekonomike*. Chelyabinsk, Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet Publ., p.106. (In Russian).
2. Digitalization in the Russian Federation in 2025. (In Russian). Available at: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta> (accessed on 10.07.2025).
3. Chaldyshkina, N. N. (2014). Pedagogical Potentials of Virtual Social Networks in Working with Children and Youth. *Izvestiya of the Southern Federal University. Pedagogical Sciences*, (3), pp. 119-124. (In Russian).
4. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ob utverzhdenii "Osnov gosudarstvennoy molodezhnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda" ot 29 noyabrya 2014 g. No 2403-r. (In Russian). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/420237592> (accessed: 15.08.2024)
5. Lisovskiy, V. T. (2005). *O molodezhi i molodezhnoy politike*. V 2 t. Saint Petersburg, KHMIZDAT Publ., 312 p. (In Russian).
6. Farakhutdinov, Sh. F. (2017). Life satisfaction among Russian young people in rural areas of the West Siberia. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, (5), pp. 233-250. (In Russian). Available at: <https://wciom.ru/fileadmin/file/> (accessed on 10.07.2025) (accessed: 10.07.2025)
7. Youth Leisure in the Information Space of Culture. *Economic Library*. (In Russian). Available at: <https://econlib.ru> (accessed on 10.09.2025).
8. Aristotle. (1983). *Collected Works in 4 Volumes*. Vol. 4. Moscow, Mysl Publ., 830 p. (In Russian).
9. Dumazedier, J. (1974). *Sociologie empirique du loisir; critique et contre-critique de la civilisation du loisir*, Éditions du Seuil, 269 p. (In Russian). Available at: https://humancapital.su/wp-content/uploads/2023/06/202306_p301-308.pdf (accessed: 14.07.2025).
10. Leisure. Online dictionaries. (In Russian). Available at: <https://rus-pedagogical-dict.slovaronline.com> (accessed: 02.05.2022)
11. Teterskij, S. V. (2001). Pedagogicheskiy potencial detsko-molodezhnyh obshchestvennyh ob"edinenij. *Pedagogika*, (6), pp. 40-44. (In Russian).

12. Borodina, A.V., & Tikhonova, A. S. (2021). Digitalization of leisure practices of young Russians and its social consequences. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, (11-2 (62)), pp. 33-41. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-1000-2021-11-2-33-41
13. Panfilova, E. V. (2012). Values of leisure culture for students: research results // *Young Scientist*, (8), pp. 278-283. (In Russian).
14. Grigorieva, N. V., & Maslova, O. N. (2013). Youth leisure in a modern city conditions // *Proceedings of Voronezh state university. Series: History. Political science. Sociology*, (2), pp. 109-113. (In Russian).
15. Budkina E. K., & Budkin Yu. V. (2009). Leisure Culture and Problems of modern young people socialization. *Civil aviation high technologies*, (142), pp.139-143. (In Russian).
16. Kavera, V. A. (2019). Specifics and prospects of development of modern youth leisure. // *Vestnik of Saint Petersburg state university of culture*, 3(40), pp. 114-118. (In Russian). DOI: 10.30725/2619-0303-2019-3-114-119
17. Orlov, M. A. Organization of Youth Leisure Activities. Educational social network. (In Russian). Available at: <https://nsportal.ru> (accessed: 07/24/2025).
18. Sukalo, A. A. (2019). Childhood Culture: Resources for Counteraction Manipulative Practices. *Vestnik of Saint Petersburg state university of culture*, 1(38), pp. 156-162. (In Russian). DOI: 10.30725/2619-0303-2019-1-156-162
19. Yaroshenko, N. N. (2013). Pedagogy and Cultural Studies in the Context of Integration and Differentiation of Scientific Knowledge. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, (4 (54)), pp. 76–83. (In Russian).
20. How young people participate in digital transformation. (In Russian). Available at: <https://www.rbc.ru/industries> (accessed: 25.7.2025)
21. Grinenko, O. D. (2016). Sociological approach to youth leisure time study. *Vestnik of Moscow state linguistic university. Social science*, (764), pp.156-162. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Ребышева Лидия Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, rebisheva_lida@mail.ru

Толмачева Светлана Владимировна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7808-0050>

Ковалев Константин Алексеевич, аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления. Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Lidiya V. Rebysheva, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, rebisheva_lida@mail.ru

Svetlana V. Tolmacheva, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7808-0050>

Konstantin A. Kovalev, Postgraduate Student of the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen

Статья поступила в редакцию 05.09.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.
The article was submitted 05.09.2025; approved after reviewing 06.10.2025; accepted for publication 06.11.2025.

Научная статья / Original research article
УДК 316.4:331.1
DOI:10.31660/1993-1824-2025-4-102-120
EDN: MFBKJG

Социальная среда организации

А. Л. Скифская*, А. С. Гюрджинян

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

*skifskajaal@tyuiu.ru

Аннотация. Актуальность исследования социальной среды организации обусловлена факторами, влияющими на показатели деятельности: повышение мотивации работников, снижение текучести кадров и сохранение более ценных сотрудников; повышение лояльности клиентов и организаций-компаньонов; практические эффекты для системы управления (профилактика конфликтности, устранение информационных разрывов, внедрение организационных изменений). Особенно значимым становится исследование на примере компании, имеющей сеть филиалов, работников в труднодоступных и удаленных местах, занятых вахтовым методом. Цель работы — исследование ряда факторов социальной среды, которые были актуализированы в процессе анализа текучести кадров, нарушения дисциплины со стороны работников и в итоге договорных обязательств самой компании. Инструментом послужило анонимное электронное анкетирование диспетчеров, водителей и обслуживающего спецтехнику персонала. Дана оценка показателя лояльности eNSP исследуемых групп респондентов. Результаты показали, что именно в связке «диспетчер — водитель — работники обслуживания транспорта» существуют трудности взаимодействия, начиная с эффективности коммуникаций и заканчивая отсутствием профессиональных знаний в сфере транспорта и логистики. Из этого следует вопрос о формировании системы социального аудита как формы регулярной обратной связи. Практическая значимость диагностического исследования заключается в предоставлении руководителю организации и филиалов объективной информации для принятия решений. Вместо догадок управляющая система получит четкие ориентиры и сможет нивелировать источники напряженности в компании и ее филиалах.

Ключевые слова: социальное управление, менеджмент, социальные взаимодействия, коммуникации, логистика, транспорт

Для цитирования: Скифская, А. Л. Социальная среда организации / А. Л. Скифская, А. С. Гюрджинян. — DOI 10.31660/1993-1824-2025-4-102-120 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2025. — № 4. — С. 102–120. — EDN: MFBKJG

The organization's social environment

Anna L. Skifskaya*, Alexnadr S. Gyurdzhinyan

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

*skifskajaal@tyuiu.ru

Abstract. Several factors contributed to the importance of the study of social environment. These factors include enhancing employee motivation, reducing turnover, and retaining valuable staff; increasing customer and companies-partners loyalty; practical effects for management system such as the prevention of conflicts, closure of informational voids, and the facilitation of organizational change. This is particularly important for companies, which have branch networks and employees who working in hard-to-reach and remote locations and in shifts.

The aim of this work is to identify specific social environment factors that have proven critical in analyzing staff turnover, misconduct by employees, and ultimately subsequent defaults on company commitments. The authors of this paper used an anonymous electronic survey among dispatchers, drivers, and maintenance staff as instrument for their study. In addition, they assessed the eNSP loyalty metric of the respondent groups.

The results highlighted communication challenges within the "dispatcher-driver-transport maintenance" team, ranging from the efficacy of communication and ending with a lack of professional knowledge in transport and logistics. This raises the question of forming a social audit system as a form of regular feedback. The practical value of this diagnostic study is its provision of objective data to organizational and branch management, thereby informing decision-making processes. This approach moves beyond guesswork, equipping the management system with precise benchmarks to address and alleviate internal and inter-branch sources of strain

Keywords: social management, management, social interactions, communications, logistics, transportation

For citation: Skifskaya, A. L., & Gyurdzhinyan, A. S. (2025). The organization's social environment. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (4), pp. 102-120. (In Russian). DOI : 10.31660/1993-1824-2025-4-102-120

Введение

Социальная среда организации представляет собой комплексный фактор, определяющий не только качество трудовой жизни работников, но и ключевые показатели эффективности всего предприятия. В современных экономических условиях, характеризующихся высокой турбулентностью и ростом конкуренции за человеческие ресурсы, управление социальной средой перестает быть второстепенной задачей и становится стратегическим приоритетом. Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации и расширении научных представлений о структуре и механизмах социальной среды, о методах анализа и реформирования. Результаты исследования носят промежуточный характер, но и они имеют практическую значимость уже на данном этапе функционирования в компании. Аналитические мероприятия, проведенные на базе наиболее проблемного объекта (строительство инфраструктурных объектов для компании ПАО «Газпром» в Республике Саха), позволили выявить проблемы и сформулировать предложения о создании системы социального аудита на постоянной основе. Это несомненно актуально, поскольку позволяет компании повысить управляемость, сохранить единую социальную политику и корпоративную культуру на всех отдаленных от головного офиса объектах.

Литературный обзор

Результаты анализа научных источников свидетельствуют о широкой дискуссии в академическом сообществе, касающейся важности исследования многообразия сторон социальной среды организации. Значительная часть публикаций сосредоточена на вопросах взаимосвязи социальной среды организации и эффективности управления.

Содержание социальной среды организации изучали Н. П. Никандрова [1], Р. М. Садыков [2]. Рассмотрением влияния социальной среды на управление персоналом занимались А. Б. Александров [3], И. А. Урмина [4]. Соотношение понятий и осо-

бенности влияния на организацию производственного процесса категорий «социальная среда», «социальная инфраструктура» анализируют И. В. Сычева и Н. А. Сычева [5]. Интерес вызывает проведенное К. А. Омаровым [6], Т. Е. Слободчиковой [7] исследование факторов социальной среды, особенно тех, что воздействуют на эффективность деятельности организации. Методам анализа, развития, коррекции факторов социальной среды посвящены работы Е. Б. Береговой [8], Е. П. Огородниковой [9].

В современной литературе наблюдается широкое разнообразие подходов к определению сущности социальной среды. По мнению авторов статьи, это разнообразие концепций подчеркивает многогранность и фундаментальную значимость данной категории в системе управления организацией. Функциональная роль социальной среды проявляется в непосредственном влиянии на мотивацию персонала, корпоративную культуру, и, как следствие, на общую производительность труда. В работе приведена систематизация понятий, воздействие механизмов влияния в контексте истории развития социологических подходов: от функционализма Т. Парсонса до социального конструктивизма П. Бергера [10, 11].

Тенденции последнего времени — исследования, направленные на анализ социальной среды крупных компаний, вертикально-интегрированных структур, международных компаний с различной степенью контроля материнской компании (филиалы, дочерние компании, подразделения). Такие структуры требуют построения обратных связей и внедрения новых технологий взаимодействия, в частности социального контроля и аудита в социальной среде, цифровизации контроллинга в социальной политике [11–13].

Материалы и методы

Для исследования социальной среды организации был применен комплексный подход, включающий: анализ документов по оценке эффективности транспортной логистики (с целью выбора удаленного филиала и категорий работников для дальнейшего анализа), социологический опрос в форме электронного анкетирования выбранных категорий работников. Эмпирическую основу составили сведения о корпоративной социальной политике, сведениях о нарушениях в компании и рекламации со стороны компаний- партнеров.

Социологический опрос проводился в период строительного сезона в июне — августе 2025 года. В выборочную совокупность попали занятые в Республике Саха работники таких категорий, как водители, диспетчеры, работники технического обслуживания и погрузо-разгрузочных работ. Именно в этой связке наблюдается (по данным компании) наибольшее количество нарушений, несоблюдение (отставание) графика перевозок и работ, срыв сроков из-за неисправности технологического транспорта.

Результаты и обсуждение

Совместная деятельность людей протекает в определенных устоявшихся формах организации, многие из которых институционализированы. Институционализация организационных форм обладает рядом характеристик:

- функциональность, обеспечивающая решение повторяющихся социальных и индивидуальных проблем, удовлетворение потребностей;
- нормативная основа, регулирующая определенными специфическими социальными кодами, определяющими восприятие социальных проблем, социально-экономических ситуаций и характер взаимодействия;
- структурообразующая роль, проявляющаяся в принадлежности индивидов к этим формам и позволяющая описать общество и культуру как устойчивую, воспроизводящую структуру.

В этом контексте институт определяется как устойчивая форма согласованной социальной активности, служащая механизмом включения индивидов в жизнь общества, их адаптации и поддержки социального порядка. Таким образом, институты представляют собой социально установленные и легитимные нормативные комплексы, регулирующие ключевые аспекты общественной жизни.

Функциональная эффективность организации является производной не только от структурной составляющей (социальной инфраструктуры), ее компактности, рационального распределения функций, но и от социальных взаимодействий. Эта сфера включает устоявшиеся паттерны, ценностные ориентации и нормативные модели взаимодействия, формирующиеся в результате взаимовлияния:

- функционально-нормативной структуры организации и социальных характеристик ее членов;
- формальных связей между ролями и неформальных межличностных отношений;
- позиции индивида в организационной структуре и его положение в социальной и организационной иерархии.

В современной управленческой парадигме наблюдается сдвиг от жесткого рационализма, опирающегося на рутинные действия, к интеграции эмоциональных и личностных компонентов в управленческих технологиях [4]. Это подразумевает трансформацию приоритетов в двух направлениях:

- от индивидуальной коррекции недостатков к стимулированию вовлеченности и участия;
- от внешнего контроля (санкции, надзор) к механизмам внутреннего регулирования (персональная ответственность, расширение диалогов, построение обратных связей, положительное подкрепление).

Исходя из этого можно заключить, что особенности социальной среды выступают в качестве критически значимой переменной, определяющей жизнеспособность и результативность организации. Социальная сложность организации, сочетающей в себе формальную структуру и неформальные человеческие связи, их анализ выходит далеко за рамки чисто рационалистической трактовки человека.

Понятие «социальная среда» является центральным в целом ряде наук и содержит в себе множество аспектов обсуждения. Базовое определение термина — совокупность материальных, экономических, социальных, политических и духовных условий существования, формирования и деятельности индивида и социальных групп [14]. Социальная среда изучается на нескольких уровнях: социальная микросреда, чье значение заключается в первичной социализации человека; мезосреда, включающая образовательное учреждение, место работы, профессиональное сообщество, чье значение в формализации и систематизации влияния на человека; социальная макросреда, задающая «правила» жизнедеятельности для всех членов общества, возможности и ограничения [1].

Интересен вопрос о влиянии и взаимовлиянии человека и социальной структуры на различных уровнях исследования (табл. 1).

Таблица 1

Механизмы влияния социальной среды

№	Теоретическое направление	Представитель	Тезис о социальной среде
1	Функционализм	Т. Парсонс	Среда — это стабильная система социальных норм, институтов, которая функционирует для поддержания порядка, социализирует индивида, интегрируя его в общество.
2	Теория конфликта	М. Вебер, П. Бурдьё, К. Маркс	Среда — это арена борьбы за ресурсы (власть, статус, деньги). Она нейтральна, служит интересам господствующих групп и воспроизводит неравенство.
3	Интеракционизм	И. Гофман	Среда не просто давит на индивида, а конструирует в процессе повседневного взаимодействия через символы, язык и интерпретации.
4	Социальный конструктивизм	П. Бергер, Т. Лукман	Среда — это продукт человеческой деятельности, который, будучи созданным, воспринимается как объективная и принудительная реальность и субъективное осмысление.

Социологический детерминизм Э. Дюркгейма и структуралистов утверждает, что социальная среда определяет человека, социальные факты (норма, ценности, институты) существуют объективно и оказывают принудительное давление на индивида [10]. Символический интеракционизм Дж. Г. Мида говорит о взаимодействии среды и индивида, где социальная среда давит и интерпретируется человеком через символы и язык. Приспособление осуществляется через социальное взаимодействие. Социология Э. Гидденса «Агентность vs Структура» видит именно в этом главную дилемму: с одной стороны, социальная среда (структура) ограничивает людей, с другой стороны, своими повседневными действиями (агентностью) люди изменяют среду.

Итак, эволюция в понимании «социальной среды» прошла стадии от жесткой структуры, подчиняющей индивида и воспроизводящей неравенство, до продукта человеческой деятельности, оказывающей взаимовлияние «человек — социальная среда». Но, несмотря на предложенную дискуссионность, большая часть направлений социологической мысли сходится в своих представлениях о функциях социальной среды: социализация, определение статусов и ролей, формирование идентичности, регуляция поведения и структурирование жизненных шансов.

Исследование социальной среды на мезоуровне позволяет понять, как формальная структура компании «оживает» и трансформируется в реальные социальные практики, решает задачи организации и индивида. Именно мезоуровень связывает микроуровень (индивида, малые группы) с макроуровнем (внешняя среда). Это уровень «островков» в организации, где формируются и переплетаются взаимосвязи личного и профессионального характера, создается локальная социальная среда организации (подразделения и отделы, проектные и кросс-функциональные команды, территориальные и филиальные структуры, статусные группы, неформальные группы по интересам, группы неформальных лидеров).

Одна из стратегических задач управления в организации — работа с объектами и факторами социальными среды. К объектам социальной среды организации традиционно относят субкультуру подразделений, отношения и коммуникации, формальные и неформальные связи (табл. 2).

Таблица 2

Ключевые объекты исследования социальной среды на мезоуровне (в организации)

№	Объект исследования	Ключевые вопросы исследования
1	Структура подразделений	Ценности, нормы и различия отделов: агрессивные, нацеленные на результат, инновационные
2	Межгрупповые отношения и коммуникации	Конфликты между офисными и «полевыми» работниками; между руководством и подчиненными; между руководителем и неформальным лидером
3	Влияние на уровне подразделений	Концентрация ресурсов, влияние на принятие решений, карьерные траектории работников
4	Формальные и неформальные связи	Эффективность передачи информации, связи между отделами, инновации и сопротивление.
5	Локальные практики и рутины	Неформальные правила отделов, иерархия и практика реализации формальных регламентов

Развитие социальной среды представляет собой двуединый процесс, проявляющийся в объективной плоскости через систему деловых и социальных связей между сотрудниками, формирующихся в процессе труда, быта, досуга; и в субъективной плоскости через психологическую атмосферу, качество межличностных связей и разделяемые нравственные нормы.

Наиболее подробно факторы социальной среды были предложены еще Э. Мэйо и Ф. Херцбергом [10]. Из числа российских ученых анализом занимались Т. Е. Слободчикова, делая вывод о наиболее значимых факторах: экономический и кадровый потенциал, состояние ее социальной инфраструктуры, условия и охрана труда, система материального вознаграждения, механизм социальной защиты работников, социально-психологический климат, политика в отношении вне рабочего времени и досуга [7].

Именно фактор выступает движущей силой для воздействия на объект социальной среды. Применительно к организации фактор — это совокупность условий, определяющих характер и последствия трансформаций в социальной среде, которые, в свою очередь, воздействуют на работников [11]. С другой стороны, для изучения социальной среды факторы рассматриваются как часть объекта — носителя социальной среды, причем факторы (конкретные характеристики, свойства, проблемы) должны быть релевантны, то есть действительно быть значимы для носителя (рис. 1).

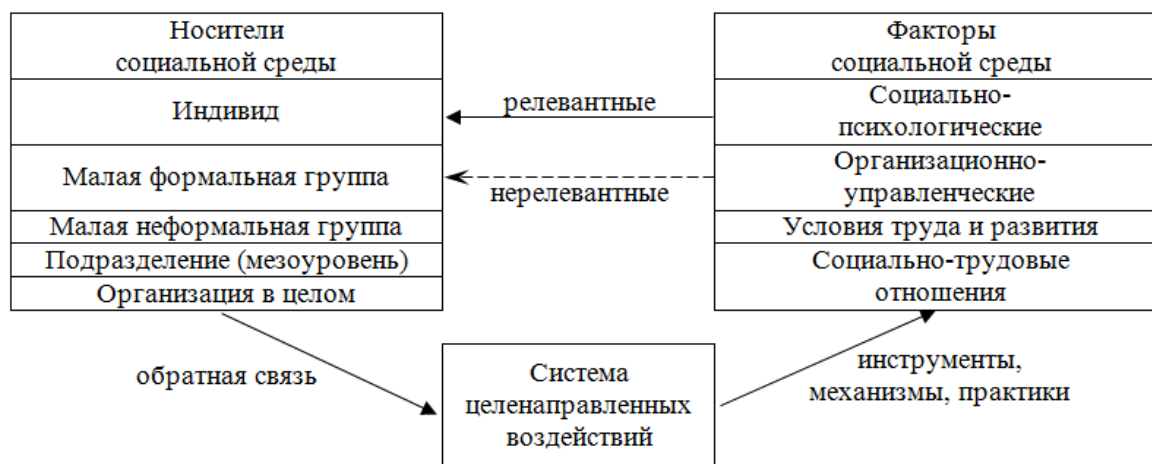

Рис. 1. Связь носителя (объекта) социальной среды и факторов социальной среды

Итак, совокупность целенаправленных воздействий, механизмов и практик, направленных на регуляцию индивидуального и группового поведения в соответствии с организационными целями для поддержания моделей трудового поведения и сохранения устойчивого функционирования организации, формирует систему социального контроля. В качестве его функций можно рассмотреть четыре базовых:

- обеспечение стабильности и порядка, снижающее транзакционные издержки;
- достижение целей организации, обеспечивающее «долгожительство» организации;
- минимизация рисков, уменьшающая возможности нарушений, аварий, мошенничества;
- создание основы для координации, то есть базы для эффективного взаимодействия между отделами.

Социальный контроль и социальный аудит образуют замкнутый контур управления социальной средой организации. Так, социальный контроль выступает как регулирующая подсистема [12], как функция, действующая в организации [8]. Социальный аудит — это диагностическая и информационная подсистема, обеспечивающая обратную связь для корректировки контроля, то есть задача социального аудита оценить саму систему контроля (рис. 2).

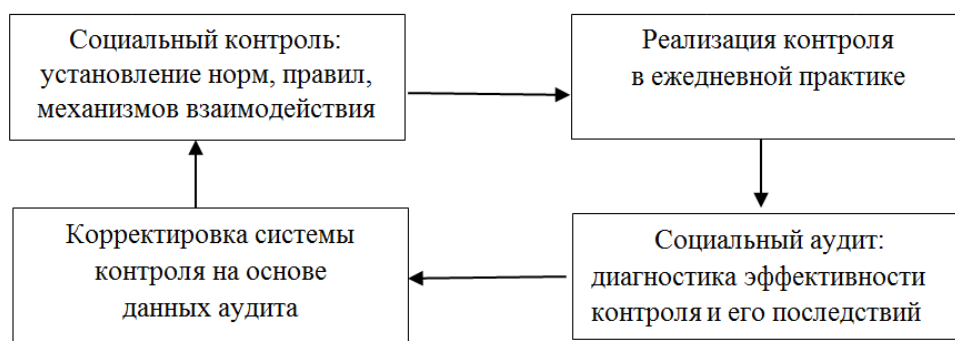

Рис. 2. Связь социального контроля и аудита в социальной среде организации

С точки зрения социологов, социальный контроль реактивен, то есть включается только после нарушения, отклонения, сбоя [11]. Социальный аудит позволяет сделать контроль проактивным и превентивным, так как выявляет причины возможных отклонений (низкая мотивация, конфликт, неясность целей) (табл. 3).

Таким образом, социальный аудит не заменяет социальный контроль, а делает его более точным и эффективным [13]. Подобный симбиоз создает более гибкую, самообучающуюся систему управления социальной средой организации, способную адаптироваться к изменениям и минимизировать социальные и иные риски.

Таблица 3

Особенности социального контроля и аудита в организации

Направленность	Социальный контроль	Связь через социальный аудит
Цели и нормы	Устанавливает цели, нормы и стандарты поведения	Оценка понятности актуальность норм, целей, реалистичность задач
Эффективность	Применяет механизмы для достижения соответствия	Измеряет эффективность механизмов позитивного поощрения и негативного подкрепления
Дисфункции и риски	Выявляет нарушения	Диагностирует скрытые дисфункции: групповое сопротивление, саботаж, «подмена» целей
Организационная структура	Является частью культуры	Изучает и оценивает состояние организационной культуры, формальных правил
Обратная связь	Обладает ограниченной обратной связью «снизу — вверх»	Создает легитимный и системный канал для получения анонимной и честной обратной связи о недостатках в системе контроля

Современный менеджмент и социология управления предлагают формальные и неформальные инструменты вышеназванного симбиоза. Итак, формальные инструменты официально закреплены институциональными механизмами, они рациональны, безличны и обязательны для всех, однако не способны дать полноценной обратной связи:

1. Правила внутреннего распорядка четко прописывают время работы, перерывы, обязанности и запреты.

2. Должностные инструкции / KPI формализуют ожидания сотрудников, их зоны ответственности и измеримые показатели.

3. Организационная структура включает иерархию, схемы подчинения, коммуникации, система принятия решений.

4. Система вознаграждений и санкции: принципы и условия премирования, бонусного поощрения, повышения по должности.

5. Политика и регламенты объединяет в себе корпоративные кодексы, политику безопасности, антикоррупционную политику, регламенты согласования документов.

6. Бюджетирование и планирование формируют систему контроля за расходование бюджетных средств.

«Неписанные» неформальные правила работают в небольших организациях с настроенным сарафанным радио и зачастую намного мощнее формальных [15]. При грамотном их использовании эффективно регулируются межличностные отношения и появляются возможности еще больше сплотить коллектив. Сюда социологи включают:

- корпоративную культуру (совокупность ценностей, убеждений, верований), которая определяет «у нас принято так...»;
- традиции, то есть негласные правила, например, «уходить позднее начальника», «в пятницу кэжуал день», «начальник не любит сплетни про него», «в пятницу — коллективом в бар»;
- неформальные лидеры и авторитеты, чье мнение важно благодаря личным качествам, независимо от должности;
- социальное одобрение и порицание, например, похвала и поддержка, буллинг, игнорирование, насмешки, бойкот как мощный инструмент давления;
- слухи и сарафанное радио быстрее формальных коммуникаций передают информацию и формируют общественное мнение [8, 16].

Именно неформальные правила и коммуникации выступают механизмом обратной связи, то есть частью социального аудита в организации. Если социальный контроль — это процесс управления, то аудит — это его «снимок» или «отпечаток». Формальные инструменты формируют систему социального аудита: сбор отчетности и оценка персонала. Однако интересны используемые топ-менеджментом и работниками среднего звена неформальные инструменты, не всегда законные, но дающие более реалистичные результаты. Иногда их еще называют «выход в народ» [12].

В работе, где носителем информации выступает человек, возникают трудности, обоснованные субъективизмом как субъекта, так и объекта исследования. Анализ теоретических аспектов социальных исследований и практический опыт аудиторских компаний в исследовании социальной среды позволил сформулировать ряд трудностей исследования:

1. Методологические трудности. Во-первых, сложность объективизации понятий, таких как лояльность, доверие, психологический климат. Их можно измерить че-

рез косвенные индикаторы, например, текучесть кадров, ответы в анонимных опросах, наблюдение. Во-вторых, отсутствие единых стандартов, то есть метрик, эталонов для оценки. В-третьих, динамичность и изменчивость объекта. Социальная среда нестабильна, она меняется как под влиянием внутренних факторов (смена руководства, реорганизация, приход нового сотрудника), так и под влиянием внешних (экономическая ситуация). В-четвертых, влияние субъективности самого исследователя, где интерпретация данных, особенно качественных, зависит от личного опыта и установок аудитора.

2. Инструментальные трудности. Риск желательных ответов, когда работник не дает искреннего ответа, а выбирает социально одобряемые, опасаясь настроить менеджмент против себя. Эффект Хоторна возникает у работника, когда он знает об исследовании и меняет поведение на более осознанное и правильное. Сложность доступа к репрезентативной выборке, особенно для компаний, разрозненных территориально.

3. Этические и конфиденциальные трудности заключаются, во-первых, в том, что менеджмент опасается «выноса» информации наружу, во-вторых, в том, что работники ожидают после исследования изменений к лучшему. Потому уже в процессе аудита само руководство начинает оказывать сопротивление, блокировать, скрывать невыгодные результаты.

4. Трудности анализа и интерпретации состоят, во-первых, в сложности совмещения количественных и качественных данных (цифры из анкет и эмоции из интервью), во-вторых, в переходе от диагностики («что плохо») к конкретным реализуемым советам по улучшению социальной среды («что делать») — и это, пожалуй, самая сложная задача аудитора.

Для анализа и дальнейшей формализации программы аудита социальной сферы объектом исследования выступила многопрофильная компания ООО «СР» с 5 филиалами в России. Ее деятельность представлена строительными работами по полному оснащению инфраструктуры для предприятий нефте- и газодобывающей промышленности с нуля, полным циклом восстановительных работ на новых территориях (тендер 2025 года).

Компания обладает разветвленной сетью, что обуславливает наличие территориально удаленных подразделений, объектов строительства и обслуживания. Все это создает дополнительные вызовы для формирования корпоративной культуры и эффективных коммуникаций. Материально-техническая база включает более 500 единиц техники (грузовые автомобили, спецтранспорт), что требует специальной квалификации от работников и предъявляет высокие требования к безопасности и координации. Общая численность персонала — 1 230 человек (на 1.01.2025), структура неоднородна, что является ключевым фактором в исследовании социальной среды и требует дифференцированного подхода:

- водители и работники, занятые в логистике, строительстве и ремонтных работах, непосредственно участвуют в производственном процессе, часто работают автономно, вдали от офиса (ППП, занятый в полевых работах вахтовым методом);

- диспетчеры, выполняющие функции координации и находящиеся на стыке между водителями, отделами логистики и МТО, руководством (нередко, ГИБДД и Министерством транспорта РФ);
- офисные работники, сосредоточенные в основном/головном офисе, — представители топ-менеджмента, административного персонала, подразделения ИТ, МТО и технического обеспечения, представители сбыта и логистики, осуществляющие связь между клиентами, подрядчиками, филиалами и руководством.

Цель исследования — выявление причин нарушений сроков в логистике, доставке строительных материалов в удаленные районы. В связи с чем изучались факторы социальной среды, в частности организация коммуникаций между головным офисом (диспетчерами, службами логистики), диспетчерами, водителями в отдаленных районах. Нарушение сроков поставки грузов, задержка грузоперевозок (по разным причинам) предусматривают штрафные санкции для водителей, что в итоге привело к увеличению текучести водителей и работников технического обслуживания технологического транспорта. Задержка в сроках строительства оборачивается штрафными санкциями для компании.

Исследование базируется на анализе данных социальной политики компании. Методы изучения социальной среды включали анкетирование работников, анализ официальных чатов, сводные данные по кадровому учету и отчетности за 3 года. Было проведено пилотное социологическое исследование. На первом этапе проанализирована статистика по нарушениям и текучести среди водителей, диспетчеров и связанных с ними работников. Далее изучена оценка социальной среды. Естественно, в исследование вошли не все факторы, а только те, которые провоцируют проблемы нарушений, текучести и в итоге ущерба для компании. Рассматривались вопросы социально-психологического климата среди работников отдаленных территорий (вахты) и рассчитывался показатель eNPS.

На втором этапе проводилось исследование в форме фокус-группы с водителями и диспетчерами для выявления эффективности формального и неформального контроля, «болевых точек» в профессиональных отношениях и трудностей коммуникаций при передаче информации.

На третьем этапе предполагается разработка унифицированной формы проведения социального аудита для распространения на другие территории и объекты строительства.

Характеристика методики и выборочной совокупности:

- опрос представлен в электронном виде, что обеспечило участие всех респондентов, включая тех, кто находился в рейсе, отпуске, на больничном, участвовали в исследовании;
- опрос выполнен в форме анкетирования через Google Forms;
- исследование охватило работников, задействованных в Республике Саха, поскольку на сегодняшний день это самый труднодоступный район строительства с не-

достаточной развитой дорожной инфраструктурой и именно из него поступает наибольшее число нарушений и жалоб;

- в анкетировании приняли участие: 78 водителей, 32 работника по обслуживанию технологического транспорта (ТО), 28 работников погрузочно-разгрузочных работ (ПГР) (все мужчины) и 13 диспетчеров (3 диспетчера имеют локацию в Тюмени, 10 диспетчеров — в Республике Саха, 100 % — женщины);

- выборочная совокупность совпала с генеральной, всего в опрос был вовлечен 151 респондент.

Качественные и количественные характеристики совокупности из 151 респондента:

- 13 женщины (8,6 %;) в возрасте от 30 до 44 лет — 8 чел., от 45 до 50 — 5 чел.; стаж работы у всех более 3 лет.

- 148 мужчин в возрасте: от 25 до 34 лет — 72 чел.; от 35–44 лет — 66 чел., от 45 до 60 лет — 10 человек. Неравномерное распределение по возрастам связано со специальными медицинскими требованиями и отсутствием хронических заболеваний. Стаж работы: до 3 лет — 16 чел., более 3 лет — 132 чел.

Анкетирование включало 2 блока вопросов:

1. Общая оценка атмосферы в коллективе.
2. Взаимодействие и коммуникация.

Для начала респондентам были заданы как закрытые с балльной оценкой, так и открытые вопросы по оценке атмосферы в коллективе и в общении «диспетчер — водитель», «водитель — работник ТО», «водитель — работник ПГР». Предлагалось оценить атмосферу по 5-ти балльной системе (1 — негативная, недружелюбная атмосфера в коллективе; 2 — в целом всем все равно, 3 — терпимо, можно работать, общаясь только по делу; 4 — если попросишь, то помогут, 5 — есть поддержка, наставничество, помощь). Кроме того, предлагалось дать комментарий для оценки 1.

Результаты:

- Как негативную и недружелюбную атмосферу в коллективе оценили 16 водителей (10,8 %) со стажем до 3-х лет работы в компании. Отмечено, что более взрослые водители не помогают с документооборотом в нестандартных ситуациях, диспетчеры в головном офисе не всегда понимают водительский сленг и порой сложно объяснить проблему.

- Также оценили атмосферу как негативную диспетчеры — 7 респондентов (53,8 %), из которых 3 — в головном офисе и 4 — в Республике Саха. В качестве аргументов они привели «грубость, раздражительность водителей, работников технического обслуживания, объяснение проблем нецензурными словами».

- Работники погрузочно-разгрузочных работ выделили «нетерпимость водителей, требования поторопиться в грубой форме», несмотря на то, что погрузочно-разгрузочные работы идут в срок.

На следующий вопрос «Чувствуете ли вы себя частью общей команды?», невзирая на сложившуюся атмосферу, большая часть исследуемых групп работников — 132 человека — ответила «Да».

Далее предлагалось выбрать близкую конкретному респонденту позицию по системе «Согласен — Не согласен». Результаты: «Да, безусловно» — 95 респондентов (59 %), «Скорее да, чем нет» — 37 (22,9 %), «Затрудняюсь ответить» — 3 (новички со стажем работы в организации менее года), «Скорее нет, чем да» — 20 (12,4 %), «Нет, чувствую себя отчужденно» — 6 (3,7 %).

Блок 2 включал 3 вопроса. На первый: «Насколько четко и своевременно вы получаете информацию от диспетчеров (для водителей, работников ПГР и ТО) / от водителей и работников ПГР и ТО (для диспетчеров)?» предлагалось четыре варианта ответа и свой (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Насколько четко и своевременно вы получаете информацию...?»

Вариант ответов	Диспетчеры от водителей, работников ПГР и ТО (чел., %)	Водители, работники ПГР и ТО от диспетчеров (чел., %)
Информация всегда четкая и своевременная	0	27 (18,2 %)
Информация четкая, но бывают задержки и неточности	0	32 (21,6 %)
Редко обращаюсь, поэтому затрудняюсь ответить	0	0
Часто возникают проблемы с коммуникацией	4 (30,7 %)	37 (25,0 %)
Информация несвоевременная, и / или неполная, отсутствует четкая формулировка	9 (69,2 %)	52 (35,1 %)

В своем варианте водители отмечают:

- диспетчеры головного офиса игнорируют проблемы и переводят решение на местных диспетчеров;
- диспетчеры женщины не знают профессиональной терминологии, особенности по технической составляющей автомобильного и грузового транспорта;
- с диспетчерами-женщинами, по положительным впечатлениям водителей и работников ТО и ПГР, общаться приятно, они не против обсудить темы вне профессионального поля.

Следующий вопрос 2-го блока звучал так: «Как чаще всего решаются спорные или конфликтные ситуации между сотрудниками?». Ответы представлены в процентах диаграмме (рис. 3).

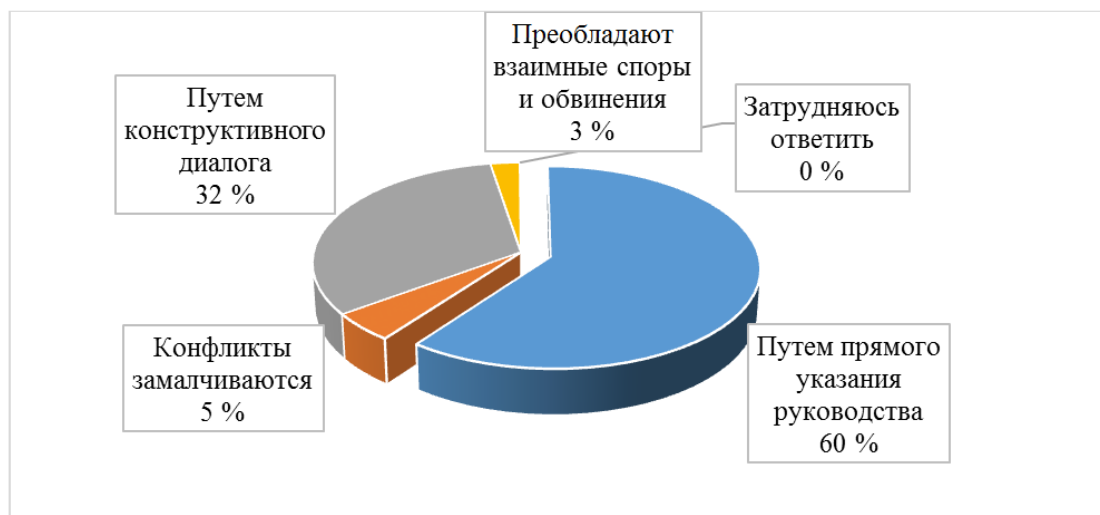

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Как чаще всего решаются спорные или конфликтные ситуации между сотрудниками?», %

В форме комментария приводится, что «замалчивается проблема, если ее возможно решить на месте»; «конструктивный диалог возникает, когда в конфликт "втягивается" диспетчер из головного офиса»; споры и конфликты чаще возникают между водителями и работниками ПГР и ТО во время вынужденного простоя (по техническим причинам или задержке работ и / или грузов).

Третий вопрос был открытым: «Поддерживают ли вас коллеги в сложных или нестандартных рабочих ситуациях (поломка на маршруте, срочный заказ, сложная погода)?». Ответы на него были объединены в 3 группы:

1. «Да, я могу рассчитывать на поддержку и помощь, но необходимо согласовать с руководством» — так ответили 106 чел. (71,6 % из числа водителей, работников ПГР и ТО).
2. «В большинстве случаев найду поддержку, но чаще приходится решать самостоятельно» — 35 чел. (23,6 %).
3. «Редко, практически всегда в одиночку, либо через головной офис» — 7 чел. (4,7 %).

Вариант ответа «Редко» требовал пояснения. Из полученного комментария следовало, что специфика квалификации и редкость профессии не позволяют иметь специалистов такого уровня более одного человека на одном объекте.

По результатам обоих блоков были рассчитаны показатели лояльности eNSP (Employee Net Promoter Score). Показатель eNSP представляет собой разницу между долей положительно настроенных работников и негативно относящихся к другим сотрудникам. Расчет выполнен по ответам на первый вопрос (см. выше) по шкале от 0 до 5, где 1 — «полностью согласен», 5 — «полностью не согласен».

По итогам степень лояльности диспетчеров по отношению к водителям составила 4–5 баллов, оценка водителей по отношению к диспетчерам — 3–4 балла, процент низкой оценки отсутствует.

Дальнейшая обработка ответов позволила сформировать 3 группы работников: лояльные — 24,6%, нейтральные — 32,4 %, негативно настроенные — 26,8 %.

$$\text{Расчет eNSP} = 24,6 \% - 26,8 \% = -2,2 \ \%.$$

Интерпретация результатов расчетного показателя:

- от +50 до +100: высокий уровень лояльности;
- от +20 до +49: здоровая атмосфера;
- от 0 до +19: ситуация не критична, но требует внимания;
- от 0 до –99: серьезная проблема с корпоративной культурой и отношениями в коллективе.

Итак, показатель лояльности в компании равен 2,2, то есть требуется вмешательство руководства в изменение климата компании и решение проблем личных и профессиональных взаимодействий.

Сложился ряд взаимосвязанных проблем, которые компании вполне по силам решить: повышение степени лояльности «диспетчер — водитель» через улучшение коммуникации, ликвидация информационного вакуума; повышение профессиональной грамотности для диспетчеров, освоение терминологии, связанной с функционированием специального транспорта и логистики; организация дежурных диспетчеров на случай форс-мажорных обстоятельств в нерабочее время; четкая регламентация времени погрузочно-разгрузочных работ с учетом эффективного рабочего времени в пути и отдыха водителей (выезд транспорт утром); официальная и оплачиваемая система наставничества для молодых работников.

Выводы

Функциональная эффективность организации является производной не только от структурной составляющей (социальной инфраструктуры), от ее компактности, рационального распределения функций, но и от социальных взаимодействий. Именно в организации на мезоуровень социальная среда связывает микроуровень (индивида, малые группы) с макроуровнем (внешняя среда). На этом уровне формируются и переплетаются взаимосвязи личного и профессионального характера, создается локальная среда организации (подразделения и отделы, проектные и функциональные команды, территориальные и филиальные структуры, неформальные группы по интересам).

Одна из стратегических задач управления в организации — работа с объектами и факторами социальными среды, где инструментами изучения служат социальный контроль и социальный аудит, образуя замкнутый контур управления социальной средой. Так, социальный контроль выступает регулирующей подсистемой, как функцией, дей-

ствующей в организации, а социальный аудит — диагностической и информационной подсистемой, обеспечивающей обратную связь.

Представленное исследование, пилотное на сегодняшний день, показало актуальность дальнейшего изучения социальной среды компании, имеющей рабочие места в труднодоступных районах. Преодоление географической и психологической дистанции между удаленными филиалами и головным офисом возможно через реформирование социальной среды, которая повышает лояльность работников, дает ощущение команды и улучшает эффективность компании. Серьезной болевой точкой для организации является транспортная логистика к отдаленным местам строительства, где наибольшая часть проблем связана со взаимодействиями между работниками диспетчерских служб, водителей, работников ТО и ПГР.

Результаты подтвердили существование ряда взаимосвязанных проблем, требующих организационно-управленческих решений, оперативного реагирования и обратной связи в режиме онлайн:

- оптимизация взаимодействия между диспетчерской службой и водительским составом, что предполагает, по мнению автора, совершенствование коммуникационных каналов для минимизации информационных разрывов и повышения взаимной лояльности. Автором определены дальнейшие действия: выбор и внедрение программного обеспечения (Omnicomm с поддержкой спутниковой системы «ГЛОНАСС» через «Росдормониторинг») для организации и онлайн-сопровождения транспорта по всему маршруту;
- развитие профессиональных компетенций диспетчеров, в частности, организация дополнительного обучения по освоению специализированной терминологии в области логистики и эксплуатации транспорта на базе требований Министерства транспорта Российской Федерации (приказ от 29.12.2020 № 578);
- создание системы оперативного реагирования на нештатные ситуации, введение дежурства в нерабочее время с целью непрерывного управления при возникновении форс-мажорных обстоятельств.

Для повышения лояльности в коллективе и снижения уровня конфликтности необходима более четкая регламентация логистических процессов с нормированием временных затрат на погрузо-разгрузочные работы с учетом баланса рабочего времени и режима труда и отдыха водителей. Кроме того, в рамках социальной политики целесообразно предусмотреть внедрение официально закреплённой и оплачиваемой программы наставничества. Эта мера будет способствовать эффективной адаптации и закреплению молодых специалистов, что приобретает значимость в условиях работы в отдалённых регионах.

Список источников

1. Никандрова, Н. П. Изучение социальной среды организации (на примере Саянской дистанции пути) / Н. П. Никандрова. – Текст : непосредственный // Вестник СГУПС. – 2020. – Вып. 25. – С. 115–117.

2. Садыков, Р. М. Социальные факторы развития организации в условиях социализации экономики / Р. М. Садыков. – DOI 10.24412/2411-0450-2021-6-2-177-181. – Текст : непосредственный // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 6-2 (76). – С. 177–180.
3. Александров, А. Б. Факторы внешней среды и их влияние на деятельности организации / А. Б. Александров. – Текст : непосредственный // Теория и практика современной науки. – 2018. – № 3(33). – С. 128–133.
4. Урмина, И. А. Социокультурная среда современной организации. / И. А. Урмина. – Текст : непосредственный // Культурологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 13–20.
5. Сычева, И. В. Исследование содержания категории «социальная инфраструктура». / И. В. Сычева, Н. А. Сычева. – Текст : непосредственный // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2012. – № 3. – С. 21– 27.
6. Омарова, К. А. Социальные факторы повышения эффективности управления предприятиями малого и среднего бизнеса в сфере услуг / К. А. Омарова. – Текст : непосредственный // Экономика, управление, финансы: материалы I Международной научной конференции. – Пермь : Меркурий, 2011. – С. 91–93.
7. Слободчиков, Т. Е. Взаимосвязь социальной инфраструктуры и социальной политики предприятия / Т. Е. Слободчиков – Текст : непосредственный. // Аллея Науки. – 2022. – № 4(67). – С. 32–38.
8. Береговая, Е. Б. Социальный капитал некоммерческой организации как ресурс повышения эффективности ее деятельности / Е. Б. Береговая, И. В. Жгенти, О. В. Стукалова. – Текст : непосредственный // Казанский педагогический журнал. – 2022. – № 4. – С. 279–283.
9. Огородникова, Е. П. Конкурентоспособность кадровой политики как фактор социальной инфраструктуры организации. / Е. П. Огородникова. – Текст : ный. // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2021. – № 6. – С. 105–111.
10. Зборовский, Г. Е. История социологии: классический этап : учеб. для вузов / Г. Е. Зборовский, ГОУ ВПО ХМАО — Югры «Сургут. гос. пед. Ун-т», Урал. федерал. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – 2-е изд. испр. и доп. – Сургут : РИО СурГПУ, 2014. – 211 с. – Текст : непосредственный.
11. Скифская, А. Л. Неформальные отношений в организации / А. Л. Скифская , А. Л. Колтунов, Д. А. Мостовая. – DOI 10.31660/1993-1824-2024-2-65-79– Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – № 17(2). – С. 65–79.
12. Чайковский, Д. В. Современные подходы к оценке качества социальной среды на промышленных предприятиях. / Д. В. Чайковский, Е. В. Родионова. – Текст : непосредственный. // Технология текстильной промышленности. – 2014. – № 4 (352). – С. 163–166.
13. Беляева, М. В. Технологии цифрового аудита и цифрового контроллинга как стратегический инструмент совершенствования системы управления крупными промышленными предприятиями / М. В. Беляева. – Текст: непосредственный // Экономика и социум : современные модели развития. – 2018. – Т. 8, № 1. – С. 52–67.
14. Наумова, Г. В. Методы изучения социальной среды организации / Г. В. Наумова, О. В. Колесник. – Текст : непосредственный // Научные труды вольного экономического общества России. – 2009. – Т. 109. – С. 202–211.
15. Логинова, О. Г. Социальная среда и удовлетворенность трудом : сравнение отечественного и зарубежного опыта / О. Г. Логинова, А. О. Федореева. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – № 3 (137). – С. 355–358.

16. Доценко, И. В. Развитие социальной среды организации / И. В. Доценко, Н. С. Гришкова. – Текст : непосредственный // Современные наукоемкие технологии. – 2014. – № 7. – С. 33–34.

References

1. Nikandrova, N. P. (2020). Studying the social environment of an organization (on the example of the Sayan way distance). *Bulletin of the SSUPSA*, (25), pp. 115-117. (In Russian).
2. Sadykov, R. M. (2021). Social factors of the organization's development in the conditions of economic socialization. *Economy and business: theory and practice*, 6(76), pp. 177-180. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-6-2-177-181. (In Russian).
3. Alexandrov, A. B. (2018). Environmental factors and their impact on the organization's activities. *Theory and practice of modern science*, 3(33), pp. 128-133. (In Russian).
4. Urmina, I. A. (2012). Sociocultural environment of a modern organization. *Cultural Studies Journal*, (3), pp.13-20. (In Russian).
5. Sycheva, I. V., & Sycheva, N. A. (2012). Research of the Content of the Category "Social Infrastructure". *Izvestiya of Tula State University. Economic and Legal Sciences*, (3), pp. 21-27. (In Russian).
6. Omarova, K. A. (2011). Social Factors in Improving the Efficiency of Small and Medium-Sized Business Management in the Service Sector. *Economics, Management, and Finance: Proceedings of the First International Scientific Conference*, Perm, Mercury Publ., pp. 91-93.
7. Slobodchikov, T. E. (2022). The Relationship between Social Infrastructure and Enterprise Social Policy. *Alley of Science*, 4(67), pp. 32-38. (In Russian).
8. Beregovaya, E. B., Zhgenti, I. V., & Stukalova, O. V. (2022). Social Capital of a Non-Profit Organization as a Resource for Increasing the Efficiency of Its Activities. *Kazan Pedagogical Journal*, (4), pp. 279-283. (In Russian).
9. Ogorodnikova, E. P. (2021). Competitiveness of Personnel Policy as a Factor of the Organization's Social Infrastructure. *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*, (6), pp. 105-111. (In Russian).
10. Zborovsky, G. E. (2014). History of sociology: the classical stage. Surgut, RIO SurG-PU Publ., 211 p. (In Russian).
11. Skifskaya, A. L., Koltunov, A. L., & Mostovaya, D. A. Informal relations in an organization. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, 17(2), pp. 65-79. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2024-2-65-79
12. Tchaikovsky, D. V., & Rodionova, E. V. (2014). Modern Approaches to Assessing the Quality of the Social Environment at Industrial Enterprises. *Technology of the Textile Industry*, 4 (352), pp.163-166. (In Russian).
13. Belyaeva, M. V. (2018). Digital audit and digital controlling technologies as a strategic tool for improving the management of large industrial enterprises. *Economics and society: contemporary models of development*, 8(1), pp. 52-67. (In Russian).
14. Naumova, G. V., & Kolesnik, O. V. (2009). Methods of Studying the Social Environment of an Organization. *Nauchnye trudy vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, (109), pp. 202-211. (In Russian).
15. Loginova, O. G. & Fedoreeva A. O. (2017). Social Environment and Work Satisfaction: A Comparison of Domestic and Foreign Experience. *Young Scientist*, 3 (137), pp. 355-358. (In Russian).

16. Dotsenko, I. V. & Grishkova. N. S. (2014). Razvitie sotsial'noy sredy organizatsii. Sovremennye naukoemkie tekhnologii, (7), pp. 33-34. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Скифская Анна Леонидовна, кандидат социологических наук; доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, skifskajaal@tyuiu.ru, ORCID : <https://orcid.org/0000-0002-2461-9030>

Anna L. Skifskaya, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, skifskajaal@tyuiu.ru, ORCID : <https://orcid.org/0000-0002-2461-9030>

Гюрджинян Александр Сергеевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Alexnadr S. Gyurdzhinyan, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 24.11.2025.
The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Научная статья / Original research article
УДК 316.482.051.63
DOI:10.31660/1993-1824-2025-4-121-133
EDN: SQSRPE

Источники межпоколенческих конфликтов вузовских образовательных общностей (по материалам эмпирического исследования)

Н. В. Шаброва

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация
n.v.shabrova@urfu.ru

Аннотация. Без сплочения и солидаризации поколенческих общностей высшего образования затруднительно решение задач, возложенных на высшую школу. Вместе с тем в последние годы все чаще фиксируются кризис и разбалансированность системы поколенческих взаимодействий в университетах. Цель статьи — анализ источников межпоколенческих конфликтов вузовских образовательных общностей. Среди научно-педагогических и административно-управленческих работников вузов Уральского федерального округа был проведен опрос в форме полуструктурированного интервью, сфокусированного на проблемах взаимодействия поколений в университетском сообществе (май — июль 2025 года, n=41). Показано, что межпоколенческие конфликты в вузах носят латентный характер. Основными субъектами межпоколенческих конфликтов выступают старшее и молодое поколение. Выделены две группы источников подобных конфликтов: социально-психологические и социальные. Отмечается важность социальных источников конфликтов, поскольку они обусловлены ценностным и институциональным контекстами межпоколенческого взаимодействия. Новизна исследования заключается в выявлении источников межпоколенческих конфликтов вузовских работников для разработки комплексной и дифференцированной политики возраста.

Ключевые слова: поколение, поколенческие общности, межпоколенческое взаимодействие, социальный конфликт, межпоколенческий конфликт, источники конфликтов

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00206, <https://rscf.ru/project/25-18-00206/>

Для цитирования: Шаброва, Н. В. Источники межпоколенческих конфликтов вузовских образовательных общностей (по материалам эмпирического исследования) / Н. В. Шаброва. — DOI 10.31660/1993-1824-2025-4-121-133 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2025. — № 4. — С. 121–133. — EDN: SQSRPE

Sources of intergenerational conflicts of university educational communities (based on empirical study)

Nina V. Shabrova

Department of Sociology and Technologies of Public Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation
n.v.shabrova@urfu.ru

© Н. В. Шаброва, 2025

Abstract. Solving issues of higher education requires cohesion and solidarity among different generational groups. In recent years, however, universities have increasingly encountered a crisis and imbalance of the system in intergenerational relations. The aim of this paper is to analyze the sources of intergenerational conflicts within university educational communities. To achieve this aim, the author conducted a survey involving scientific and pedagogical workers and administrative and management personnel in universities of the Ural Federal District. The survey focused on the issues surrounding intergenerational interaction within the university community (May — July 2025, n = 41). The study reveals that intergenerational conflicts in universities are latent. The key subjects in these conflicts are the older and the younger generations. The author's study identified two groups of sources of these latent intergenerational conflicts: socio-psychological and social. The paper highlights the significance of social sources, because they are due to the value and institutional contexts of intergenerational interaction. Scientific novelty consists in identifying the sources of intergenerational conflicts among university workers for the development of a comprehensive and differentiated age policy.

Key words: generation, generational communities, intergenerational interaction, social conflict, intergenerational conflict, sources of conflict

Acknowledgements: The study was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 25-18-00206, <https://rscf.ru/project/25-18-00206/>

For citation: Shabrova, N. V. (2025). Sources of intergenerational conflicts of university educational communities (based on empirical study). *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 121-133. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2025-4-121-133

Введение

В современных условиях развитие российского высшего образования требует интеграции и солидаризации университетского сообщества. Одним из векторов такой солидаризации выступает конструктивное взаимодействие представителей разных поколений вузовских общностей — научно-педагогических и административно-управленческих работников, студентов.

Межпоколенческий и внутривпоколенческий консенсус в университетском сообществе служит фундаментальной основой развития его человеческого капитала, привлекательности вузов за счет создания комфортной и дружелюбной академической среды, обеспечивающей высокое качество межпоколенческого и внутривпоколенческого, межобщностного и внутривобщностного взаимодействия [1].

Между тем исследователи все чаще фиксируют кризис, разбалансированность системы поколенческих взаимодействий, вертикальных и горизонтальных отношений как внутри поколенческих общностей, так и между ними. Усиливается межпоколенческая и внутривпоколенческая фрагментированность университетского сообщества, ценностные разрывы [2, 3], нарастает взаимное игнорирование интересов и потребностей разных поколенческих общностей [4–6], распространяется межпоколенческая нетерпимость, конкуренция, негативные возрастные стереотипы [7–9]. Проявление названных аномалий способствует возникновению и эскалации межпоколенческих конфликтов.

В научной литературе сложилось два ключевых подхода к трактовке социального конфликта: как негативного и как позитивного явления. Сторонники первого взгляда на конфликты считают, что те вносят в жизнь общества хаос, беспорядок и иные пато-

логические явления. Э. Дюркгейм противопоставлял конфликту необходимость стремления к социальному порядку, основанному на органической солидарности [10].

Сторонники второго подхода, в частности Л. Козер вслед за Г. Зиммелем, отмечали целый ряд позитивных функций конфликта [11]:

- конфликт не всегда дисфункционален, часто он необходим для сохранения системы;
- конфликт служит установлению и поддержанию самоидентичности и границ обществ и групп;
- конфликт с другими группами способствует упрочению и подтверждению идентичности группы и сохранению ее границ в отношении окружающего социума.

Кроме того, по мнению Л. Козера, нужно различать конфликт и враждебное отношение, потому что «конфликт — это всегда социальное взаимодействие, тогда как отношение или чувство представляют собой только предрасположенность к действию» [11]. Предрасположенность к конфликту необязательно приводит к конфликту, иногда она выступает промежуточной переменной, влияющей на возникновение конфликта, и определяется степенью и способами легитимации власти и системы статусов.

Полагаем, для понимания роли межпоколенческого конфликта в системе высшего образования необходим анализ того, что лежит в основе социальной напряженности, конфликтности между поколениями университетского сообщества. Поэтому цель нашей статьи — анализ источников межпоколенческих конфликтов вузовских образовательных общностей.

Материалы и методы

Эмпирической основой статьи служат результаты исследования, проведенного в мае — июле 2025 года. Метод сбора информации — полуструктурированное интервью, сфокусированное на проблемах взаимодействия поколений в университетском сообществе. В качестве информантов выступили представители общностей научно-педагогических (НПР) и административно-управленческих работников (АУР) вузов Уральского федерального округа (УрФО) (n = 41 чел.).

Отбор представителей НПР (n = 20 чел.) осуществлялся в соответствии с тремя критериями: работа в вузе, расположенном в регионе УрФО¹, тип вуза², дисциплинар-

¹ Количество опрошенных НПР по региону определялось количеством вузов в регионе и численностью студентов в них. Распределение информантов по регионам: Свердловская область — 9 чел., Челябинская область — 6 чел., Тюменская область — 2 чел., ХМАО — 2 чел., Курганская область — 1 чел. НПР из ЯНАО не вошли в выборку, поскольку в регионе отсутствуют самостоятельные вузы.

² Был применен стихийный гнездовой отбор вузов разных типов (с особым статусом — федеральный, национальный исследовательский, опорный университет, университет-участник программы «Приоритет-2030»; без особого статуса — остальные). Распределение информантов по типу вуза: НПР из вузов с особым статусом — 10 чел., НПР из вузов без особого статуса — 10 чел.

ный профиль³. Отбор представителей АУР (n = 21 чел.) проводился так же по трем критериям: работа в вузе, расположенном в регионе УрФО⁴, тип вуза⁵, уровень управления⁶. Количественные параметры выборки определялись моментом получения повторяющейся информации.

Гайд интервью включал блоки вопросов, нацеленных на выявление общих проблем межпоколенческих взаимодействий в университете, источников социальной напряженности в межпоколенческих взаимодействиях представителей общностей НПР и АУР и возможностей регулирования межпоколенческих взаимодействий в вузах.

Результаты и обсуждение

Анализ результатов исследования хотелось бы начать с того, что подавляющее большинство НПР и АУР при ответе на прямой вопрос о характере межпоколенческих отношений отмечали отсутствие явного конфликта поколений, а возникающие противоречия связывали скорее с индивидуально-личностными особенностями:

«Я не вижу массовых конфликтов. Они, конечно, бывают на индивидуальном уровне, и без этого, наверное, тоже никак не обойтись. Все люди разные своими личностными характеристиками. Но в целом, как мне кажется, мы в более-менее гармоничном состоянии.... Система более-менее нормально функционирует. И по крайней мере за десять — пятнадцать лет у нас не было каких-то массовых конфликтов в университете» (муж., 61 год, ректор, канд. ист. наук, стаж работы в вузе – 25 лет).

О наличии явного межпоколенческого конфликта образовательных общностей сказало лишь 5 информантов из 41. Прежде чем обозначить конкретные источники таких конфликтов, по мнению опрошенных, следует отметить несколько моментов. Первый обусловлен возрастом информантов: 2 — представители молодого поколения и 3 — среднего. Второй связан с теми образовательными общностями, о конфликте между которыми говорили информанты: 1 — о межобщностном конфликте (студентов и преподавателей), а 4 — о внутриобщностном конфликте (в общностях НПР и АУР соответственно). Третий — с поколениями, находящимися в конфликте. Все 5 информантов говорили о конфликте старшего и молодого поколений.

³ Был использован укрупненный подход к дисциплинарному профилю НПР (социально-гуманитарный и естественно-технический). Распределение информантов по дисциплинарному профилю: социально-гуманитарный профиль — 11 чел., естественно-технический профиль — 9 чел.

⁴ Количество опрошенных АУР по региону определялось количеством вузов в регионе и численностью студентов в них. Распределение информантов по регионам: Свердловская область — 9 чел., Челябинская область — 6 чел., Тюменская область — 2 чел., ХМАО — 2 чел., Курганская область — 2 чел. АУР из ЯНАО не вошли в выборку, поскольку в регионе отсутствуют самостоятельные вузы.

⁵ Был применен стихийный гнездовой отбор вузов разных типов (с особым статусом — федеральный, национальный исследовательский, опорный университет, университет-участник программы «Приоритет-2030»; без особого статуса — остальные). Распределение информантов по типу вуза: АУР из вузов с особым статусом — 10 чел., АУР из вузов без особого статуса — 11 чел.

⁶ Были выделены три уровня управления: высший уровень (ректор, проректор), средний (декан, директор института), низший (заведующий кафедрами). Распределение информантов по уровню управления: высший — 9 чел., средний — 6 чел., низший — 6 чел.

Главным источником явного межпоколенческого конфликта образовательных общностей, на взгляд информантов, в широком смысле выступает неуважительное отношение поколений друг к другу. Оно может иметь разные проявления и в случае взаимодействия студентов и преподавателей проявляется в существенном снижении уважения молодежи к преподавателям, усиливаемое административной поддержкой первых:

«Когда я училась, я вам про пиетет уже говорила, мы все равно уважали педагога, даже если понимали, что он с головой не дружит, что он странный, что он неадекватный. Но это же преподаватель! Ему нужно это простить. Сейчас у нас обострились эти конфликты. Доходит до того, что студенты пишут докладные на преподавателя, и преподавателя с группы снимают. Было такое, что преподавателя просто доводили, и он увольнялся. Раньше такого не было... А сейчас студенты считают, что они главные. Они могут и хамить, и грубить! И в таких конфликтных ситуациях тебя [прим. как преподавателя] развернут и зачастую встанут на сторону студента. То есть у нас вот это — главное студент, вы — никто!» (жен., 47 лет, доцент, канд. филол. наук, стаж работы в вузе – 25 лет).

Полагаем, отчасти такая ситуация сложилась в результате трансформации ценности образования: от общественного блага к услуге с одной стороны и стремлением администрации сохранить контингент студентов — с другой.

В случае внутриобщностного взаимодействия неуважительное отношение чаще испытывали представители молодого поколения со стороны старшего. Информанты отмечали стереотипное восприятие молодых управленцев как неспособных в силу своего возраста и отсутствия опыта эффективно выполнять управленческие функции. Такое восприятие приводит к отторжению старшим поколением некоторых управленческих решений молодых, отказу их выполнять, что негативным образом влияет на качество профессиональной деятельности:

«Когда я стала деканом, однозначно было предвзятое отношение. И оно было исключительно в силу возраста. Мне никто никогда не говорил о том, что сомневается в моих профессиональных качествах, но очень часто мне говорят: "Ты нам в дочери годишься", "Да ты еще девочка, да что ты можешь понимать?", — или еще что-нибудь в этом духе. Я испытывала некоторую такую дискриминацию именно по возрастному признаку. Это — сто процентов. То есть вот все отношение... Мне пришлось несколько лет доказывать, что даже в силу своего возраста я могу профессионально выполнять свои функции... Конечно, в связи с этим у нас было недопонимание, потому что все те установки [решения], которые транслировались мной, не воспринимались некоторыми членами коллектива, с которым у нас была достаточно большая разница в возрасте. Мы однозначно относились к разным поколениям, и в силу этого даже... был такой саботаж или тихая забастовка, когда как бы условно-формально установка принимается, а на практике не реализуется... Люди не выполня-

ли своих трудовых функций, и двойная нагрузка ложилась на совершенно других людей для того, чтобы эти все негативные последствия нивелировать» (жен., 36 лет, профессор по научной работе, канд. социол. наук, стаж работы в вузе — 15 лет).

Некоторые информанты говорили о неуважительном и даже потребительском отношении старшего поколения к молодому в рамках выполнения рутинной преподавательской работы:

«Если ты ассистент, молодой преподаватель, значит, ты помоги мне завести электронный курс, помоги мне завести журналы, оформить систему, создать форму... и пятое, десятое, чуть ли не "помоги мне такси вызвать". Это какое-то такое потребительское отношение в плане традиционной иерархии, которая выстраивается. Я там выдающийся ученый, а ты там молодой еще такой... Вот, давай...» (муж., 37 года, ст. преподаватель, без уч. степени, стаж работы в вузе — 14 лет).

Несмотря на незначительное число информантов, отметивших наличие явного конфликта поколений образовательных общностей, большинство опрошенных говорили если не о латентном конфликте, то по крайней мере о социальной напряженности между поколениями. Анализ источников такой напряженности позволил объединить их в две группы. К первой группе отнесены источники социальной напряженности, имеющие социально-психологическую природу, а ко второй — социальную.

Говоря о социальной напряженности в межпоколенческих взаимодействиях, в основе которой лежат социально-психологические аспекты, информанты отмечали влияние психофизиологических особенностей представителей старшего и молодого поколения. В частности, опрошенные акцентировали внимание на противоречии в восприятии и обработке информации:

«В своей работе я чувствую межпоколенческие конфликты, некоторые проблемы. Они завязаны просто на восприятии информации. В силу своих психологических... возрастных особенностей мы можем воспринимать по-разному информацию. Просто молодежь ее действительно усваивает очень быстро. Им достаточно сказать, где взять и что, и они уже понимают. Но у них проблема в том, что они ее могут не запоминать, потому что они могут обратиться вновь, знают, как это сделать. Взрослое поколение, им надо сказать несколько раз, показать, где искать. Запустить какой-то процесс, чтобы они его запомнили» (жен., 38 лет, зав. лабораторией, без степени, стаж работы в вузе — 17 лет).

Еще одним социально-психологическим источником социальной напряженности между поколениями, по мнению информантов, выступает профессиональное выгорание НПП и АУР. Увеличение нагрузки, интенсивности труда негативным образом влияют на психологическое здоровье представителей вузовских образовательных общностей, а это, в свою очередь, может сказываться на качестве межпоколенческого взаимодействия:

«Профессиональное выгорание — вот с чем просто сталкиваешься... когда люди уже устали от своей работы. Если человек профессионально выгорает, то это от-

ражается на работе. Он становится нервным, так, скажем, проявляет в том числе и скрытую агрессию, что может вызвать конфликты. Все-таки профессиональное выгорание, оно очень влияет именно на отношения людей. Когда человек находится в балансе, он может коммуницировать с другими категориями людей, людьми любого возраста» (жен., 34 года, зам. директора института по науке и инновациям, канд. техн. наук, стаж работы в вузе — 12 лет).

Вторая группа источников социальной напряженности — те, которые имеют социальную природу. Эта группа, на наш взгляд, более важна, поскольку обусловлена ценностным и институциональным контекстами межпоколенческого взаимодействия. Отметим, что данные источники проявляются прежде всего при взаимодействии старшего и молодого поколения вузовских работников.

Первая линия социальной напряженности расположена на оси «традиции — инновации». И в научной литературе, и на обыденном уровне за представителями молодого и старшего поколений закрепились свои функции [12]. Старшее поколение — хранители традиций, а молодое — инициаторы инноваций. Каждое из поколений стремится реализовать свои функции, но наталкивается на сопротивление: молодое поколение не желает следовать традициям, а старшее — принимать инновации. Приведенные ниже высказывания наших информантов иллюстрируют сделанные выводы:

«Старший коллега уволился. Я спрашиваю: "Почему же Вы ушли?". Он говорит: "Ты понимаешь, молодой ректор меня даже не позвал познакомиться!". Притом, что он [ректор] ему ничего плохого не сказал. А то, что его даже не позвали познакомиться, человек посчитал, что его обидели, и ушел... Ну то есть он считает, что этот принцип, который заложили когда-то... "ты позови, познакомься с подчиненными" был нарушен. Молодой прав в том смысле, что если он не считает нужным знакомиться, то зачем. Но это тоже, наверное, смена какой-то некой парадигмы управления, когда нам говорили, что каждого работника нужно знать в лицо. Сейчас не обязательно» (жен., 51 год, зав. каф., канд. экон. наук, стаж работы в вузе — 29 лет).

«Это самый большой конфликт! На кафедральном мероприятии обсуждаем вопросы. Я сижу и с ужасом слушаю, что говорят представители старшего поколения: запретите искусственный интеллект, еще что-то, еще что-то. Ну, как бы это... вот это называется, наверное, селекция инноваций, да? То есть вот они сидят и говорят: "А пусть своей головой думают!" и так далее... Но на самом деле это же полнейшая нелепость вот это делать. Зачем отбирать эти инновации? Пусть они будут!» (жен., 50 лет, профессор, д-р. юрид. наук, стаж работы в вузе — 28 лет).

«Очень многие идеи молодежи бывают суперинновационные, но старшее поколение вообще не хочет о них слушать, потому что это там не вяжется с какими-то их устоявшимися теоретическими воззрениями. Вот я лично с этим столкнулась, когда писала диссертацию. Я предложила ряд новаций в рамках новизны научной. И со мной ведь не соглашались, как раз-таки старшее поколение, ну и даже среднее как бы

говорило: "Ну, а ты согласна это отстаивать для защиты? Это же сложно будет". А старшее говорило: "Ну, нет, у вас конечно должна быть новизна, но это как-то... очень, очень, очень!..". Потому что молодежь предлагает что-то новое, исходя из современных реалий. А вот эти все теоретики до мозга костей, они в старшем возрасте теоретики, они не воспринимают и не допускают каких-то новшеств» (жен., 33 года, доцент, канд. юрид. наук, стаж работы в вузе — 11 лет).

Вторая линия социальной напряженности кроется в статусно-ролевом положении представителей молодого и старшего поколений. Первые — имеют ограниченный опыт, у большинства из них нет ученых степеней и званий. Вторые обладают и опытом, и знаниями, и степенями, и званиями. Такое разделение приводит к тому, что старшее поколение использует свое статусное превосходство, а молодое — не всегда готово принять его априори:

«Старшее поколение ставит во главу угла расстановки как иерархии внутри коллектива через определение лидера и планирование будущей работы. Это проявляется в позиции: "Я вчера что-то сделал замечательное, поэтому сегодня мы...". Но и здесь нужно сказать, что более современные поколения, они к этому относятся достаточно резко, то есть они не готовы смириться и согласиться с этим, как правило» (муж., 46 лет, доцент, канд. юрид. наук, стаж работы в вузе — 24 года).

«Вот конфликт — такое резкое слово, так скажем... Ну, не знаю... Мягкий конфликт, так назовем. Да, он есть между молодым поколением и старшим поколением. Если мы берем между средним поколением и старшим, то здесь больше таких личностных конфликтов, то есть все равно есть чувство собственного величия. И чем старше и заслуженнее человек, тем у него более пренебрежительное отношение к молодым идет. А молодые не заслуживают такого!» (муж., 38 лет, доцент, канд. техн. наук, стаж работы в вузе — 14 лет).

Особенно остро на статусное превосходство старшего поколения реагирует неостепененная «взрослая молодежь». Последние уже имеют опыт и преподавательской, и научной деятельности и болезненно воспринимают ситуации, когда представители старшего поколения апеллируют к своему статусу и экспертности:

«На мой совет рекомендательного характера преподаватель, представитель старшего поколения, научный руководитель, сказал мне: "Вы что, специалист в этой области? Или Вы эксперт?". Мое участие в этой защите закончилось тем, что я просто ее покинул. Просто ввиду того, что произошел вот этот межпоколенческий разрыв. Старшее поколение отказывается хотя бы частично принимать экспертность молодого поколения, среднего поколения. Отказывается принимать экспертность лишь в силу того, что "Вы же не научный руководитель, Вы не эксперт в этой теме", но при этом я эксперт в какой-то части, в которой и давал рекомендательные советы, ни к чему не обязывающие. Но это у них [старшего поколения] как будто на подкорке вот такое вот пренебрежительное отношение. Для меня конкретно дис-

комфортно со старшим поколением работать, потому что они все новое воспринимают критично. И неготовность принимать новое сопровождают таким вот поведением, такими вот выпадами: "А кто Вы такой? Когда будете научным руководителем, тогда и будете давать советы!" (муж., 37 года, ст. преподаватель, без уч. степени, стаж работы в вузе — 14 лет).

Обратим внимание на еще один аспект статусного превосходства старшего поколения, вызывающий негодование как у молодого, так и среднего поколения. Речь идет о дифференцированном подходе старшего поколения к выполнению некоторых функций. Иными словами, представители старшего поколения могут позволить себе отказаться от каких-то видов работ просто в силу своего положения:

«Я бы сказала, что это, наверно, не конфликт, это просто отказ, категорический отказ. Я не буду этого делать и все. И поскольку опять же нет механизмов какого-то воздействия, ты не можешь вовлечь человека в решение какого-то вопроса. Это старшее поколение говорит. В нашем случае это старшее говорит» (жен., 45 лет, зав. каф., канд. биол. наук, стаж работы в вузе — 24 года).

«Конфликты на работе, связанные с тем, что вот представители старшего поколения буквально отказываются, например, выполнять ту или иную работу. Говорят, что им это сложно, они в этом себя неуверенно чувствуют, им это трудно, ну, в общем, всячески избегают. Недавно был даже вот такой конфликт, когда при продлении трудового контракта вот как раз представителю старшего поколения вообще пришлось нам его, скажем так, убеждать в том, что его нежелание, например, писать новые там РПД, ФОСы отражается на нас всех... И это на самом деле не единственный случай. То есть вот такие элементы какого-то саботажа, когда человек либо нормально выполняет эту работу, либо может открыто отказываться ее выполнять, они возникают» (жен., 53 года, доцент, канд. экон. наук, стаж работы в вузе — 25 лет).

Конечно, наличие у представителей старшего поколения символического капитала, мощного научного бэкграунда дает им право выбора приоритетных направлений профессиональной деятельности. Однако, как можно заметить из последнего высказывания, использование такого права в ущерб коллективу не только вызывает у коллег негативные эмоции, но и создает реальные конфликтные ситуации.

Выводы

Проведенное исследование позволило сделать несколько выводов. Во-первых, в явной форме межпоколенческие конфликты пока не носят массового характера. Однако представители образовательных общностей НПР и АУР отмечают наличие таких конфликтов в латентной форме. Иными словами, следуя логике рассуждений Л. Козера, мы фиксируем напряженные отношения между образовательными общностями, их предрасположенность к конфликту. Этот вывод имеет важное значение, поскольку иг-

норирование существующей социальной напряженности между поколениями может привести к негативным последствиям. Эти последствия могут отразиться и на социально-психологическом климате отдельных структурных подразделений, и на качестве воспроизводства кадров высшей школы.

Во-вторых, зафиксировано, что поколениями, находящимися в конфликте, чаще являются старшее и молодое. Этот результат соответствует представлению о поколениях П. Бурдые, у которого среднее поколение отсутствует как таковое, а основное противостояние ведется между молодежью и старшим поколением [13]. П. Бурдые считал, что старшее поколение в широком смысле обладает собственностью и властью. Молодежь может претендовать на переход в старшее поколение лишь после того, как она усвоит заданные им «все рамки и модальность возрастов, то есть возраст, в котором будет «разумным претендовать» на ту или иную должность» [13]. Результаты исследования показали, что старшее поколение НПР и АУР современных российских вузов действительно формирует «рамки и модальность возрастов», однако молодое поколение не всегда готово их принять.

В-третьих, выделены источники явных конфликтов: неуважительное, потребительское отношение старшего поколения к молодому. Особое беспокойство вызывает стереотипное восприятие молодых управленцев как неспособных в силу своего возраста и отсутствия опыта эффективно выполнять управленческие функции. Вектор на воспроизводство человеческого капитала российских вузов, омоложение университетских кадров затрагивает и сферу управления. Поколенческие стереотипы, эйджизм в отношении молодых управленцев может привести к негативным последствиям: тормозить реализацию управленческих решений, способствовать оттоку молодежи из вузов.

В-четвертых, идентифицированы источники латентных конфликтов и социальной напряженности. Эти источники были разделены по природе своего происхождения на социально-психологические и социальные. В группу социально-психологических источников межпоколенческих конфликтов были отнесены те, которые связаны с психофизиологическими особенностями представителей старшего и молодого поколения (восприятие и обработка информации, профессиональное выгорание).

Анализ социальных источников латентных конфликтов и социальной напряженности позволил выделить две линии разлома между молодым и старшим поколением: «традиции — инновации» и «наличие/отсутствие опыта и статуса». Результаты исследования показали взаимное сопротивление, нежелание искать компромиссные решения: молодежь не готова беспрекословно следовать традициям, а старшее поколение — принимать инновации. Такая ситуация вызывает опасение в силу того, что она выступает барьером для межпоколенческой передачи академической культуры, развития человеческого капитала университетского сообщества, тормозит воспроизводство не только инноваций, но и интеллектуального класса.

Различия молодого и старшего поколений по статусно-ролевому положению — естественный результат стратификации в случае, когда поколения принимают данное положение. Однако результаты исследования выявили некоторые проблемы такого деления. Первая из них — неготовность молодежи безусловно принимать имеющуюся статусность старшего поколения, базирующуюся на прошлых заслугах. Вторая — «превышение полномочий статуса» старшего поколения в текущей работе, которая проявляется в отказе представителей старшего поколения выполнять ряд профессиональных функций. Такая позиция представителей старшего поколения выступает источником напряженности не только для молодого, но и среднего поколения, потому что невыполненную работу нужно кому-то делать.

В целом полученные результаты говорят об актуальности и перспективности изучения проблем и противоречий взаимодействий поколений в университетском сообществе. Исследование зафиксировало наличие взаимной неудовлетворенности у части молодого и старшего поколений. Сформированная годами система легитимности привилегированного положения старшего поколения в системе высшего образования дает сбой. Молодежь все активнее ее оспаривает. И это может выступить катализатором реальных межпоколенческих конфликтов.

Полагаем, сложившаяся ситуация демонстрирует необходимость разработки содержательной и дифференцированной политики возраста в российских университетах. Эта политика должна строиться на учете особенностей и потребности воспроизводства всех трех поколений (молодого, среднего, старшего), а также учитывать факт, что сама система высшего образования сдерживает выражение и проявление чувства враждебности в межпоколенческих взаимодействиях. Следуя идеям Л. Козера, считаем, что необходима разработка неких замещающих механизмов для безопасного выхода этих эмоций. Такие механизмы, выполняющие роль защитных клапанов, позволят сохранить систему, предупреждая возможные конфликты или сводя к минимуму их разрушительные последствия [11].

Список источников

1. Зборовский, Г. Е. Знание и образование в социологии: контакт, конфликт, консенсус / Г. Е. Зборовский. — Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. — 2025. — Т. 31, № 1. — С. 200–215.
2. Расторгуев, С. В. Стратегия преодоления межпоколенческих разрывов в современной России / С. В. Расторгуев. — Текст : непосредственный // Власть. — 2021. — Т. 29, № 6. — С. 146–150.
3. Фёдоров, А. А. «Конвенция поколений» в новом мире образования / А. А. Фёдоров, Е. Ю. Илалтдинова, С. В. Фролова. — Текст : непосредственный // Высшее образование в России. — 2018. — Т. 27, № 7. — С. 28–38.
4. Бровкин, А. В. Проблемы современной российской системы высшего образования и пути их решения в интересах всех участников образовательного процесса: часть 1/ А. В. Бровкин. — Текст : непосредственный // Современное образование. — 2018. — № 1. — С. 1–10.

5. Романов, Д. В. Поколенческие поведенческие установки, влияющие на возникновение конфликтов в межличностной коммуникации / Д. В. Романов. – Текст : непосредственный // Известия Самарской государственной сельскохозяйственной академии. – 2013. – № 2. – С. 127–131.
6. Berk, R. A. Multigenerational diversity in the academic workplace: implications for practice / R. A. Berk. – Text : direct // Journal of Higher Education Management. – 2013. – Vol. 28, Issue 1. – P. 10–23
7. Van Rossem, A. H. D. Generations as social categories: An exploratory cognitive study of generational identity and generational stereotypes in a multigenerational workforce / A. H. D. Van Rossem. – Text : direct // Journal of Organizational Behavior. – 2019. – Vol. 40, Issue 4. – P. 434–455.
8. Дуракова, И. Б. Успешность работников старших возрастов как вызов высшей школе / И. Б. Дуракова, Е. В. Майер. – Текст : непосредственный // Высшее образование в России. – 2021. – Т. 30, № 6. – С. 144–155.
9. Пугач, В. Ф. Еще раз о возрасте преподавателей в российских вузах : старые проблемы и новые тенденции / В. Ф. Пугач. – Текст : непосредственный // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 3. – С. 118–133.
10. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А. Б. Гофмана. – Москва : Канон, 1996. – 432 с. – Текст : непосредственный.
11. Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер. – Москва : Идея-Пресс, 2000. – 205 с. – Текст : непосредственный.
12. Зборовский, Г. Е. Функции поколений образовательных общностей в вузе / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова. – Текст : непосредственный // Высшее образование в России. – 2025. – Т. 34, № 7. – С. 9–26.
13. La «Jeunesse» n'Est qu'un mot Pierre Bourdieu. Entretien avec Anne-Marie Métaillé, paru dans Les jeunes et le premier employ. Paris, Association des Ages. – 1978. – Pp. 520–530. – Text: electronic. – URL: <http://www.homme-moderne.org/societe/socio/bourdieu/questions/jeunesse.html> (дата обращения: 19.08.2025).

References

1. Zborovsky, G. E. (2025). Knowledge and education in sociology: contact, conflict, consensus. *Proceedings of the Ural Federal University, Series 1, Problems of Education, Science and Culture*, 31(1), pp. 200-215. (In Russian).
2. Rastorguev, S. V. (2021). Strategy of overcoming intergenerational gaps in modern Russia. *Power*, 29(6), pp. 146-150. (In Russian).
3. Fedorov, A. A., Ilaltdinova, E. Yu. & Frolova, S. V. (2018). "Generation Convention" in the new world of education. *Higher education in Russia*, 27(7), pp. 28-38. (In Russian).
4. Brovkin, A.V. (2018). Problems of the modern Russian higher education system and ways to solve them in the interests of all participants in the educational process: part 1. *Modern education*, (1), pp. 1-10. (In Russian).
5. Romanov, D. V. (2013). Generational behavioral attitudes influencing the occurrence of conflicts in interpersonal communication. *Proceedings of the Samara State Agricultural Academy*, (2), pp. 127-131. (In Russian).
6. Berk, R. A. (2013). Multigenerational diversity in the academic workplace: implications for practice. *Journal of Higher Education Management*, 28(1), pp. 10-23. (In English).
7. Van Rossem, A. H. D. (2019). Generations as social categories: An exploratory cognitive study of generational identity and generational stereotypes in a multigenerational workforce. *Journal of Organizational Behavior*, 40(4), pp. 434-455. (In English).
8. Durakova, I. B. & Mayer, E. V. (2021). The success of older workers as a challenge to higher education. *Higher education in Russia*, 30(6), pp. 144-155. (In Russian).

9. Pugach, V. F. (2023). Once again about the age of teachers in Russian universities: old problems and new trends. *Higher education in Russia*, 32(3), pp. 118-133. (In Russian).
10. Durkheim, E. (1996). On the division of social labor. Moscow, Canon Publ., 432 p. (In Russian).
11. Kozier, L. (2000). The functions of social conflict. Moscow, Idea Press Publ., 205 p. (In Russian).
12. Zborovsky, G. E. & Ambarova, P. A. (2025). The functions of generations of educational communities in higher education institutions. *Higher education in Russia*, 34(7), pp. 9-26. (In Russian).
13. La «Jeunesse» n'Est qu'un mot Pierre Bourdieu. Entretien avec Anne-Marie Métaillé, paru dans *Les jeunes et le premier employ.* (1978). Paris, Association des Ages, pp. 520-530. (In French). Available at: <http://www.homme-moderne.org/societe/socio/bourdieu/questions/jeuness.html> (accessed 19.08.2025).

Информация об авторе / Information about the author

Шаброва Нина Васильевна, доктор социологических наук; доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, n.v.shabrova@urfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5694-1040>

Nina V. Shabrova, Doctor of Sociological Sciences; Associate Professor at the Department of Sociology and Technologies of Public Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, n.v.shabrova@urfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5694-1040>

Статья поступила в редакцию 09.10.2025; одобрена после рецензирования 10.11.2025; принята к публикации 12.11.2025
The article was submitted 09.10.2025; approved after reviewing 10.11.2025; accepted for publication 12.11.2025

Научная статья / Original research article

УДК 374.32

DOI:10.31660/1993-1824-2025-4-134-148

EDN: WXEVB

Оценка эффективности реализации молодежной политики: проблемы и решения

Р. Б. Шайхисламов^{1*}, Г. Р. Асадуллина¹, Н. Г. Хайруллина², И. С. Шаповалова³

¹ Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация

² Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

³ Белгородский государственный национально-исследовательский университет, Белгород, Российская Федерация

*rafaelbadretdinovich@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы определения эффективности различных форм реализации молодежной политики на основе полученных авторами эмпирических данных при реализации проекта «Молодежь в межнациональных коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» в рамках Программы фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности». Особое внимание уделяется вопросу о достоверности и полноте оценки различными субъектами молодежной политики эффективности работы с молодежью, выявленным проблемам в оценке эффективности молодежной политики. Оценены ключевые причины понижения эффективности реализации планов, программ, проектов в области молодежной политики на четырех этапах по формуле RACE. Обосновывается необходимость формирования системы непрерывной, с применением признанных критериев и методов, оценки эффективности реализации планов, программ, проектов, конкурсов и иных документов, нацеленных на работу с молодежью. Предлагается создание федеральной сети аналитических центров молодежной политики на базе ведущих университетов, которые на всех уровнях обеспечат информационно-аналитическую подготовку реализации молодежной политики в виде данных о социальных, политических, культурных, экономических ожиданиях и предложениях молодежи, о проблемных точках в молодежной среде.

Ключевые слова: молодежная политика, доказательная работа с молодежью, эффективность, оценка эффективности, проекты, программы

Для цитирования: Оценка эффективности реализации молодежной политики: проблемы и решения / Р. Б. Шайхисламов, Г. Р. Асадуллина, Н. Г. Хайруллина, И. С. Шаповалова. – DOI 10.31660/1993-1824-2025-4-134-148 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2025. – № 4. – С. 134–148. – EDN: WXEVB

Evaluating the effectiveness of youth policy implementation: problems and solutions

Rafael B. Shaikhislamov^{1*}, Guzeliya R. Asadullina¹, Nursafa G. Khairullina², Inna S. Shapovalova³

¹ Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

² Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

³ Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation

*rafaelbadretdinovich@mail.ru

Abstract. This article explores the challenges of determining the effectiveness of various youth policy implementation modalities. It relies on empirical results obtained by the authors from the project "Youth in Interethnic Communications: Intolerance, Tolerance, Dialogue," which was conducted under the Fundamental and Applied Research Program "Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening All-Russian Identity". The article focuses on how reliable and comprehensive evaluations are by various youth policy actors and to the identified challenges in assessing the effectiveness of youth policy. The authors give an assessment the main reasons for the decline in the effectiveness of youth policy plans, programs, and projects at four stages using the RACE formula. The article grounds the necessity of a continuous system for assessing the effectiveness of plans, programs, projects, competitions, and other documents aimed at working with youth, based on recognized criteria and methods. The authors propose establishing a national network of youth policy research centers affiliated with leading universities. These centers would provide essential data and analysis for youth policy at all levels, addressing youth expectations and concerns across social, political, cultural, and economic spheres.

Keywords: youth policy, evidence-based work with youth, effectiveness, effectiveness evaluation, projects, programs

For citation: Shaikhislamov, R. B., Asadullina, G. R. Khairullina, N. G. & Shapovalova, I. S. Evaluating the effectiveness of youth policy implementation: problems and solutions. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (4), pp. 134-148. (In Russian). DOI : 10.31660/1993-1824-2025-4-134-148

Введение

В Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 года (№2233-р), рассматриваются интересы молодых россиян в возрасте от 14 до 35 лет. При обосновании социально-экономического положения молодежи, ее участия в молодежном самоуправлении и других аспектов ее жизнедеятельности разработчики опирались на результаты проведенных в 2010–2023 годах исследований социологов, экономистов, демографов [1]. В условиях новых вызовов ведущим направлением молодежной политики становится создание условий для решения социальных и личных задач, которые молодые люди решают на каждом этапе своего становления как в профессиональной сфере, так и при формировании личностной и гражданской позиции. При этом ставится задача максимального вовлечения молодежи в научные, технологические и социально-экономические проекты, самореализация молодого поколения. Для этого необходимы два условия. Первое — расширение возможностей для самореализации молодежи, поддержка ее инициатив. Это позволит молодым людям почувствовать свою сопричастность к общим делам, свою субъектность. Второе — создание общенациональных идей, мечты, целей развития страны в ближайшем и отдаленном будущем. В период юности начинается жизненный путь, для чего нужны четкие, понятные ориентиры. Российская идентичность в период молодости, особенно в юности, строится на представлениях об общности судеб личности и страны. Это особенно верно сегодня, во время новых вызовов и новых возможностей.

Такие современные реалии требуют по-новому подходить к формированию молодежной политики. Если эффективность мер ее не оценивается на должном уровне, то ситуация в молодежной среде не анализируется. Следовательно, при разработке решений, проектов, программ, планов допускаются ошибки, делающие реализацию неэффективной. Неправильная оценка эффективности молодежной политики порождает не-

эффективную работу. Исследований, посвященных оценке эффективности мер молодежной политики, проводимой в российских регионах, не так много, поэтому новую значимость приобретают эмпирические данные, полученные в конце 2022 года в пяти российских регионах при участии авторов настоящей статьи.

Материалы и методы

Эмпирической базой анализа при подготовке статьи послужили данные исследований проекта «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» (руководитель проекта — профессор Р. Б. Шайхисламов, руководители региональных исследований — профессор И. С. Шаповалова, доцент Г. Р. Асадуллина, доцент О. А. Максимова, профессор Н. Г. Хайруллина, профессор С. Г. Максимова) в рамках Программы фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» в 2020–2022 годах (поручение Президента РФ № ПР-71 от 16.01.2020 г.). На третьем этапе проекта «Молодежь: новые вызовы, новые возможности», реализованного в конце 2022-го, были проведены:

- анкетный опрос молодежи (в возрасте от 16 до 21 года) Алтайского края, Тюменской и Белгородской областей, республик Башкортостан и Татарстан (3 290 респондентов, выборка районированная — по регионам, типам поселений, с последующим случайным отбором; погрешность выборки не превышает 3 %);
- экспертный опрос научных работников — исследователей проблем молодежи, представляющих различные социо-гуманитарные научные специальности (философские, социологические, политологические, психологические, педагогические). 110 экспертов — доктора и кандидаты наук, работающие в научных учреждениях и университетах 34 городов страны;
- экспертный опрос сотрудников региональных и муниципальных органов управления, общественных организаций, учебных заведений (университетов, колледжей, школ), непосредственно занимающихся реализацией молодежной политики. В опросе участвовали 292 работника сферы молодежной политики, представляющих 14 регионов страны.

Результаты и обсуждение

Наши исследования выявили следующие актуальные проблемы в области оценки эффективности молодежной политики: ***оценка эффективности мероприятий на федеральном, региональном, муниципальном, корпоративном уровнях осуществляется, как правило, по таким показателям, как количество мероприятий, количество участников, отклики в СМИ.*** Какие именно позитивные изменения в результате произошли в молодежной среде, в большинстве случаев никак не измеряется. В итоге — множество мероприятий ради мероприятий, значительные финансовые потери из-за неэффективных мероприятий.

Достоверность и полнота оценки эффективности работы с молодежью в глазах экспертов является существенной проблемой. Треть специалистов по работе с молодежью отмечает, что их деятельность руководство оценивает только по количественным показателям (количество участников, количество мероприятий и тому подобное). При-

мерно столько же экспертов указывают на оценку и по качественным показателям. Но эти показатели в основном сводятся к откликам в СМИ и социальных сетях: *«Преобладают количественные показатели опять таки исходя из бюрократической логики контролирующих структур. Исследования хоть и проводятся регулярно, но, как правило, они несут формальный характер»; «Руководство интересуется только — сколько участников, почему косяки и прочее. Как бы хорошо ни было проведено мероприятие — руководство никогда не оценит».*

Ориентация на количественные показатели эффективности обусловлена бюрократической логикой. Для увеличения количества участников мероприятий для молодежи во многих случаях используют административный ресурс. Это эксперты объясняют и пассивностью значительной части молодежи, и тем, что из-за перегруженности у работников молодежной политики не остается времени на новые формы привлечения молодежи к активной деятельности. Две трети экспертов считает, что привлечение большего количества молодых людей к различным мероприятиям возможно лишь при помощи административного ресурса, другие же ресурсы или менее действенны или вообще не работают. Об этом можно судить по комментариям экспертов: *«Все надзорные органы борются за количество, к сожалению»; «В основном молодежь инертна. Для массового участия административный ресурс актуален. Степень самоорганизации низкая»; «Молодежь пассивна из-за большой загруженности со стороны образования и работодателей»; «Административный ресурс самый действенный»; «К сожалению, на данный момент молодежные организации не могут своими силами привлечь многочисленные группы молодежи к своим мероприятиям».*

Специалисты отмечают и сложность оценки работы по качественным параметрам: *«Качественно оценить очень сложно»; «Как оценить изменение в умах??? Это всегда мероприятия с отложенным эффектом. Если один человек стал лучше — это уже победа!»; «Нынешние показатели не всегда отражают реальную действительность и полную картину. Всегда необходимо углубляться в суть проблемы, чтобы понять масштаб и дать полноценную оценку происходящей ситуации».*

Оценка эффективности по качественным параметрам не осуществляется из-за спешки, дефицита времени у работников молодежной политики, а также из-за отсутствия знаний и навыков такой оценки. Половина экспертов отмечают, что в работе с молодежью, хотя и проводимой по плану, не всегда удается избежать спешки, хаотичности. Это связано и с новыми ситуациями, на которые надо ориентироваться, и с особенностями управления работы с молодежью: *«Чаще сбои — это дополнительные события, новые проекты, акции и "тренды" спускаются с федерального уровня без должной подготовки»; «Есть план мероприятий, который мы все выполняем. Но еженедельно добавляется работа, которую необходимо срочно выполнить. Появляются обучения, курсы, не совсем до конца организованные, иногда спонтанное вдохновляет и выводит на новые возможности, но чаще — это усложняет, напрягает...»; «Срочный и не запланированный характер носят мероприятия, проводимые по указанию и запросам различных ведомств, не связанных с образованием»; «Молодежная политика — отрасль динамичная, поэтому есть и запланированные мероприятия и ситуативные».*

На уровне регионального и особенно муниципального управления реализация молодежной политики в организационно-административном плане не выделена как самостоятельное направление работы. «У МП нет нормативно-правовых документов, а те, что есть — "вода — водой". Поэтому мы относимся то к культуре, то не пойми к чему еще. Этот момент необходимо проработать»; «К сожалению, ввиду того, что органы по делам молодежи на муниципальном уровне совмещены с культурой или спортом, а чаще всего во главе таких структур стоят некомпетентные в молодежной политике люди, приходится часто выполнять не свою работу в ущерб основной повестке»; «Если в муниципалитете не хватает кадров, то конечно проводить мероприятия сложно. Очень большое количество времени уходит на конкурсы, отписки, бумажную работу, а на работу с молодежью времени крайне мало»; «В нашем регионе чувствуется полная разобщенность органов власти, участвующих в организации молодежных проектов. Решения носят несистематичный характер, нет лидеров среди сотрудников органов власти, которые являются авторитетами для молодежи».

Оценка эффективности работы с молодежью, осуществляемая руководством в своих организациях, муниципальных образованиях и регионах, по сути, проводится только для отчетности перед вышестоящими органами управления. Оценка осуществляется не вышестоящими инстанциями, а самими организациями. Поэтому такая оценка, сводящаяся к самооценке, не всегда объективна. Внешняя оценка эффективности работы с молодежью должна стать отдельным направлением государственной молодежной политики. Как пишут эксперты, «Оценка должна идти от общества, чтобы было понимание того, что понравилось и что нужно изменить»; «Можно судить по откликам в СМИ, чатах. Остальное сложно оценить, нужны специальные процедуры. Это должно быть отдельное направление работы».

Мы далеки от мысли, что эффективная работа с молодежью является единственным фактором, определяющим позитивные изменения в умах, настроениях и поведении молодых людей. Есть множество объективных факторов, влияющих на молодежь позитивно или негативно. Но при этом возникает очень трудная задача — как определить «долю» работы с молодежью в произошедших и происходящих изменениях в молодежной среде и как выделить «долю» в этих изменениях других объективных и субъективных факторов? Руководители того или иного уровня зачастую склонны видеть во всем «недостаточную, плохую работу с молодежью». Работники в сфере молодежной политики оказываются в ситуации, когда приходится «подправлять» статистику. Поэтому по отчетам, направляемым «наверх», ситуация выглядит благополучной.

Низкая эффективность молодежной политики выражается в том, что большая часть молодежи остается вне ее влияния. Большинство мероприятий охватывает две категории молодежи — талантливых (гранты, конкурсы) и с отклоняющимся поведением. В последние годы существенно возросло число различных конкурсов, программ, проектов со стороны различных федеральных и региональных органов управления, негосударственных организаций. Их эффективность определяется не только количеством, но и степенью информированности и уровнем заинтересованности молодежи в этих мероприятиях. По оценкам более 70 % экспертов — специалистов по работе с молодежью, увеличилось количество конкурсов, грантов для молодежи, прово-

димых различными государственными и общественными организациями, учебными заведениями. Из них 37 % оценивают этот рост как «не столь заметное», а 25 % — как «заметное, не более чем в два раза».

По данным наших опросов респондентов в возрасте от 16 до 21 года включительно, представления о количестве мероприятий для молодежи за текущий год выглядят следующим образом (в %):

- *увеличилось значительно — 36,5;*
- *такие мероприятия есть, но больше их не стало — 8,5;*
- *такие мероприятия есть, но я не знаю, их стало больше или меньше — 31,0;*
- *их вообще нет — 14,0;*
- *может быть, они есть, но я не знаю — 22,0.*

Однако рост числа различных мероприятий сам по себе не означает повышение эффективности работы с молодежью. Актуальной остается проблема, которую в свое время описала И. А. Халий: «Главным образом внимание властей сосредоточено на студенчестве. В результате за бортом государственных молодежных проектов оказывается значительная часть молодежи, все, кто после школы остаются на местах, не поступая в вузы. Но основная проблема видится в том, что федеральные власти сегодня не формируют настоящей молодежной стратегии, учитывающей значение всех групп молодежи для прорыва в развитии страны. Пока мы наблюдаем вовлечение только в форумные мероприятия разового характера. Все внимание руководства страны сосредоточено на поддержке талантливой молодежи, а работа с остальной, составляющей большинство, находится вне всякого дискурса. Как мы установили, молодые люди чувствуют и осознают эту оставленность. В этом одностороннем подходе содержатся большие риски роста социальной эксклюзии, и потому представляется необходимым его пересмотр» [2].

Причины сложившейся ситуации разнообразны. Это и слабая информационная работа, низкий уровень доступности информации для разных групп молодежи (что легче всего устранить), и слабая заинтересованность самой молодежи. Например, различные конкурсы или рассчитаны на достаточно узкий круг молодежи («талантливой, одаренной»), или не связаны с профессиональными интересами ее части. В результате большинство пока остается вне участия конкурсов и грантов, нацеленных на расширение возможностей самореализации. Из числа опрошенных нами экспертов — практиков в области молодежной политики 32 % согласились полностью и 46 % — частично с оценкой «*внимание больше всего уделяется работе с талантливой, одаренной молодежью (гранты, конкурсы, тренинги и т. п.) и с неблагополучной молодежью (профилактическая работа); что касается остальной части молодежи, то ей уделяется гораздо меньше внимания*». При этом такая оценка по большому счету присутствует у практиков, работающих в школах, колледжах и вузах, в общественных организациях, органах муниципального и регионального управления.

Приведем некоторые комментарии специалистов: «*Большее количество мероприятий проводится для талантливой молодежи, необходимо наличие альтернативы для обычных молодых людей*»; «*Большие требования со стороны УМВД по работе с подростками и семьями, состоящими на учете, что не дает возможности развить*

новые направления»; «Именно молодежь из "среднячков" чаще других способна на формулирование и реализацию проекта, получение гранта. Таланты больше заняты сами собой»; «Мало мероприятий для совместного проведения времени, умению общаться, коммуницировать друг с другом»; «Непонимание необходимости этой работы, незнание процессов в этой среде; она не "пиарится"; руководство спрашивает за талантливых и неблагополучных»; «Да, к сожалению, нам сложно привлечь к работе среднестатистическую молодежь»; «Согласна с тем, что иногда мало внимания уделяется ребятам, которые просто нацелены на хорошую учебу и умеренную активность. Для таких категорий студентов меньше мероприятий, их меньше замечает руководство и слабо вовлекает в жизнедеятельность организации».

К этим комментариям практиков можно добавить только то, что в статистике находят отражение мероприятия, нацеленные на два полюса в молодежной среде — «талантов» и «девиантов». Следовательно, мы не можем даже в статистическом плане судить об эффективности работы со «среднячками».

Сегодня барьерами, влияющими на эффективность работы с молодежью, остаются инертность, пассивность значительной части молодых людей, низкий уровень самооценки или завышенные притязания, недостаточный уровень информированности о мероприятиях при низком уровне интереса молодежи к такой информации. Значительную роль в пассивности играет использование административного ресурса, порождающее у молодежи мотивы избегания, а не достижения. Административный ресурс и инертность значительной части молодого поколения — это взаимообусловленные факторы.

С молодежью работают не только подразделения, основной задачей которых является реализация молодежной политики. Как отмечает О. Ю. Отроков, «количество структур, реально работающих с молодежью, а также направлений финансирования, достаточно много, и в рамках бюджетного процесса свести их все в одну программу вряд ли представляется возможным. Однако установить единые требования к качественным и количественным показателям эффективности работы с молодежью — вполне реализуемая задача. Осуществление данного предложения позволило бы федеральным, региональным и местным органам власти координировать свои усилия для достижения глобальных целей. Это, в свою очередь, актуализирует необходимость совершенствовать межведомственное взаимодействие по вопросам молодежной политики и возможностей ее адекватной оценки» [3, 4].

Респонденты, участвовавшие в массовом опросе, оценивают значимость барьеров инновационной активности молодежи следующим образом (в ранговом порядке факторов, в %, возможность выбора нескольких вариантов):

- *нерешительность, пассивность, неуверенность в себе* — 81,0;
- *многие не верят в объективность конкурсов* — 40,0;
- *неумение создавать команду* — 38,0;
- *отсутствие таких предложений, в которых можно проявить себя* — 30,5;
- *участие в таких мероприятиях не всегда дает возможности для профессиональной карьеры* — 28,0;

- *неравный уровень образования молодежи села и города, разных школ, колледжей, вузов — 24,5;*
- *такие мероприятия страдают формализмом, бюрократизмом — 21,0;*
- *такие конкурсы вряд ли помогут в будущем, лучше надеяться на свои связи — 18,0;*
- *многим нравится не самостоятельная работа, а работа в крупных корпорациях, органах управления — 16,0;*
- *получаемое или полученное образование не соответствует современным требованиям — 11,5.*

Как видно из этих самооценок, главная проблема — низкий уровень психологической подготовки молодежи к самореализации. Эта проблема может рассматриваться в качестве основного звена в реализации молодежной политики и повышения ее эффективности. С другой стороны, пассивность и низкая самооценка связаны с другими обстоятельствами. Адекватная самооценка формируется в результате конкретных испытаний сил, в том числе в различных конкурсах той или иной направленности. Как отмечали многие эксперты, большая часть молодежи, «середнячки», оказывается неохваченной различными мероприятиями, включая конкурсы. Отсутствие опыта участия в конкурсах (или их недостаточный уровень) связано с неумением работать в команде (что говорит о низком уровне социального капитала) и с различными организационными факторами (отсутствие профильных конкурсов, неверие в объективность оценок, формализм и тому подобное). Оцениваемые респондентами барьеры инновационной активности в той или иной степени сопряжены с факторами, снижающими эффективность реализации творческого потенциала молодежи.

С «оптимистами» работа всегда более плодотворна, чем с «пессимистами». Но это вовсе не означает, что работа с «пессимистами» второстепенна. В этом плане работа только с так называемой талантливой молодежью, включая различные конкурсы и фестивали, имеет весьма ограниченный эффект.

Эффективность работы с молодежью напрямую связана с видением молодыми людьми своих жизненных перспектив и со степенью уверенности молодежи в своем будущем. То, что часть молодежи не видит для себя каких-либо перспектив в связи с новыми возможностями, объясняется различными объективными факторами. Если реальные возможности для самореализации молодежи ограничены, то ситуация оценивается ею как рост различных барьеров — как субъективных, так и объективных.

Какие перспективы видят для себя молодые люди в новых условиях? В нашем опросе, проведенном в ноябре 2022 года среди молодежи в возрасте от 16 до 21 года, оценили трудности и возможности, связанные с новыми вызовами и новыми возможностями, следующим образом:

- *14 % молодых респондентов видят для себя больше возможностей, чем трудностей;*
- *30 % видят больше трудностей, чем возможностей;*
- *34,3 % видят в равной мере трудности и возможности;*
- *10,2 % не видят ни трудностей, ни возможностей;*
- *11,5 % молодых респондентов затруднились ответить.*

Видение возможностей и трудностей в новых геополитических условиях может быть разным на крупных, средних и малых предприятиях, в различных отраслях экономики, в том числе у молодых работников предприятий или тех, кто планирует после завершения учебы работать на них. Разное видение возможностей и трудностей зависит не только от объективных обстоятельств, но и от владения достоверной информацией о них, ориентации профессиональной подготовки молодежи на открывающиеся возможности. На перспективы для себя в связи с новыми возможностями молодые люди смотрят следующим образом (в % от всех респондентов):

- отчетливо видят для себя перспективы — 12,3;
- смутно, неопределенно, но видят перспективы — 25,4;
- пока не видят конкретных перспектив — где и как — 16,4;
- не видят для себя каких-либо перспектив — 7,9;
- такие перспективы не интересуют — 4,2;
- не думали о таких перспективах — 33,3;
- другое — 0,4.

В содержательном плане молодежная политика сводится к реализации различных решений, прямо или косвенно касающихся проблем молодежи и ее жизнедеятельности. Эти решения, как правило, представляют собой планы, программы и проекты. Любые формы реализации молодежной политики на федеральном, региональном, муниципальном или корпоративном уровнях (планы, проекты, программы) должны состоять минимум из четырех этапов (по формуле RACE):

1) анализ актуальной ситуации и прогнозирование развития ситуации в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе (SWOT-анализ, STEP-анализ, ситуационная диагностика, сценарии развития, матрица решения и тому подобное) для определения исходных позиций решений (специфичности, измеримости, достижимости, релевантности, временных рамок действий);

2) разработка решений (планов, программ, проектов), включающих определение стратегии действий, стратегических, промежуточных и ближайших целей (лучше всего, в формате SMART), определение целевых и ключевых групп, задач и плана (дорожной карты) мероприятий;

3) реализация разработанных решений (проектов, программ, планов);

4) оценка эффективности реализации этих решений.

Каждый этап опирается на предыдущий и служит условием для перехода к следующему.

Каковы основные причины понижения эффективности реализации планов, программ, проектов в области молодежной политики на разных их этапах?

На аналитическом этапе. Сегодня управление всеми процессами, в том числе в молодежной сфере, должно носить доказательный характер, то есть строиться на доказательствах. Планы, программы, проекты в области реализации молодежной политики должны основываться не только и не столько на личном опыте, традициях, интуиции, полученных знаниях, сколько на научных доказательствах их эффективности. Но это в теории, на практике же подобное большая редкость. На самых разных уровнях управления — корпоративном, муниципальном, региональном — решения в области

реализации целей молодежной политики принимаются без какого-либо серьезного научного обоснования — диагностики проблем и их постановки на основе анализа самых различных данных. Управленческие решения, не базирующиеся на научно-обоснованных ответах на такие вопросы, как причины и факторы нерешенности той или иной проблемы при реализации предыдущих решений; кого и как касается (или коснется в будущем) та или иная проблема; каковы могут быть масштабы нерешенности проблем, заранее обречены на неэффективность (в лучшем случае — на низкий уровень эффективности).

Причины отсутствия или слабой аналитической проработки решений — те самые, которые указаны экспертами: спешка, зачастую принимающая авральный характер; недостаточные аналитические компетенции; представления о том, что и так все известно и понятно, и тому подобное. В результате и разработка самих планов, программ и проектов страдает большими погрешностями. Указанные причины актуальны и в современных геополитических условиях.

На этапе разработки управленческих решений. Анализ различных планов, программ и проектов в области молодежной политики показывает, что они, по сути, сводятся лишь к перечислению мероприятий, не образующего систему, что является следствием ряда обстоятельств.

Во-первых, это недостатки (или отсутствие) первого этапа. Во-вторых, отсутствие стратегии плана, программы, проекта. Обычно управленческие решения опираются на стратегии, обозначенные в официальных документах — Указе Президента Российской Федерации о стратегических целях развития страны; стратегии по отдельным направлениям социальной политики (молодежной, семейной, демографической, миграционной и тому подобное) РФ; стратегии национальных проектов РФ. Однако эти стратегии должны быть «локализованы» с учетом конкретной проблемы, региона, муниципалитета, корпорации, особенностей целевых групп, рисков. Свод различных мероприятий на основе «не знаю куда идти, к чему прийти» не ориентирован на достижение стратегических целей. Что касается самих стратегических целей, то они — слабое место разрабатываемых планов, проектов или программ. Обычно под стратегическими целями понимаются планируемые результаты к моменту завершения всех предусмотренных мероприятий (хотя, как известно, «цыпят по осени считают»). Руководство спрашивает о результатах завершаемых мероприятий, а не об отложенной эффективности в будущем (о чем писали некоторые эксперты). Сами стратегические (если они определены), промежуточные и оперативные цели не формулируются по таким критериям, как специфичность, измеримость, достижимость, релевантность, обоснование временных рамок (в формате SMART).

На этапе реализации планов, программ, проектов. Недостатки этого этапа выступают логичным продолжением недостатков первого и второго. Наряду с этим административные, организационные, социально-психологические и прочие факторы неэффективности реализации этих решений описаны экспертами. Но мы бы выделили в качестве основной причины низкой эффективности то, что различные группы молодежи в качестве целевых групп планов, программ и проектов в большей степени рассматриваются как объект, но не субъект их реализации (то есть по принци-

пу «для кого», а не «с кем»). В результате такая реализация решений ведет к формированию потребительских ожиданий, пассивности, не дает простор для саморегуляции в молодежной среде (исследованию проблем саморегуляции в молодежной среде посвящен ряд научных работ Ю. А. Зубок и ее коллег-единомышленников [5–8]).

На этапе оценки эффективности реализации планов, программ или проектов. На практике этот этап, как правило, представляет собой отчет о проведенных мероприятиях без какой-либо оценки их эффективности. Если в отчетах и приводятся какие-либо данные об эффективности, то они сводятся к количеству проведенных мероприятий и их участников (неважно, в качестве статистов или активистов) и отзывам в социальных сетях и СМИ (зачастую инициированными самими организаторами мероприятий). Такие отчеты не дают представления о действительной эффективности реализации решений.

По каким параметрам и показателям можно судить об эффективности реализации молодежной политики? В последние годы появились работы, посвященные поиску ответов на этот вопрос. Теоретические модели оценки эффективности государственной молодежной политики содержатся в ряде трудов Т. К. Ростовской и ее коллег [9]. Интересные подходы к оценке эффективности реализации молодежной политики представлены в работах других авторов [10–14]. Проблема определения эффективности реализации молодежной политики многогранна и требует дальнейшего научного изучения, в том числе эмпирических исследований мнений российской молодежи, оценок научных работников — исследователей проблем молодежи, работников региональных и муниципальных органов управления, общественных организаций, учебных заведений, непосредственно занимающихся реализацией молодежной политики.

Выводы

Во-первых, эффективность реализации молодежной политики определяется степенью становления субъектности молодежи — ее самоорганизации, основанной на взаимном доверии и сотрудничестве, нацеленности решения молодежных и социальных проблем общества в целом силами самой молодежи. Во-вторых (что вытекает из первого), это реальные изменения в сознании (в понимании различных проблем и способов их решения, в системе ценностей), в чувствах (уверенность, позитивный настрой, позитивные настроения, командный дух) и поведении (сотрудничество, содействие социально позитивным шагам) молодежи, в ее гражданской идентичности. В-третьих, это изменения в образе жизни молодежи — формах и способах взаимодействий, общения в молодежной среде и между поколениями в различных сферах общественной жизни, в том числе в самоорганизации и саморегулировании.

Для определения эффективности реализации (включая самореализацию молодежи) молодежной политики недостаточно отчетов органов управления и организаций о результатах работы. Дело не только в том, что эти отчеты о результатах могут расходиться с реальностью. «Изнутри» не все и не так видится, как «извне». Необходим внешний, независимый аудит эффективности реализации молодежной политики на всех уровнях — начиная с корпоративного и завершая федеральным. Это позволит не только более объективно, но и более глубоко и всесторонне оценить результаты различных планов, программ и проектов.

Мы считаем необходимым формирование федеральной сети аналитических центров молодежной политики на основе ведущих университетов (как правило, успешно реализующих направления подготовки «Организация работы с молодежью», «Социология», «Политология»). Во-первых, такая сеть может обеспечить информационно-аналитическую подготовку реализации молодежной политики на всех уровнях в виде данных о социальных, политических, культурных, экономических ожиданиях и предложениях молодежи, о проблемных точках в молодежной среде, методических рекомендаций об анализе молодежной среды в корпорациях, муниципалитетах, регионах и в стране в целом. Иными словами, эта может взять на себя работы по первому этапу проектов и программ, требующих исследовательских компетенций (которые могут быть недостаточными у практиков). Во-вторых, представители этой аналитической сети могут разработать рекомендации по планированию, программированию и проектированию по различным направлениям молодежной политики. В-третьих, в рамках сетевого взаимодействия можно осуществлять измерение эффективности реализации различных направлений молодежной политики путем опросов среди целевых групп молодежи, экспертных опросов и изучения документов. Учитывая у работников сферы молодежной политики нехватку времени на оценку результатов своей деятельности и недостаточный уровень их исследовательских компетенций, полагаем, что такое сетевое научное сотрудничество способствовало бы реальному повышению эффективности реализации молодежной политики. Помимо квалифицированного измерения эффективности молодежной политики, научно-аналитической и методической помощи работникам молодежной сферы, это позволило бы специалистам высвободить часть времени на реальное общение с молодежью, на полноценную организаторскую деятельность. Кроме того, благодаря такой работе аналитической сети можно было бы более эффективно использовать финансовые средства для реализации молодежной политики путем отказа от неэффективных (и зачастую очень затратных) мероприятий.

Это предложение о создании общегосударственной аналитической сети нацелено на реализацию такого предусмотренного в Федеральном законе от 30.12.2020 №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» направления, как «проведение научно-аналитических исследований по вопросам молодежной политики» [15], что делает актуальными результаты проведенного авторами исследования в рамках федерального проекта.

Список источников

1. Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 августа 2024 года № 2233-р. – Текст : электронный // Правительство России : сайт. – URL : <http://static.government.ru/media/files/jBrmuJi7WMLGBOftXWhrMIzKFCgIqgO7.pdf>
2. Халий, И. А. Политика развития и российская молодежь : особенности видения проблематики в регионах и локальных сообществах / И. А. Халий, К. В. Подъячев. – Текст : непосредственный // Молодежь XXI века: образ будущего : материалы научной конференции XIII Ковалевские чтения, Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2019 г. – Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2019. – С. 263–264.

3. Отроков, О. Ю. Эффективность реализации молодежной политики в объективе Контрольно-счетной палаты Российской Федерации / О. Ю. Отроков. – Текст : непосредственный // Эффективность реализации государственной молодежной политики : опыт регионов и перспективы развития : материалы VIII Международной научно-практической конференции. – Чита, 2022. – С. 38–42.
4. Отроков, О. Ю. Муниципальная молодежная политика России : проблемы и преимущества (анализ результатов эмпирического исследования) / О. Ю. Отроков. – Текст : непосредственный // Молодежь и будущая Россия : материалы IV Всероссийской конференции, Москва, 09–10 октября 2024 г. – Москва : Издательский дом «УМЦ», 2025. – С. 81–84.
5. Зубок, Ю. А. Социокультурные установки в саморегуляции представлений молодежи о будущем / Ю. А. Зубок, Н. А. Селиверстова. – DOI: 10.19181/nko.2024.30.4.8. – Текст : непосредственный // Наука. Культура. Общество. 2024. – Т. 30, № 4. – С. 112–133.
6. Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование: монография / Ю. А. Зубок, О. А. Александрова, М. Б. Буланова [и др.]. – Белгород : Эпицентр. – 2022. – 360 с. – DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022. – Текст : непосредственный.
7. Зубок, Ю. А. Молодежь и общество: социологическая рефлексия изменяющейся реальности (представление номера) / Ю. А. Зубок. – DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-1. – Текст : непосредственный // Научный результат. Социология и управление. – 2022. – Т. 8, № 3. – С. 7–9.
8. Кисиленко, А. В. Молодежные центры как субъекты реализации региональной молодежной политики : качественные данные / А. В. Кисиленко, И. С. Шаповалова. – Текст : непосредственный // Научные результаты социологии – 2022 : сборник статей по материалам II Международного научного онлайн-форума. Белгород, 15–17 февраля 2023 г. – Белгород : Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2023 – С.143–151.
9. Ростовская, Т. К. Молодежная политика в современной России: учебное пособие / Т. К. Ростовская, Е. А. Князькова; Сер. 76. Высшее образование. – Москва : Юрайт, 2023. – 155 с. – Текст : непосредственный.
10. Батура, А. А. Методика оценки эффективности реализации молодежной политики на муниципальном уровне / А. А. Батура. – Текст : непосредственный // Научный аспект. – 2023. – Т.11, № 6. – С.1338–1344.
11. Зырянова, А. И. Подходы к разработке молодежной политики и оценки эффективности ее реализации / А. И. Зырянова. – Текст : непосредственный // Могущество Сибири будет произрастать?: сборник докладов международного научного форума «Образование и предпринимательство в Сибири: направления взаимодействия и развитие регионов» : в 4 томах. – Т. 4. Новосибирск, 12–13 октября 2017 года. – Новосибирск : Новосибирский государственный университет экономики и управления. – 2018. – С. 366–369.
12. Шаповалова, И. С. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи / И. С. Шаповалова. – DOI 10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932. – Текст : непосредственный // Регинология. – 2021. – Т. 29, № 4.(117). – С. 902–932.
13. Зайцев, Э. А. Теоретические подходы к оценке эффективности реализации молодежной политики / Э. А. Зайцев. – DOI 10.22394/1818-4049-2025-110-1-158-166. – Текст : непосредственный // Власть и управление на Востоке России. – 2025. – № 1 (110). С. 158–166.
14. Волкова, А. Е. Оценка эффективности воспитательной работы, реализуемой в образовательных учреждениях высшего образования на территории Воронежской области / А. Е. Волкова. – Текст : непосредственный // Научные результаты социологии — 2021: сборник статей по материалам I Международного научного онлайн-форума. Белгород, 16–18 февраля 2022 г. – Белгород : Эпицентр, 2022. – С.121–130.
15. Российская Федерация. Законы. О молодежной политике в Российской Федерации : Федеральный закон № 489-ФЗ от 30.12.2020 г. – Москва, 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328>. – Текст: электронный.

References

1. Strategiya realizacii molodyozhnoj politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 17 avgusta 2024 goda № 2233-r. (In Russian). Available at: <http://static.government.ru/media/files/jBrmuJi7WMLGBOFtXWhrMIzKFCgIggO7.pdf>
2. Khalij, I. A., & Pod'yachev, K. V. (2019). Politika razvitiya i rossijskaya molodezh': osobennosti videniya problematiki v regionakh i lokal'nykh soobshchestvakh. Molodezh' XXI veka: obraz budushchego. Materialy nauchnoj konferencii XIII Kovalevskie chteniya 14-16 noyabrya 2019 goda. Saint Petersburg, Skifiya-print Publ., pp. 263-264. (In Russian).
3. Otrokov, O. Yu. (2022). Ehffektivnost' realizacii molodezhnoj politiki v ob'ekte Kontrol'no-schetnoj palaty Rossijskoj Federacii. Ehffektivnost' realizacii gosudarstvennoj molodezhnoj politiki: opyt regionov i perspektivy razvitiya. Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Chita, pp. 38-42. (In Russian).
4. Otrokov, O. Yu. (2025). Municipal'naya molodezhnaya politika Rossii: problemy i preimushchestva (analiz rezul'tatov ehmpiricheskogo issledovaniya). Molodezh' i budushchaya Rossiya. Materialy IV Vserossijskoj konferencii. Moscow, Izdatel'skiy dom «UMTS» Publ., pp. 81-84. (In Russian).
5. Zubok, Yu. A., & Seliverstova, N. A. (2024). Sociokul'turnye ustanovki v samoregulyacii predstavlenij molodezhi o budushchem. Nauka. Kul'tura. Obshchestvo, 30(4), pp.112-133. (In Russian). DOI: 10.19181/nko.2024.30.4.8
6. Zubok, Yu. A., Aleksandrova, O. A., Bulanova, M. B., Velikaya, N. M., Deych, B. A., Demidenko, S. Yu.,... & Shapovalova, I. S. (2022). Samoregulyaciya v molodezhnoj srede: tipologizaciya i modelirovanie. Belgorod, Epitsentr Publ., 360 p. (In Russian). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022
7. Zubok, Yu. A. (2022). Youth and society: a sociological reflection on a changing reality (number representation). Research result. Sociology and management, 8(3), pp. 7-9. (In Russian).DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-1
8. Kisilenko, A.V., & Shapovalova, I. S. (2023). Molodezhnye centry kak sub"ekty realizacii regional'noj molodezhnoj politiki: kachestvennye dannye. Nauchnye rezul'taty sociologii -2022. Sbornik statej po materialam II Mezhdunarodnogo nauchnogo onlajn foruma. Belgorod, Belgorodskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet Publ., pp.143-151. (In Russian).
9. Rostovskaya, T. K., & Knyaz'kova, E. A. (2023). Molodezhnaya politika v sovremennoj Rossii. Moscow, Yurajt Publ., 155 p. (In Russian).
10. Batura, A. A. (2023). Metodika ocenki ehffektivnosti realizacii molodezhnoj politiki na municipal'nom urovne. Nauchnyj aspect, 11(6), pp.1338-1344. (In Russian).
11. Zyryanova, A. I. (2018). Podkhody k razrabotke molodezhnoj politiki i ocenki ehffektivnosti ee realizacii // Mogushchestvo Sibiri budet proizrastat'? Sb. dokladov mezhdunarodnogo nauchnogo foruma «Obrazovanie i predprinimatel'stvo v Sibiri: napravleniya vzaimodejstviya i razvitiye regionov». T.4. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i upravleniya Publ., pp. 366-369. (In Russian).
12. Shapovalova, I. S. (2021). Problems of implementation of the state youth policy in the reflection of regional youth. Russian journal of regional studies, 29(4(117)), pp. 902-932. (In Russian). DOI: 10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932
13. Zaitsev, E. A. (2025). Theoretical approaches to assessing of the youth policy implementation effectiveness. Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii, 1(110), pp. 158-166. (In Russian). DOI: 10.22394/1818-4049-2025-110-1-158-166
14. Volkova, A. E. (2022). Ocenka ehffektivnosti vospitatel'noj raboty, realizuemoj v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh vysshego obrazovaniya na territorii Voronezhskoj oblasti. Nauchnye rezul'taty sociologii -2021. Sbornik statej po materialam I Mezhdunarodnogo nauchnogo onlajn foruma. Belgorod, Epitsentr Publ., pp.121-130. (In Russian).

15. Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. (2020). O molodezhnoy politike v Rossiyskoy Federatsii : Federal'nyy zakon № 489-FZ ot 30.12.2020 g. Moscow. (In Russian). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328>

Информация об авторах / Information about the authors

Шайхисламов Рафаэль Бадретдинович, доктор социологических наук, профессор, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, rafaelbadretdinovich@mail.ru

Асадуллина Гузелия Рауфовна, кандидат философских наук, доцент, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа

Хайруллина Нурсафа Гафуровна, доктор социологических наук, профессор, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7290-3290>

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, Белгородский государственный национально-исследовательский университет, г. Белгород, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>

Rafael B. Shaikhislamov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ufa University of Science and Technology, rafaelbadretdinovich@mail.ru

Guzeliya R. Asadullina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Ufa University of Science and Technology

Nursafa G. Khairullina, Doctor of Sociological Sciences, Industrial University of Tyumen, ORCID : <https://orcid.org/0000-0001-7290-3290>

Inna S. Shapovalova, Doctor of Sociological Sciences, Belgorod State National Research University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>

Статья поступила в редакцию 25.09.2025; одобрена после рецензирования 29.10.2025; принята к публикации 05.11.2025.
The article was submitted 25.09.2025; approved after reviewing 29.10.2025; accepted for publication 05.11.2025.

Научная статья / Original research article

УДК 316.72

DOI:10.31660/1993-1824-2025-4-149-160

EDN: XBASDG

Номадизация вещно-субъектного взаимодействия в культуре постмодерна

А. В. Шляков

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация
schafferhund@rambler.ru

Аннотация. Цель исследования — обнаружение изменений во взаимодействии с человеком вещей, обусловленных особенностями постсовременной культуры (постмодерна). Согласно гипотезе ориентация культуры постмодерна на «размыв» идентичности человека проявляется и в вещах, и в способах их связи с субъектом. Автором статьи выявлено, что в постсовременной культуре сущность вещи подверглась трансформациям, приведшим к изменению ее формы, материала, функций, что укладывается в тенденцию, названную Ж. Бодрийяром «борьбой с природой». Форма вещи подвергается миниатюризации, содержание освобождается от природных субстанций и заменяется на пластик, а единичность функций сменяется многофункциональностью. Установлено, что вещь начинает превращаться в номадический предмет, побуждающий человека к мобильности. В ней обнаруживается потеря собственного сущностного содержания, «ноуменальности», нивелируется граница внутреннего и внешнего. Вещь приобретает потенцию к ризомным соединениям, обнаруживая в себе склонность к образованию гибридов с элементами разнородного происхождения (естественного и искусственного, материального и идеального). У вещи значительно сокращается срок службы и период «жизни», что не позволяет ей успеть обрести собственную биографию. Ее существование контролируется ad-hoc подходом, требующим признать собственную недолговечность и уступить место новым вещам. Вещь побуждает человека к перемещениям в физическом, социальном и духовном пространствах, трансформируя его идентичность в «ускользающую». Результаты исследования могут быть полезны философам, культурологам, а также преподавателям средних и высших учебных заведений для изучения особенности проявлений культуры постмодерна.

Ключевые слова: номадизм, вещь, постмодерн, культура, мобильность

Для цитирования: Шляков, А. В. Номадизация вещно-субъектного взаимодействия в культуре постмодерна / А. В. Шляков. – DOI 10.31660/1993-1824-2025-4-149-160 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2025. – № 4. – С. 149–160. – EDN: XBASDG

Nomadization of real-subject interaction in postmodern culture

Alexey V. Shlyakov

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
schafferhund@rambler.ru

Abstract. The aim of this study to identify the changes in the interaction between things and humans that arise from the unique characteristics of postmodern (postmodernity) culture. The hypothesis posits that the postmodern tendency to "blur" human identity appears in things and ways they relate to the subject.

The author of this paper reveals that, in postmodern culture, the essence of a thing undergoes transformations and they led to a change in its form, material, and functions that align with the trend described by J. Baudrillard as a "struggle against nature." The form of a thing becomes miniaturized, its material composition shifts from natural substances to plastics, and single-purpose functions give way to multifunctionality. It was found that a thing begin to transform into nomadic object motivating foster human mobility. It loses its essential content or "noumenality," causing the boundary between the internal and external to become blurred. A thing gains the potential for rhizomatic connections, displaying a tendency to form hybrids that combine elements from diverse origins (natural and artificial, material and ideal). Furthermore, life cycle and period of the "life" of a thing are significantly shortened, preventing its from obtaining own biography. An ad hoc approach governs its existence. This approach emphasizes impermanence and encourages replacement of a thing by newer things. As a result, a thing motivates human movement across physical, social, and spiritual spaces, transforming his identity into an "elusive one". The findings of this study may be beneficial for philosophers, culturologists, and educators in secondary and higher education who are investigating the manifestations of postmodern culture.

Keywords: nomadism, thing, postmodernity, culture, mobility

For citation: Shlyakov, A. V. (2025). Nomadization of real-subject interaction in postmodern culture. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 149-160. (In Russian). DOI : 10.31660/1993-1824-2025-4-149-160

Введение

Сегодня не вызывает удивления и даже звучит банально утверждение о том, что количество изменений за единицу времени «неуклонно растёт», «единственная константа современности — это изменчивость». Изменчивость стала одной из основных тем постмодернистского дискурса. Ей посвящали работы Ж. Бодрийяр, З. Бауман, Ж. Делёз. Изменчивость, подвижность обрела в культуре постмодерна статус социальной стратегии, получившей название «номадизм» (глобальное кочевничество). Номадизм постмодерна ориентирован на разрыв с любой закреплённостью, оседлостью, в которой видится акт принуждения, закабаления, а движение воспринимается как воплощение свободы. Действительно, социальные, экономические политические и иные факторы толкают человека к изменению местоположения, к перемещению внутри города, между городами, между странами, к тому же глобализационное стирание национальных, культурных границ упрощает этот процесс. Человек постмодерна превращается в неокочевника, который кочует не только по внешней территории, но и по идентификационным сериям. В процессе своего движения неокочевник вступает в связи и отношения с миром предметов, вещей, которые не только помогают осуществлять перемещение в пространстве, но и побуждают к нему. Появившиеся концепции ООО (объектно-ориентированной онтологии), витального материализма позволяют рассмотреть вещь как самостоятельный объект номадизма. Нам представляется актуальным изучить изменение положения вещи в системе отношений с субъектом, ведущее к освобождению вещи от человека и обретению статуса самостоятельно агента, побуждающего к движению, номадизму.

Материалы и методы

Методологической базой исследования служит философия и социология повседневности, хотя в академической философии повседневность становилась полем исследования в редких случаях. Э. Гуссерль выделяет *Lebenswelt* (жизненный мир) и провозглашает лозунг «возврат к самим вещам» [1]. М. Хайдеггер рассматривает повседневность как особую форму «бытия-в-мире», связанную с определенным способом отношения к вещам и людям [2]. Для него повседневность является «рассеянной самостью», «обезличенностью», которая позволяет человеку осуществить «экзистенцию от обратного». Степень растворения, рассеивания по полю повседневности пропорциональна интенсивности пробуждения самосознания человека, что может послужить рывком к подлинному бытию. М. Вебер описывал повседневность как «выхолощенную повседневность» и отождествлял ее с деградацией и упадком культуры [3]. На наш взгляд, негативное отношение науки к повседневной реальности не отменяет регулярное погружение в нее человека, в том числе и ученого. В акте присутствия в повседневности с позиции наблюдателя необходимо переместиться на позицию участника и обратиться к анализу и рефлексии пространства собственной «потерянности», «рассеянности» самости. Сталкиваясь в повседневности с вещным миром, человек обращается к различным бестелесным, интеллектуальным процедурам мифологизации эстетического переживания, проекции, не ограничиваясь лишь объективными характеристиками вещи и эксплуатацией ее функций. Ж. Лакан отмечает, что отношения с вещами, которые формируются в результате визуального постижения, упорядочивания и представления, носят подвижный текучий, ускользающий характер [4].

В современной отечественной философии к исследованию повседневного бытия вещей обращались М. С. Каган и Ю. М. Лотман, рассматривающие знаковую функцию вещи как доминирующую, В. В. Корнев, исследующий вещь как объект желаний, С. А. Лишаев, создавший школу исследований онто-концептуализаций вещей, Н. А. Муштей, рассматривающая модели и динамику бытийствования вещи, Н. Б. Маньковская, изучающая трансформацию вещи при переходе к постмодерну.

В исследовании номадизации отношений между вещью и человеком, помимо социологии и философии повседневности, представленной трудами С. А. Лишаева, К. С. Пигрова, А. К. Секацкого, методологической базой выступают труды постструктуралистов З. Баумана, Ж. Бодрийяра, Ж. Делёза.

Результаты и обсуждение

В постсовременности абсолютизируется культура мобильности, для которой важной задачей становится снятие, недопущение конфликтности. Культура модерна исходила из того, что противоречие, которое требует произвести выбор «или — или», является основой нравственного существования. В постмодерне происходит примирение конфликтующих сторон через допущение их одновременного существования «и — и». Та-

кое допущение плюрализма идей и действий способствует адаптированности субъекта к ситуации, в которой необходимо установление коммуникации со стороны, выражающей противоположные суждения. Подобный процесс А. К. Секацкий назвал «установлением поверхностного слоя имманенции, в котором образуется взаимопонимание без понимания» [5]. Такое контактирование представляет собой пересечение опознающих субъектов, проявляющих этикетную вежливость. Однако в мире, где разнородные предметы и идеи сосуществуют, утрачивается возможность различения подлинного и мнимого, тайного и явного, что делает невозможным выявление скрытых смыслов, и это настораживает и пугает человека. Такое состояние тревожности, страха А. К. Секацкий назвал состоянием аутизма, побуждающим субъекта найти посредника для коммуникации [5]. Посредником подобных контактов может выступать вещь, что приводит к проблемам овеществления и отчуждения. В традиционной культуре кустарного производства, ручного труда, которую М. Хайдеггер называл «эпохой мастера», для взаимодействия с вещью человек должен был обладать специальными навыками и умениями. Вещь воспринималась как инобытие, которое требует от субъекта приспособления, при этом она характеризовала своего владельца, история вещи и биография «хозяина» были неразрывно связаны. При переходе к машинному производству в период модерна вещь начинает восприниматься как идол, требующий поклонения, в противном случае человек становился жертвой машины. В этот период отчуждение было достаточно высоким. При переходе к культуре постмодерна вещь обретает новые свойства: она органична, осязательно комфортна при использовании, слушается голосовых приказов, но при этом становится обезличена. Вещь превращается в «слишком человеческую», она не вызывает прежнего страха, как в традиции, не нужно знать ее устройство, чтобы пользоваться, она десакрализована, очеловечена, а человек овеществлен. Реальность, которую можно встретить за пределами угождающих человеку вещей, все еще способна напугать, но если видеть в ней вещность, которая не имеет четкой персонификации, удобна и безобидна, то с ней вполне можно проводить время. Так и другой человек видится в вещной оптике как объект кратковременной коммуникации. Вещь постмодерна теряет свойства долговечности, она не несет отпечаток хозяина, лишена персональности. По словам К. Пигрова, сегодняшнее время можно назвать античностью вещей, «старые тела остаются, а старые вещи выбраковываются и выбрасываются» [6]. Подобную ситуацию можно объяснить ускорением повседневной жизни, в которой нет возможности осуществить авторство через со-творение вещей. Вещь — предмет, какой она была в модерне, становится вещью-проектом, которая из-за ускорения процессуальности не всегда может осуществиться.

В культуре модерна вещь существовала в том числе для удовлетворения желания человека, но в постмодерне обнаружилась проблема неспособности человека самостоятельно желать чего-либо. Для решения этой проблемы вещь наделяется функциями

искушения, соблазна, порождения желаний, «симулировании, стимулировании или переизобретения искусственных желаний» [7].

Внешний вид и форма вещи также подверглись серьезным изменениям: новое «тело» свидетельствует об отсутствии у вещи «ноуменальности». Это подтверждается принципиальной невозможностью разборки вещи и проникновения в ее «внутренний мир». У многих вещей отсутствуют разъемы для отверток. Если человек постмодерна был провозглашен «телом без органов» [8], то вещь постмодерна может быть описана как поверхность без нутра. У вещи традиционной культуры «внутренний мир» был открыт для мастера, обладающего специальными навыками. Сегодня ноуменальное бытие вещи закрыто или отсутствует, что подразумевает исчезновение ноумена в другом. При взаимодействии с вещью субъект сталкивается с поверхностью, которая уже лишена субстанциональности и исключает проникновение, допуская только скольжение (поглаживание), реализующее овеществленный соблазн. После выполнения этой своей функции лишенная самостоятельного существования вещь делается отходом, мусором, что порождает одну из серьезных проблем постсовременной цивилизации.

Вещь в культуре постмодерна уже не мыслится как единица, занимающая отдельную точку пространства. Она становится продолжением тела, тем самым изменяя границы экзистенциального «Я» и свои собственные вещные пределы. Сосредоточение перцептивных переживаний смещается с человеческой телесности на границу вещи, становящейся воспринимающей поверхностью.

По мнению Н. А. Муштей, переход к культуре постмодерна повлиял и на форму существования вещи, которая из вертикальной становится горизонтальной, так как допускает одновременное сосуществование разнотемпоральных объектов [8]. Культура постмодерна не только позволяет подобное соседство объектов разных исторических форм, но и распределяет их по пространству, осуществляя комбинирование. Горизонтальность бытийствования не допускает репрезентации возможных смыслов вещи, которые присутствуют одновременно. В гуманитарной науке при описании подобного горизонта применяют концепт «поверхность» (Ж. Делёз). Этот концепт не столько обращается к категории «поверхности», сколько ориентирует на представление об «одномерности» (Г. Маркузе), «прозрачности» (Ж. Бодрийяр). В нем проявляется отказ от глубины (вертикальности-осмысленности-историчности) и сведение всего к слою без толщины. Такая форма существования объектов не допускает глубины познавательного проникновения в их смысл, а лишь позволяет скользить по поверхности вещи, ограничиваясь ее опознаванием и описанием форм, данных чувственным восприятием.

В отличие от вещи культуры модерна постмодернистская вещь приобретает новые характеристики, к которым можно отнести: отсутствие осевого дуализма «вещь — место» и «вещь — имя», динамичность формы, поливариантность перемещений в пространстве, равноценность нисходящих и восходящих переходов вещи от сакрального к профанному и обратно [8]. Помимо этого, вещь утрачивает иерархичность

и долговременность и обретает ризомные свойства. Такой уход от вертикального бытийствования, утрата статичности формы приводит и к освобождению от одноразового означивания [8].

Переход формы существования вещи с вертикального на горизонтальное в пост-современной культуре проявляется в дизайне предметов и в виртуальных маркетплейсах.

Современный предметный дизайн пытается совместить художественность с функциональностью, что делает предмет амбивалентным, балансирующим на культурном фронтире сакрального и профанного, не относящимся ни к тому, ни к другому. В таком совмещении утилитарности и образности изначально лежит противоестественность, поэтому предмет дизайна инороден по отношению к полю повседневности. Такая вещь безжизненна, она бытийствует, не имея на себе следов бытования — царапин, сколов, что свидетельствует об отсутствии в ней истории, биографии. Художественность мешает вещи иметь функциональное применение, а утилитарность не дает возможности стать художественным объектом искусства. «Новизна» вещи обретается не через создание нового, а через отрицание старого (форм, имен, места в культурном пространстве). Предметный мир лишается постоянства, устойчивость образа вещи нарушается, при этом дестабилизации подвергаются и отношения субъекта и вещи: имя вещи уже не содержит обязательной «вещественности», старое имя устраняется, унося с собой и прежние культурные слои [10]. В культуре постмодерна форма вещи допускает сосуществование в ней двух равновозможных образов предметов, что требует постоянного перехода от одной интерпретации к другой, а это создает соперничество форм, затрудняя реализацию каждой (телефон-фотоаппарат, телефон-проигрыватель, телефон-книга).

Цель виртуальных торговых маркетплейсов, таких как OZON или Wildberries, Aliexpress, eBay, Amazon и других, состоит в реализации глобализации. Реальная вещь представлена на них в виде образа, с которым покупатель отождествляет предмет. Обычно положение вещи в пространстве обусловлено конвенциональными принципами культуры, помещающими предмет в определенный локус (религиозный предмет, кухонная утварь, садовые инструменты), но на виртуальных торговых площадках предметы разной культурной ценности помещаются в один ряд. Вещь на маркетплейсе не имеет биографии, истории, связи с местом или человеком, дистанции от покупателя. Пустота в культуре постмодерна пугает, поэтому виртуальные площадки плотно заполнены вещами независимо от их культурной наррации.

Внедрение в культуру повседневности цифровых технологий аннулировало расстояние между предметом и человеком. Как писал Ж. Бодрийяр: «Осязаемость больше не является органически присущей прикосновению» [10]. Расстояние, необходимое субъекту для возникновения эстетического восприятия объекта, исчезло, что изменило их связь. Субъект дан объекту, их действия создают сетевую сборку, в которой субъект ожидает от предмета исполнения функций, выполняемых им самим.

Первым предметом, приобретшим номадические свойства, по мнению Дж. Урри, был плеер Sony Walkman [12]. Этот предмет был фактическим «продолжением кожи человека» и предназначался для постоянно движущегося человека [13]. Плеер позволял прослушивать музыку во время прогулки, поездки в транспорте, путешествий. Впоследствии эта идея мобильных предметов, соединенных с телом, почти устранила неподвижные коммуникативные аппараты и породила концепцию «коммуникабельность на ходу», что оказало влияние на организацию времени, заставив перейти от ценности пунктуальности к допустимости опозданий. Соблюдение расписания перестало быть обязательным, так как наличие предметов связи позволило перейти от регламентированного времени к договорному. Достаточно короткого звонка или сообщения, чтобы произвести согласование по десинхронизации события [14]. Прийти вовремя больше не является важной задачей, она сменилась необходимостью проинформировать о своей задержке. Подобная процедура, совершаемая по мобильному телефону, наряду с анонимностью смс-сообщений способна уменьшить неловкость за необязательность проведения назначенной встречи, как при личном разговоре.

Появление мобильного телефона породило множество исследований его онтологии. М. Ферарис пишет, что мобильный телефон необходимо рассматривать не просто как объект, а как социальный объект, который осуществляет акты, формирует объекты, производит записи [15]. Утрата или порча мобильного исключает субъекта из сферы присутствия в социальной среде. Его наличие становится своеобразным «мобильным долгом», при этом он обладает свойством, *Jemeinigkeit* (способность быть всегда моим), а также *Befindigkeit* (расположенностью) и *Zuhandenheit* (подручностью), то есть, по мнению М. Ферарис, он имеет свойства хайдеггеровского *Dasein* [15]. Мобильный телефон легко меняет ценность «ближних» и «дальних», нивелируя пространственную удаленность.

Проводной телефон в культуре модерна реализовывал связь между пространственно-разделенными людьми, однако они должны были занимать конкретную точку пространства (местонахождение телефонного аппарата). Мобильный телефон освобождает от привязки к ней, позволяя «индивидуализированным, маленьким миркам коммуникации существовать посреди отсутствия, дистанцирования и разобщенности» [12]. Мобильный телефон выступает также инструментом, позволяющим отказаться от нежелательного личного общения при встрече с тем или иным субъектом: для этого достаточно сделать вид, что ты разговариваешь по мобильнику.

Ж. Аттали выявил, что современные технологии производят вещи, которые способствуют разрыву связей, нарушению привязанностей. Такие вещи он назвал «номадическими» [15]. Взрывной рост научно-технического прогресса, в частности развитие цифровых технологий привели к возможности осуществить «миниатюризацию» предметов, а открытия в области генной инженерии пошатнули устойчивость институтов традиционной культуры, предложив человеку свободу как в пространственном перемещении, так и культурном. Истоки взрывного роста прогресса Ж. Аттали находит в культурных

особенностях. Рассматривая Японию, Аттали видит, что локальность государственной территории способствовала созданию предметов малых форм, страх перед изолированностью побуждал к созданию и распространению новых коммуникативных средств, ограниченность ресурсов привела к замене туризма потреблением информации [16].

Культура постмодерна трансформирует услуги в предметы, которые благодаря своей портативности обретают номадический, подвижный характер: они легкие, мобильные, способны хранить в себе большой объем данных, что снимает необходимость личного контакта с людьми, оказывающими информационные услуги. Такие номадические предметы, невзирая на отличия, обладают общим принципом использования информации для манипулирования поведением человека, превращая услуги в предметы, а человека в потребителя. «Субъект может лишь желать — только объект может соблазнять» [16]. На фоне кризиса субъекта в европейской гуманитаристике Ж. Бодрийяр отмечает, что в культуре главным становится тот, кто соблазняет, а именно объект, который может очаровывать лишь потому, что не проявляет собственную субстанциональность, то есть состоит из ничто [16]. Предмет появлялся в модерне результате его производства и становился товаром, но сегодня, будучи возведенным в ранг фетиша, он сам порождает эффекты и становится абсолютным товаром, с нулевой ценностью и нейтральным качеством, и потому неподвластен объективному отчуждению. При этом предмет-фетиш тщательно избавляется от традиционных свойств предмета, чтобы явиться как нечто «чудовищно странное» или даже обценное [17]. Именно предмет не только желает за субъекта, но указывает ему, что желать, и порождает в нем эти желания.

Появление подобных номадических предметов связано с изменением мировоззренческих подходов в культурных парадигмах. Если традиционная культура исходила из установки всеобщей сакральности, современная культура (модерн) начинает процесс десакрализации (*Entzauberung der Welt*), приведший к возвеличиванию, обожествлению человека, то постсовременная культура (постмодерн) очеловечивает вещи, придавая им разумность, самооценку и непродолжительные сроки «жизни». Вещь традиционной культуры переживает тысячелетия, меняя свой статус с функциональной на символическую. Вещь современной культуры живет в своем функционале, который долговечен и длится столетия. Предметы быта, станки, инструменты прошлого и позапрошлого веков до сих пор работоспособны. Номадическая вещь создана для кратковременного пребывания. Будучи новинкой утром, она к вечеру становится анахронизмом. Подобный процесс описал Э. Тоффлер, назвав его *ad-hoc-кратией* — системой адаптационного поведения, основанного на непостоянстве и самопроизвольности [18]. Вещь сегодня создается не для того чтобы остаться, а чтобы уступить место другой, такой же недолговечной вещи. Подобная смена вещей происходит в горизонтальном срезе, то есть переход от вещи к вещи не несет качественных изменений, но создает иллюзию новизны.

Массовое вовлечение в туризм привело к возникновению новых номадических предметов, для которых движение, преодоление расстояний заложено в сущности

предмета. Эти предметы созданы, чтобы быть перевезенными в другую точку пространства, в другой город, в другую страну. Речь идет о сувенирной продукции: открытки, магнитики, фигурки, флажки, отображающие достопримечательности региона.

В постсовременной культуре человек может совершать свое путешествие, кочевание, даже находясь у себя дома. Различные средства связи, коммуникаций предлагают многообразные перемещения во времени и пространстве, в реальном или виртуальном. Экономическое неблагополучие, лишаящее человека доступа к высокотехнологичным путешествиям, не исключает его из потенциальных номадов путешественников, предлагая совершить странствие через приобщение к «кочевым субстанциям побежденных грядущего тысячелетия, отрешенных и отверженных», к которым Ж. Аттали относит алкоголь и наркотики [16]. Будущее видится Ж. Аттали достаточно пессимистично: обладание номадическими предметами станет символом свободы, что приведет к номадическому помешательству, стиранию границ между национальными государствами, между варварством и культурой, и закончится все превращением мечты о свободе в отсутствие всякого выбора [16].

Таким образом, изменение субъект-объектного взаимодействия обусловлено трансформациями сущности вещи в новых культурных обстоятельствах, приведших к изменению ее формы, материала, функций. Общая ориентация этих модификаций вызвана тенденцией «борьбы с природой» (Ж. Бодрийяр) [19]. Из формы вещи, которая подвергается сжатию и уменьшению, устраняются потребности в усилии, что отражает отказ от символизации труда. Содержание вещи, ее материал, освобождается от природных субстанций (дерево, камень, кожа) и заменяется на пластик и полимерные соединения. Единичность функций вещи, как это было в современной культуре, сменяется многофункциональностью (телефон фотографирует, часы воспроизводят музыку).

Выводы

Наступление постсовременной культуры, культуры постмодерна приводит к тому, что вещь начинает проявлять совокупность свойств, превращающих предмет в номадический. В ней обнаруживается потеря собственного сущностного содержания, «ноуменальности», нивелируется граница внутреннего и внешнего. Вещь приобретает потенцию к ризомным соединениям, обнаруживая в себе склонность к образованию сборок с элементами разнородного происхождения (естественного и искусственного, материального и идеального). У вещи постмодерна значительно сокращается срок службы и период «жизни», что не позволяет ей успеть обрести собственную биографию. Ее существование контролируется ad-hoc подходом, требующим признать собственную недолговечность и уступить место новым вещам. Вещь перестает быть исполнителем одной функции и становится носителем множества функций, которые в культуре модерна принадлежали отдельным предметам, а их сосуществование в одном было невозможно.

Анализ культурных условий становления повседневности в основных парадигмах позволил определить, что проект возвеличивания человека, свойственный модернистской культуре, сегодня трансформировался в очеловечивание вещи, в наделение предмета антропными качествами. Как и человек культуры постмодерна, вещь была десакрализована и перенесла свое существование в горизонтальную плоскость бытия-существования. Она превратилась в предметное «тело без органов», тем самым «деиндивидуализируя» и самого хозяина — человека. Имея потенцию к мобильности, она побуждает человека к перемещениям в физическом, социальном и духовном пространствах с целью обретения субъектом идентичности, трансформируя его идентичность в «ускользающую».

Список источников

1. Гуссерль, Э. *Философия как строгая наука* / Э. Гуссерль; перевод с немецкого; сост., подгот. текста и примеч. О. А. Сердюкова. – Новочеркасск : Сагуна, 1994. – 358 с. – Текст : непосредственный.
2. Хайдеггер, М. *Бытие и время: статьи и выступления* / М. Хайдеггер; перевод с немецкого В. В. Библихина. – Москва : Республика, 1993. – 448 с. – Перевод изд. : *Sein und Zeit* / Martin Heidegger. – Tübingen, 1993. – Текст : непосредственный.
3. Вебер, М. *Избранные произведения* / М. Вебер ; Составление, общая редакция и послесловие Ю.Н. Давыдова; предисловие П.П. Гайдено; перевод с немецкого М. И. Левиной, А. Ф. Филиппова, П. П. Гайдено; комментарии А. Ф. Филиппова. – Москва : Прогресс, 1990. – 808 с. – Текст : непосредственный.
4. Лакан, Ж. *Четыре основные понятия психоанализа (Семинары: кн.11 (1964))*; перевод с французского М. Титовой, А. Черноглазова. – Москва : Гнозис : Логос, 2004. – 304 с. – Перевод : *Lacan, Jaques Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse (1964), livre 11* Paris : Editions du Seuil, 1973. – Текст : непосредственный.
5. Секацкий, А. К. *От формации вещей к эпохе текстов* / А. К. Секацкий. – Текст : электронный // *litpromzona.narod.ru* : сайт URL: <http://litpromzona.narod.ru/sekackii/otform.html> (дата обращения: 26.04.2025).
6. Пигров, К. С. *Бытие и возраст. Монография в диалогах* / К. С. Пигров, А. К. Секацкий. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2017. – 250 с. – Текст : непосредственный.
7. Секацкий, А. К. *Эстетика в эпоху анестезии* / А. К. Секацкий. – Текст : непосредственный // *Глобализация в социально философском измерении: сборник материалов конференции*. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 65–81.
8. Делёз, Ж. *Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения* / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; перевод с франц. и послесловие Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 672 с. – Текст : непосредственный.
9. Муштей, Н. А. *Способы бытия-существования вещей: модели и динамика: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук* / Муштей Надежда Анатольевна – Саранск. – 2013. – 23 с. Место защиты : Мордовский государственный ун-т им. Н. П. Огарева. – Текст : непосредственный.

10. Жердев, Е. В. Метафора в дизайне / Е. В. Жердев. – Москва : Архитектура-С, 2010. – 464 с. – Текст : непосредственный.
11. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр ; перевод с фр. Л. Любарской и Е. Марковской. – 3-е изд. – Москва : Добросвет, 2009. – 260 с. – Перевод : Baudrillard, Jean. *La transparence du Mal*. Paris: Galilée, 1990. – Текст : непосредственный.
12. Урри, Д. Мобильности / Д. Урри; перевод с англ. А. В. Лазарева, вступ. статья Н. А. Харламова. – Москва : Праксис, 2012. – 576 с. – Текст : непосредственный.
13. *Production of Culture and Cultures of Production* / Du Gay P. (ed.). Vol. 4. – London: Sage, 1997. – Text: direct.
14. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 240 с. – Текст : непосредственный.
15. Ферарис, М. Ты где? Онтология мобильного телефона / М. Ферарис ; перевод с итал. К. Тименчик, М. Устюжаниновой. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – 352 с. – Перевод изд.: *Dove sei? Ontologia del telefonino* / Maurizio Ferraris, Milano, 2005. – Текст : непосредственный.
16. Аттали, Ж. На пороге нового тысячелетия / Ж. Аттали; перевод с англ. – Москва : Международные отношения, 1993 г. – 135 с. – Текст : непосредственный. – Перевод изд.: *Millennium. Winners and Losers in the Coming World Order. Lignes d'horizons* / J. Attali. 1990.
17. Бодрийяр, Ж. Фатальные стратегии / Ж. Бодрийяр ; перевод с французского Качалова А. В. – Москва : РИПОЛ классик, 2017. – 288 с. – Перевод : Baudrillard, Jean. *Les stratégies fatales*. – Текст : непосредственный.
18. Тоффлер, Э. Шок от будущего / Э. Тоффлер; перевод с англ. – Москва: «Издательство АСТ», 2002. —557 с. – Текст : непосредственный.
19. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр; перевод с французского и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – Москва : Рудомино, 1999. – 222 с. – Перевод изд.: *Le système des objets* / Jean Baudrillard. Paris, 1991. – Текст : непосредственный.

References

1. Gusserl, E. (1994). *Filosofiya kak strogaya nauka*. Novocherkassk, Saguna Publ., 358 p. (In Russian).
2. Heidegger, M. (1993). *Sein und Zeit*. Tübingen. (In German).
3. Weber, M. *Izbrannye proizvedeniya*. (1990). Moscow, Progress Publ., 808 p. (In Russian).
4. Lacan, J. (1973). *Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse* (1964), livre 11. Paris : Editions du Seuil. (In French).
5. Sekatskiy, A. K. (2025). *Ot formatsii veshchey k epokhe tekstov*. Availabl at: <http://litpromzona.narod.ru/sekackii/otform.html> (accessed 26.04.2025). (In Russian).
6. Pigrov, K. S. & Sekatskiy, A. K. (2017). *Bytie i vozrast. Monografiya v dialogakh*. Sankt-Peterburg, Aletyya Publ., 250 p. (In Russian).
7. Sekatskiy, A. K. (2003). *Estetika v epokhu anestezii Globalizatsiya v sotsial'no filosofskom izmerenii: sbornik materialov konferentsii*. Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, pp. 65-81. (In Russian).
8. Deleuze, G. & Guattari, F. (1972). *L'anti-Œdipe. Capitalisme et schizophrénie*. Paris Editions Minuit. (In French).
9. Mushtey, N. A. (2013). *Sposoby bytiystvovaniya veshchey: modeli i dinamika*. Avtoreferat diss. ... kand. filos. nauk . Saransk, 23 p. (In Russian).

10. Zherdev, E. V. (2010). Metafora v dizayne. Moscow, Arkhitektura-S Publ., 464 p. (In Russian).
11. Baudrillard, J. (1990). La Transparence du Mal. Paris, Galilée. (In French).
12. Urry J. (2010). Mobilities. London, Routledge. (In English).
13. Du Gay, P. (Ed.). (1997). Production of Culture and Cultures of Production, (4), London, Sage. (In English).
14. Bauman, Z. (2008). Tekuchaya sovremennost'. Sankt-Peterburg, Piter Publ., 240 p. (In Russian).
15. Ferraris, M. (2005). Dove sei? Ontologia del telefonino. Milano. (In Italian).
16. Attali, J. (1990). Millennium. Winners and Losers in the Coming World Order. Lignes d'horizons. (In English).
17. Baudrillard, J. (1983). Les stratégies fatales. Paris : Editions Grasset & Fasquelle. (In French).
18. Toffler, A. (1970). Future shock. New York, Random House, 505 p. (In English).
19. Baudrillard, J. (1991). Le système des objets. Paris, Gallimard, 288 p. (In French).

Информация об авторе/ Information about the author

Шляков Алексей Владимирович,
доктор философских наук, профессор кафедр
ры гуманитарных наук и технологий,
Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень, schafferhund@rambler.ru, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-4294-2704>

Alexey V. Shlyakov, Doctor of Philosoph-
ical Sciences, Professor at the Department of Hu-
manities and Technologies, Industrial University of
Tyumen, schafferhund@rambler.ru, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-4294-2704>

Статья поступила в редакцию 24.09.2025; одобрена после рецензирования 15.10.2025; принята к публикации 29.10.2025.
The article was submitted 24.09.2025; approved after reviewing 15.10.2025; accepted for publication 29.10.2025.

На научный журнал

«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика»

(подписной индекс: 19420) можно оформить **подписку** на сайте Объединенного каталога **«Пресса России»**: <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/t19420/>,

а также можно подписаться через интернет-магазин

«Пресса по подписке»:

https://www.akc.ru/itm/izvestiy_a-vy_iss_hih-uc_hebny_ih-zavedeniy-sot_siologiy_a-y_ekonomika-politika/

Дата выхода в свет 29.12.2025. Формат 60х90 1/8.

Уч.-изд. л. 11,35. Усл. печ. л. 20,12. Тираж 500. Заказ № 3146.

Распространяется по подписке. Цена свободная.

Центр развития публикационной активности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования

«Тюменский индустриальный университет».

625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.

Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ

625027, Тюмень, ул. Киевская, 52.